

Иван Яцук

Путь олигарха

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Роман

18+

Иван Яцук

Путь олигарха Иван Яцук

«Автор»

2020

Яцук И. М.

Путь олигарха Иван Яцук / И. М. Яцук — «Автор», 2020

Роман погружает читателя в драматическую атмосферу 90-х годов на Украине. Здесь и разрушение привычного образа жизни, и бандитские разборки, и крушение идеалов. Идет борьба добра со злом, в которой присутствует и великодушие, и жестокость, благородство и низость, ненависть и любовь, причем, всякая: любовь высокая и любовь, основанная на расчете, и любовь откровенно продажная. Рождается класс униженных и оскорбленных и слой, из которого выйдут будущие основатели олигархических династий. Содержит нецензурную брань.

© Яцук И. М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	39
Глава восьмая	49
Глава девятая	57
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	70
Глава двенадцатая	77
Глава тринадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Иван Яцук, Иван Яцук

Путь олигарха Иван Яцук

Пролог

Последние пятнадцать лет двадцатого столетия, лихие девяностые! О, это было волнующее, интересное время! Время, когда в одночасье, сродни последнему дню Помпеи, рушились империи, союзы, военные блоки, страны, и словно из чудесной пены возникали новые государства, о существовании которых раньше невозможно было даже помышлять.

Время, когда низвергались великие утопии, незыблемые теории, тысячелетние мифы и появлялись новые – такие же вроде бы незыблемые, базисные и основополагающие.

Время, когда исчезали видимые и виртуальные стены между социальными системами и странами, между народами и расами, между обществом и личностью. Время, когда Горбачов и Сахаров были властителями дум, когда сверхдержава останавливала свое рабочее трудовое движение, чтобы послушать речь делегата первого съезда народных депутатов; когда она, эта держава, замирала в тревожном предчувствии беды, наблюдая неслыханный демарш литовской делегации, покидающей зал заседаний, где в президиуме сидел бледный и растерянный, еще недавно всесильный Генеральный секретарь ЦК КПСС и безвольно перебирал бумаги, не зная, что предпринять.

Время, когда методами афинской агоры и новгородского вече избирались руководители заводов и фабрик, институтов и ресторанов, колхозов, совхозов и адвокатских контор. Время, когда российские танки стреляли по российскому же парламенту. Это время великих перемен, когда дух новизны, ниспровержения метался, как демон, по одной шестой части земной тверди, долго не находя пристанища и покоя.

Через некоторое время и он устал от разрушительной работы. С тяжелым лязгом и грохотом пал «железный занавес», и миллионы советских в прошлом граждан ринулись на Запад: кто за верой, кто в поисках лучшей жизни, кто на заработки, кто просто людей посмотреть и себя показать.

На Украине это вылилось в создание « Великого шелкового пути» в Польшу, Венгрию, Югославию, Словакию . Как будто прорвало плотину: люди, словно « показывались» и подобно воде хлынули в соседние страны спускать национальное достояние, создаваемое десятилетиями тяжелого, упорного, стахановского труда. Продавалось все: тарелки, ложки, мотоциклы, холодильники, вышиванки, наборы инструментов, научные идеи, проекты, солдатские бушлаты, ботинки, картины, полотенца, ордена, станки, старинные книги, архивные документы, иконы, семена– все, что только пользовалось спросом. С такой же широтой и охватом торговали все: кладовщики, официанты, завхозы, доценты, следователи, старшие следователи и следователи по особо важным делам, преподаватели политической экономии, истории КПСС и научного атеизма, командиры воинских частей, технологи, сторожа, главврачи, свидетели Иеговы, инспекторы Красного Креста, воспитатели детских садов, начальники политуправлений, неподкупные инспекторы ГАИ, наперсточники, специалисты в области высокотемпературной плазмы, пушкинисты и лермонтоведы, геологи, вокалисты, очень требовательные к себе в деле служения искусству; художники- маринисты, иногда снисходившие до прибрежных пейзажей, слесари- сантехники, немного не дотягивающие до звания пропащих, служители разных культов и многие другие (смотри в перечень профессий).

Но все в этом бренном мире кончается. Кончились и махровые простыни вкупе с наборами никелированных слесарных ключей, кончились блюда, кончилась килька в томатном соусе, что по 21 копейке – кончилось все. Канула в вечность великая вещевая лихорадка, и

пришло время подводить итоги. И тогда, как после долгой ночной азартной игры, все принялись лихорадочно подсчитывать свои барыши. Кто-то выиграл несколько миллионов, кто-то несколько тысяч, а большинство вообще ничего не выиграло, оглянулось в отрезвлении «с усмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом», тяжело вздохнуло и принялось жить дальше, надеясь на лучшее.

Надо было все начинать сначала, делить оставшиеся крохи и вновь создавать то, что так азартно, « по быстрячку», спустили за бесценок. И тогда началась очередная полоса бытия – полоса внутренних разборок и перераспределения национального богатства, теперь уже недвижимого, началась эра первичного накопления капитала. Началось мутное время.

Глава первая

В прозрачной люльке из сухого, горячего таврийского воздуха лениво, дремотно качалось безрадостное, душное провинциальное лето 1995 года, когда на унылую, безлюдную площадь перед Днепровским консервным комбинатом на полной скорости влетел черный 600-тый «Мерседес» с киевскими номерами, блистая никелем под горячим южным солнцем.

Почти не снижая скорости, водитель круто, по-фраерски, развернул машину так, что она завертелась, как волчок, и едва не перевернулась. Истериčno завизжали тормоза, поднялись тяжелые, серые тучи слежавшейся пыли, смешанные с черными клубами дыма, валившими из выхлопной трубы «Мерса». Скрежет тормозов отозвался далеко вокруг, на что, видимо, и рассчитывали приехавшие.

Авто замерло перед дверью комбинатовского магазина, построенного в стиле социалистического баракко, то есть в виде длинного, неказистого сарая, не выдавшего к тому же несколько лет ремонта. Некоторое время машина стояла без явных признаков жизни, очевидно, наслаждаясь произведенным эффектом. Затем оттуда неуклюже из-за долгой езды, обливаясь потом, вылезли три конкретных пацана: сперва двое верзил с квадратными подбородками, одетые в черные костюмы, белые рубашки и черные галстуки – классическое одеяние голливудских ганстеров, как их изображали в советских кинофильмах – затем нарисовался третий, еще более живописный.

Это был классический образец «нового украинца». Роста выше среднего, с короткой шеей и толстым затылком, с мощными, тугими руками, выглядывающими из-под коротковатых рукавов бархатного малинового пиджака – это в сорокаградусную-то жару! – он выглядел кряжистым, ражим силачом даже рядом с крепкими, угрюмыми его сотоварищами.

На крутой груди его болталась золотая цепь – цепура! – такая толстая, какую носят только мэры городов в торжественных случаях приведения к присяге. Темно-коричневые туфли, расписанные «под крокодила», явно тесноватые, заставляющие его даже прихрамывать, бежевые велюровые брюки, поддерживаемые широким кожаным поясом, выбритый до блеска в глазах череп – все в полном соответствии с тогдашней модой и тогдашними вкусами. Более нелепого наряда в середине июльского палящего дня трудно было придумать. Но зато подобный прикид тогда впечатлял.

Между тем лицо крутого парня, круглое, румяное, выглядело добродушным, хотя он и пытался придать ему грозное выражение.

– Кажется, приехали, – удовлетворенно сказал здоровяк с повадкой главаря, потягиваясь и разминаясь.

Двое столбов молча закурили.

– Шеф, я поставлю машину в холодильник, – высунувшись, то ли спросил, то ли сообщил для сведения водитель – мужчина лет под пятьдесят, щуплый, с лисьим, хитроватым лицом.

– Не шустри, – остановил его жестом босс, – постой еще минут пять; пусть полюбуются и оценят. В этой тмутаракани не каждый день «мерсы» ходят. Так, ребята?! – он обернулся к спутникам. «Ребята» кисло подтвердили.

Шеф продолжал разминаться: приседал, обнимал себя руками, двигал затекшими пальцами ног, поводил плечами. Даже сквозь его пиджак не по теме, было заметно, что он напигован силой и энергией, как щука фаршем на праздничном столе еврея. Подвижное его лицо меняло выражение, как стрелка барометра во время встречи разных по направлению погодных фронтов.

Разминаясь, он о чем-то сосредоточенно думал и хмурился. Когда шеф мрачнел, он весь превращался в настороженного, опасного зверя, и тогда его могучие руки, чувствовалось, могли скрутить шею любому из этих гранитных мальчиков, что стояли рядом.

Когда же лицо этого котигорошка освещала улыбка – это был рубаха-парень, тамада на грузинской свадьбе, впрочем, с хитрецей в умных, зорких глазах.

– Ну что, ребята, – через некоторое время сказал главарь, – спектакль начинается. Еще раз предупреждаю: действовать строго по сценарию, как мы с вами отрабатывали. Говорить как можно меньше. Ваша задача – играть лицом. Никакой отсебятины.

– Обедать когда будем? – буркнул один из молчунов. – Почти сутки не жрали.

– Когда позовут, – спокойно ответил шеф. – Злее будем. А пока, Валентин Степанович, гони машину в тень, но так, чтобы пушку было видно всем. Никого не отгонять, пусть полюбуются, что там в машине. Думаю, минут через двадцать в приемной будет известно, что и как. А мы пока пойдем в люди. Явление Христа народу, так сказать. Сила, воля, непреклонность с вашей стороны, а я – сама простота и доступность. Пошли.

Но прежде чем идти к народу, здоровяк подошел к машине, открыл заднюю дверцу и чуть больше выдвинул на всеобщее обозрение приклад автомата.

– Вот так будет лучше, – сказал сам себе главарь и любовно погладил дерево приклада.

– А не сдадут нас раньше времени за это? – спросил один из спутников.

– Для того, чтобы сообщать в милицию, надо точно знать, что это боевое оружие, – быстро парировал сомнение главарь. – А вдруг это всего лишь детская игрушка?! Сейчас милицию на мякине не проведешь, и она на первый попавшийся звонок не поедет, у них этих звонков каждый день несколько десятков, а бензина нет. Кроме того, все нужные люди предупреждены, все схвачено и все оплачено, ясно? Идем.

В магазине было полно людей: отоваривали зарплату за апрель. Завидев приближение троицы, народ сперва взволнованно загалдел, зашелестел шепотом осенних листьев, а потом затих в беспокойном ожидании. Командир зашел в магазин разудалой походкой Стеньки Разина, эдаким хватом, остановился, картинно подбоченясь, широко, уверенно, снисходительно улыбнулся.

– Здорово, мужики! Что продаем, что покупаем?

Народ безмолствовал, не ожидая ничего хорошего от подозрительной кампании: в городе уже вовсю шли бандитские разборки, во время которых попадало и правым, и виноватым. Мужиков в магазине – два-три человека, остальные – женщины. Все делали вид, что озабочены исключительно очередью. Наконец из толпы кто-то мрачно произнес:

– Ничего не продаем, ничего не покупаем. По-лу-ча-ем, по талонам и спискам.

– Ясс-но, – протянул новоявленный Разин. – Военный коммунизм, значит. – Он окинул взглядом витрину, взял, не спросясь, баночку овощных консервов и продолжал в прежнем шутовском тоне:

– И почем нынче корм для народа?

– Не корм, а икра кабачковая, – назидательно поправила его шустрая старушка с лицом, сморщенным, как соленый огурец весной. И этот сморчок, плавающий в белой плесени своих волос, вдруг бойко и даже с некоторой коварной поддевкой спросил:

– А у вас, собственно, талоны есть? Это только для рабочих комбината. – В ее голосе звучало желание представить это унижение хоть какой-то льготой, хоть как-то поднять стоявших в очереди.

– Бабуля, не пыли, – равнодушно сказал Стенька, продолжая рассматривать и читать этикетку. – Ик-ра ка-ба`ч-ковая, – медленно произнес Разин, делая ударение на втором «а» в слове «кабачковая», отчего название продукта получало непристойный смысл. – А насчет талонов, хорошая ты наша, – непринужденно отвечал незнакомец, – то скажу, что когда мы купим эту вашу халабуду, то отменим всякие талоны. Так, ребята? – он лениво обернулся к своим. Те молча и медленно кивнули.

– Так сколько же стоит эта баночка? – Разин вопросительно посмотрел на продавщицу, похожую на жрицу храма, в который нечаянно заглянули непрошенные гости другого вероис-

поведения. Она, не отвечая, величественно подала прейскурант цен, который теперь назывался прайс- листом. Посетитель мельком пробежал помятый листок и с неподдельным удивлением воскликнул:

– Господа! Да вы живете в затерянном мире! В Киеве лет пять нет уже таких цен!

– Зато в Киеве есть деньги, – кинул кто-то из очереди.

– Деньги будут и очень скоро, – уже совсем другим тоном, веско и многозначительно сказал крутой незнакомец и вышел, позвякивая болтающейся цепурой.

Возле машины уже вертелось несколько зевак: все-таки в 1995 году новый или почти новый « Мерс» был еще в диковинку. Завидев хозяев, все мгновенно исчезли.

– Так-так, – удовлетворенно протянул главарь, наблюдая эту сцену, – схема работает. Теперь можно идти дальше.

После ухода из магазина чужаков там опять, как не раз бывало, возникло что-то вроде митинга. Посредине стал мужик лет сорока пяти с таким серым, изможденным лицом, с такими глубокими морщинами, как будто он сошел с давнишнего плаката, изображавшего тяжелое положение пролетариата в царской России. Он был явно под хмельком.

– Вас всех купят, как скотов, а потом выгонят на улицу, как бродячих кошек, – кричал мужик. – Вы посмотрите, какие они морды наели, а нам хлеба не на что купить.

– Пить надо меньше, – крикнула одна из женщин.

– Пью, потому что не могу спокойно смотреть на это блядство.

– А ты где раньше был?

– Там, где и все. В жопе. Кто против Союза голосовал – теперь расхлебывайте.

– Они хитро вопрос поставили: не против Союза, а кто за независимость Украины, – кричала тетка. – А кто будет голосовать против независимости? – То-то и оно. Кто же знал, что так повернется? Обманули народ.

– А ум зачем вам даден? – не унимался прообраз царского пролетариата. – Просрали нашу власть, теперь будете лизать свою икру кабачковую с ихней задницы. Где этот хрен заработал на такой « Мерседес»? Ему чуть больше тридцати, а он уже какой крутой. Вишь, теперь он на комбинат замахивается? За какие такие шиши? А болт завода Петровского ты не хочешь?

– И купит, будьте уверены. Я слышала, что винзавод уже купили, – кликушествовала еще одна.

– Ну и пусть покупают, – отвечала ей третья. – Значит, грамотные люди, если деньги есть; значит, умеют вести дело, не то, что наши. Купят – и себе заработают и нам дадут заработать. Нам много не надо. Дай хорошую зарплату – и называйся хоть ангелом, хоть чертом.

– Больно ты умная! Кто о тебе собирается позаботиться? Им бы свой карман набить, а там трава не расти, – возмущались из толпы. – Понавезут своих, а ты будешь грузить песок в Цюрупинске.

Жертву подневольного труда постепенно оттеснили с центрального места, но он продолжал пьяно ворчать про себя. Но кричали другие.

– Не так страшен черт, как его малюют. Нам нужны богатые люди, хватит нищету плодить. Богач, он и в Африке богач, он десять обедов не съест, что-то и нам достанется.

– Держи карман шире! Наши родители боролись, чтобы мы холуями не были, а теперь добровольно в хомут лезть? Где это видано, чтоб богач с кем-то делился, чмо ты поганое?

– Сама ты чмо! Наслушалась на партсобраниях дерьма всякого, а теперь нам мозги засе-раешь. Хватит, мы вас 75 лет слушали. На Западе люди живут и работают, как люди, а мы чем хуже? Рабочие руки нужны везде; но только хорошие руки, а не такие, как у нас: один с сошкой, а семеро с ложкой. Посмотри, сколько у нас бездельников на комбинате. Экономиста по социалистическому соревнованию за ненадобностью в бухгалтерию перевели – паца великая. Начальник гражданской обороны – важный, как гусь, ходит, а толку с него, как с козла молока. Вот и доработались до ручки.

Это почти ежедневное вече продолжалось бы еще долго, но наступил обеденный перерыв. Продавщицы бесцеремонно вытолкали ораторов на улицу, а там все вдруг растеряли весь свой обличительный пыл и разбежались кто куда.

Приемная генерального директора комбината, просторная, ухоженная, хорошо меблированная. В глубине – приятный полумрак, работает кондиционер. Телефон внутренней связи, городской телефон, телетайп – все для обеспечения нормальной работы руководителя.

Заведует всем этим хлопотным хозяйством уже почти год Альбина Николаевна Захарченко, в обиходе – Альбина. Работы предостаточно: входящая корреспонденция, исходящая, планерки, совещания, приказы, инструкции, распоряжения – все это надо зафиксировать, распределить, раздать.

А кроме того, звонки отовсюду: из Киева, мэрии, районных исполкомов, от поставщиков, от покупателей, от назойливых жалобщиков. Это целое искусство – отфильтровать все лишнее, твердо знать, что очень важно, что не требует отсрочки, а что может и подождать, иначе никакого времени у Генерального не хватит, чтобы отбиться от всех желающих встретиться с ним или просто переговорить. И друзей приобретешь, а еще вернее, врагов себе наживешь на этом диспетчерском пункте. Но ничего – Альбина справляется. Правда, у нее в помощниках еще одна секретарша – немногословная, незаметная с некоторых пор женщина.

Когда-то она была тоже хозяйкой приемной, но возраст снял ее с этого авторитетного, но и хлопотного поста, и теперь Клавдия Борисовна выполняет самую черновую работу по заполнению всяких журналов и ведомостей, приему заявлений и жалоб.

Возраст и потеря престижа, видимо, и сомкнули ее уста, потому что старожилы помнят ее веселой, беззаботной и компанейской. Сейчас Борисовна безропотно исполняет указания только одного человека – Альбины Николаевны, которая иногда может и прикрикнуть на нее в приливе исполнительского ража. Борисовна не обижается или делает вид, что не обижается, потому что сама была такая, а теперь рада, что хотя бы не сокращают.

Эти беспрерывные сокращения висят над всеми, как дамоклов меч. С Генеральным она теперь мало контактирует, разве что Альбина Николаевна куда-нибудь выйдет проветриться и надо что-нибудь срочное сделать. Чаше всего директор посылает Борисовну разыскать Альбину Николаевну, которая, узнав, что она нужна шефу, летит со всех ног, приговаривая с гордостью по дороге: уж и на пять минут отлучиться нельзя – и победоносно смотрит на Борисовну.

Альбине – двадцать восемь лет. Успела побывать замужем и разойтись. Галинке – четыре года, она больше с бабушкой, чем с мамой. Сама Альбина теперь умнее и строже с мужчинами. Действует по английской поговорке: если человек обманул тебя один раз – он подлец; если он обманул тебя два раза – ты дурак. Она не хочет ходить в дураках, знает себе цену и знает теперь точно, кто ей нужен, но держит это в секрете от всех.

Альбина миловидна, стройна, белокура, весит всего на два килограмма больше идеального для девушки веса, рассчитанного американскими учеными, на ночь ничего, кроме обезжиренного кефира не ест и ходит домой пешком, как рекомендуют диетологи. Вот только курит – и с этим пока ничего не может поделать, еще в школе для пущего форса стала покуривать и постепенно втянулась до невозможности. Завязать с курением – это у нее в проекте.

С Генеральным Альбина ведет себя ровно, сдержанно, хотя и могла бы, конечно, позволить себе некоторую вольность, но Генеральный долго не видел в ней женщину, что несколько обижало ее, но у него Вера Феликсовна на уме – заместитель директора, второй человек на комбинате, и с ней конкурировать – боже сохрани.

У Альбины Николаевны маленькая грудь – предмет ее огорчения, но соски, тугие, остренькие, так и норовят выпрыгнуть из выреза платья или прозрачной, невесомой кофточки.

И однажды, когда Феликсовна впервые за несколько лет ушла в отпуск, Генеральный обратил внимание на ее декольте и не выдержал искушения. Даже не то, что не выдержал: как-

то не принято в руководящей среде, чтобы первое лицо не трахнуло свою секретаршу, если она молода и красива. Это обидно для нее, да и делу мешает: нет нормального человеческого контакта. Выходит директор держит свою секретаршу на расстоянии, хотя той приходится выполнять самые щекотливые поручения шефа, самые доверительные.

Короче, «Альбина, – сказал однажды Виталий Семенович обычным деловым голосом, – принеси мне зеленого чая с лимоном». Альбина старательно принесла чашку с чаем в комнату отдыха, которая располагается сразу за кабинетом директора, наклонилась, чтобы поставить на столик, обнажив до предела свои прелести. «Непорядок получается, что директор не уделяет внимания своей секретарше, – ласково проговорил Виталий Семенович и обнял ее сзади, поцеловал в шейку, обласкал грудь... «Виталий Семенович, что вы, я сейчас не готова», – прошептала ошарашенная и приятно взволнованная Альбина. Но Генеральный так не считал.

Не теряя драгоценного директорского времени он задрал легкое, как пушинка, платьице, приспустил ажурные трусики, которые Альбина предусмотрительно одевала, имея ввиду отсутствие Веры Феликсовны, и не успела она опомниться, как их уже соединял надежный, прочный мост, и ничего, что он ходил туда-сюда, зато она отныне с директором душа в душу. Несколько минут – и Альбина выпорхнула в приемную, почти не помяв ни прически, ни платья. Очень удобно.

После этого Виталий Семенович через день уделял внимание своей секретарше в течение всего времени, пока Вера Феликсовна изволила отдыхать. С замиранием сердца Альбина Николаевна ожидала первого появления Тоцкой после отпуска, но все обошлось благополучно, никто не выдал, никто не донес, создав у Альбины ложное впечатление, что никто ничего не знает, только легкая улыбка тронула губы Клавдии Борисовны, когда она наблюдала встречу соперниц.

Потом Альбина с директором отработали процесс тайного предобеденного секса до автоматизма. Паролем было: «Альбина, принеси мне зеленого чая с лимоном». Ритуал далее был следующим: заход, стойка, платье наверх, трусики глубоко вниз, процесс, финиш и спокойный, непринужденный выход в приемную с записной книжкой и быстрой отдачей какого-нибудь приказа Клавдии Борисовне.

Конечно, было немного досадно, что Виталий Семенович не тратился даже на разговоры или на то, чтобы сделать хотя бы комплимент, или на последний случай заглянуть в лицо. Она чувствовала себя чем-то вроде автомата газводы: нажал на кнопку – вылилась порция. А после возвращения Веры Феликсовны директор и вовсе стал суше со своей секретаршей.

Альбина успокаивала себя доводами, что она с Виталием Семеновичем разного возраста, разного уровня, разного темперамента, да и условия не совсем благоприятные для всяких внеслужебных отношений и потому, когда, директор, как говорится, уже умывал руки, Альбина только-только загоралась. Дело доходило до нервных срывов.

Но с другой стороны, подача «чая с лимоном» происходила не так часто, а во-вторых, Альбина и здесь нашла выход: в тот же день звонила своему поклоннику, и тот уже отработывал за двоих со всей страстью и кпд молодости.

Зато Альбина Николаевна чувствовала себя уверенно в это тяжелое для всех время. Она одна из немногих получала зарплату деньгами и регулярно, могла нагрубить и даже послать матом любого начальника цеха или отдела, могла отовариться в магазине любой продукцией, какую производил комбинат, а производил он более ста наименований, из которых наименований 20 были доступны немногим, эти консервы можно было продать значительно дороже их заводской стоимости, что она частенько и делала. Единственная угроза ее благополучию исходила от Веры Феликсовны, и Альбина ненавидела ее всеми фибрами своей незатейливой души.

Глава вторая

В день приезда киевлян Альбина Николаевна после внепланового «чая» приводила в порядок свою гормональную систему, страдающую от разности темпераментов. Опять все произошло быстро, сумбурно, она только вошла в раж, а Виталий Семенович уже застегивал ширинку, занятый совсем другими проблемами, которые сыпались на него, как из рога изобилия. «Эгоист, – впервые возмутилась Альбина, остывая. – Хоть бы чуть-чуть подумал о женщине. И какого черта лезть ко мне со своими кроличьими замашками? Понятно, у тебя проблемы – ну и носись со своими проблемами, я-то здесь при чем?» – мстительно пронеслось в голове секретарши. Но она тут же пресекла эти крамольные мысли, потому что если она не будет нужна директору в обеденное время хоть иногда, то скоро она не понадобится вообще, так как работы становится все меньше и меньше.

Генеральный приказал пока никого к нему не пускать. Он тоже отдыхал. В пятьдесят лет с гаком после таких «чаепитий» нужен продолжительный отдых. Это тебе не двадцать, когда муха на муху сядет, а у тебя внизу уже все на страже, и ты готов трудиться по-стахановски. А теперь от одной отходишь, как после рекордной штанги. А если жена ночью еще толкнет в бок? А если Вера вспомнит о нем? Ох-хо-хо.

Конечно, он еще боец, и если бы не новые проблемы ... ох уж эти проблемы ... комом сыпятся ... и каждая тяжелее прежней ... как все это выдержать? А выдержать надо ... надо потерпеть, пока все возвратится на круги своя. Возвратится, обязательно возвратится, никуда ему не деться. Войну выиграли, а с этим не справимся, что ли? Справимся, еще как справимся. А пока надо сжать зубы и работать, работать. Он и с Альбиной этой балуется, чтобы уйти от тяжких мыслей, от сомнений, что режут душу. Пока и она плохо помогает.

В это время киевская делегация появилась на проходной. Командир показал паспорт, сопровождающие тоже. Вахтер долго просматривал документы, сверял фотографии, потом все же пошел к начальнику караула. Существовало негласное указание всячески препятствовать проникновению на комбинат кредиторов – людей шумных, крикливых, мешающих руководству работать. Но толстая золотая цепь и малиновый пиджак, видимо, возымели свое действие. Начальник караула, уже подписывая пропуск, не удержался все же от вопроса:

– Цель приезда?

– Заключение договора о поставках томатной пасты и икры кабачковой, – не моргнув глазом, ответил командир.

– Это хорошо, – одобрительно согласился караульщик. – Можете въезжать машиной: до заводоуправления далеченько.

– Ничего, пройдемся, – сказал глава делегации. – Сделаем, так сказать, экскурсию. Посмотрим, что у вас есть, как вы работаете, надежные ли вы партнеры.

– Ну-ну, пройдите, – добродушно напутствовал начальник караула. Он сам нерегулярно получал зарплату и благосклонно относился к тем, кто мог пополнить заводскую кассу.

Неспеша направляясь к заводоуправлению и разглядывая все вокруг, киевляне поражались масштабом комбината. Здания, железнодорожные пути, склады, трубы котелен громоздились, сколько видел глаз. Еще дальше, в перспективе, виделся Днепр, баржи, причалы, огромные резервуары для горючего. «Целый город в городе, – восхищался здоровяк, – что им стоит заплатить какие-то сто тысяч баксов. Раз плюнуть».

Его спутники продолжали молчать, твердо усвоив свое назначение. Черная директорская «Волга» стояла у входа в заводоуправление. В ней сонно дремал водитель, как дремлют все водители начальства. Значит, директор был у себя. Смахивая на какую-то важную делегацию, троица, отбрасывая сверкающие блики от цепи и массивного перстня на пальце руководителя,

поднялась сначала на первый, затем на второй этаж, нашла приемную по табличкам, так как до конца обеденного перерыва оставалось еще некоторое время, и в коридорах было безлюдно.

В приемной их встретила нервная, злая Альбина Николаевна, приходящая в себя после исполнения специфических служебных обязанностей и потому не желающая, чтобы кто-то еще нарушал ее недолгие минуты отдыха.

– Товарищи.., – начала она по привычке сухо и неприветливо, но глянув на здоровяка повнимательнее, тут же поправилась, – господа, директор пока не принимает. Вы записывались на прием?

Видя, что «господа» продолжают идти, Альбина резко вскочила и предостерегающе бросилась к двери кабинета, заслонив ее собой. «Я же вам русским языком сказала: директор не принимает, у него тоже обед. И вообще у нас существует запись на прием. Вы кто такие? Вы что себе позволяете? Да я сейчас...я...

Молчаливники взяли ее под руки и понесли. И так припечатали к ее рабочему столу, что у Альбины потом два месяца болели кобчик и руки в суставах. От такого неслыханного нахальства секретарша потеряла дар речи и только судорожно глотала воздух рыбьим ртом.

Директор сидел в своем кресле, прикрыв глаза и максимально расслабившись, как рекомендовал ему заводской врач- психотерапевт.

– Кто вам разрешал войти?– не повышая тона, спросил Виталий Семенович расслабленно, надеясь на власть своего голоса.– Могу я, черт возьми, побыть пятнадцать минут один?

– Мы сами вошли,– ответил здоровяк и, ерничая, продекламировал: «как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима».

– Представьтесь, кто такие?– медленно возвращаясь к действительности, и уже более официально и тверже спросил Виталий Семенович, открыв глаза. Внешний вид вошедших тоже произвел на него отрезвляющее впечатление.

– Коммерческий директор фирмы «Главовощсервис» Скляр Олег Владимирович,– представился здоровяк.

– А это кто? –Генеральный хмуро, взглядом Понтия Пилата указал на сопровождающих.

– Это? – фирмач несколько запнулся, потом рукой сделал сложную, неопределенную фигуру, – это... мм ... это в моей команде.

–Что у вас ко мне? – Генеральный был уже в рабочей форме.– Присаживайтесь.

– История вопроса такова, – сразу став серьезным, начал руководитель этой наглой делегации.– Три года назад вы, то есть ваш комбинат, купили у нас два импортных томатоборочных комбайна, посадочную машину и еще кое-что из запчастей на общую сумму сто двадцать тысяч долларов с копейками. Около пятидесяти тысяч выплатили, а последние два года – ни копейки. Наши телеграммы, телетайпограммы, телефонные звонки лично с вами, с вашей бухгалтерией ни к чему не привели. Деньги эти не наши, мы сами одолжились у частных лиц, а вы сами знаете, как рассчитываются за частные деньги,– в голосе фирмача уже звучали металлические нотки, окончательно согнавшие с директора обеденную дрему.– Я уполномочен получить полный и окончательный расчет,– фирмач костяшками пальцев постучал по обреза стола,– слышите?– полный и немедленный. Любыми средствами. Подчеркиваю – любыми.

«Черт возьми, как они попали ко мне? Что за идиотская охрана? Сколько можно инструктировать? Выгоню всех в шею. Где служба безопасности? Почему не предупредили? Теперь отдувайся наедине с этими урками»,– пронеслось в директорской голове а вслух он сказал, уже поднаторев в подобных разборках: –Так в серьезных переговорах не делается. Надо было нас предупредить о своем приезде («наезде!»). Мы бы подготовились основательно. Сейчас нет ни главного бухгалтера, ни юриста – они оба в налоговой. Но если мне не изменяет память, у нас не было договора с «Главовощсервиом», мы работали с другой организацией.

От прежнего благодушия фирмача не осталось и следа. В продолжении разговора его лицо постепенно багровело, и когда директор закончил, киевлянин вдруг хватил огромным своим кулаком по столу и рявкнул:

–Порядочные партнеры платят вовремя, а как поступают с непорядочными, читайте в газетах. Когда будут бабки?

– Мужики, мы же не в притоне ... Я – Генеральный директор государственного предприятия, я ...

– Что ты мне мозги пудришь? Какого государственного? Ты хоть вывеску свою читал?

– Ну полугосударственного, акционерного, – поправился директор. – Это значения в данном случае не имеет. Трудовой коллектив владеет большей частью акций, а это почти то же самое, что государственное. – В голове же Виталий Семенович с досадой подумал: «Надо тревожную кнопку поставить. Такие разговоры теперь не раз еще будут».

–Серега, Руслан, – скомандовал фирмач.

Тот, кто Серега, встал и подошел к двери. Другой вынул пистолет, показавшийся огромным, и положил на стол.

– Ребята, может, поможем директору застрелиться, – без тени юмора предложил киевлянин. – Так сказать, под тяжестью финансовых проблем трудового коллектива. А мы подтвердим наличие факта, а?

Тот, что Руслан, стал платком протирать рукоятку пистолета.

Тут уже взбеленился директор. Все-таки он был не робкого десятка.

– Кого вы пугаете, е вашу мать? Я не боюсь умереть, вы о себе лучше позаботились бы. У меня головорезы почище вас, Афган прошли, дворец Амина штурмовали. Или будем разговаривать нормально, или вон отсюда, чтоб ноги вашей здесь больше не было.

В это время стали стучать в дверь. Это Альбина почувствовала что-то недоброе, и в ней проснулось служебное рвение, заставляющее подчиненных становиться горой за своего шефа.

– Откройте дверь. Я сейчас охрану вызову.

Фирмач, видимо, тоже понял, что дело зашло слишком далеко, и мигнул Сереге. Тот отступил от двери, и Альбина едва не упала в кабинет.

–Что здесь происходит? – крикнула она, оглядывая комнату.

Директор, живой- здоровый, только с красным лицом стоял за своим столом. Секретарша стремительно подошла к нему и прошептала:

–У них...там...автоматы в машине, гранаты и ящики с патронами, – и по-воински вытянулась, готовая выполнить любое указание директора и косями лечь за него, если потребуется.

– Все в порядке, Альбина Николаевна, все в порядке. Пригласите Веру Феликсовну, пожалуйста, – и подмигнул. Альбина все поняла.

– Разрешите позвонить, – сказал фирмач и не ожидая согласия, подошел к телефону и стал звонить.

– Анатолий Иванович, добрый день. Я от Николая Сергеевича из Киева. Вы в курсе? понятно. Так вот мы уже на консервном, у Виталия Семеновича, а он плохо себя ведет. Как быть? Даю трубку.

Фирмач передал трубку директору. Тот уже догадался, что на связи губернатор.

– Добрый день, Виталий Семенович, как здоровье? Ну и хорошо. Что ты так невежливо обращаешься с гостями? Должны деньги – рассчитайся, в чем вопрос? – губернатор минуты две слушал из вежливости доводы Виталия Семеновича, потом отрубил: – Ты меня не грузи, у меня своих забот по горло. Должен – отдай, тем более, что они даже проценты и штрафы с тебя не берут. Не можешь, не хочешь, не умеешь – уходи тогда к хренам, есть кому заменить. Мне звонили из Киева – сам знаешь откуда, просили помочь, а завтра мне надо будет просить у них помощи для области. Так что не выпендривайся. Завтра к вечеру доложи о результатах. Будь здоров, – трубка загудела.

Некоторое время генеральный тупо смотрел на телефон, как будто хотел послать его подальше за такие речи. Но телефон был бессловесным предметом – это раз, а второе, он, как сын за отца, не отвечал, что передают через него такие безответственные люди, как губернаторы. Поэтому Виталий Семенович оторвал взгляд от телефона и в задумчивости прошелся по кабинету.

– Как вас? Олег Владимирович? Извините, не запомнил. Так вот, Олег Владимирович, еще раз повторяю: я не против. Если наши юристы, действительно, подтвердят, что никаких разночтений и разногласий нет, мы расплатимся. Не сразу, конечно, по частям. Сейчас нам кровь из носа надо подготовиться к новому сезону: закупить жесть, сахар, специи, расплатиться за прошлый год по сырью, иначе нам никто больше не привезет овощи. А когда начнем реализовывать произведенную продукцию – тогда и рассчитаемся. Не торопите нас, не рубите курицу, которая несет золотые яйца.

– Не знаю, куда вы складываете золотые яйца, но нас такой вариант не устраивает, – жестко и однозначно ответил Олег Владимирович. – У вас свои проблемы, у нас – свои. Сами знаете, как растет инфляция, как стоял доллар два года назад и теперь. Вы понимаете, что с каждым днем вам придется платить все больше и больше? Доллар продолжает расти, а мы с вами ведем расчеты только в валюте.

В кабинет стремительно вошла Вера Феликсовна. Секретарша уже доложила ей о накаленной обстановке в кабинете. Директор невольно вздохнул с облегчением.

– Вера Феликсовна, мы должны фирме...как ее...подскажите...– обратился Виталий Семенович к фирмачу и, получив ответ, продолжал: – фирме «Главовощсервис»?

– Да, должны, – с деловой определенностью, но без тени вины и безнадёги ответила Вера Феликсовна, и ее спокойный, уравновешенный тон еще больше успокоил и обрадовал директора. Казалось, Тоцкая знает выход из положения, и это вселяло надежду не только в данном случае. А заместитель продолжала: – Задолженность в пределах семидесяти тысяч долларов, точно сейчас не помню. Но здесь есть некоторые юридические вопросы: дело в том, что эта фирма – не прямой хозяин оборудования. В настоящее время проблема вроде бы снята, но надо еще уточнить у юристов. И можно уже вести расчеты. Но денег, сами знаете, ек.

– Ну вот, я же помню, что были проблемы по вашей фирме, – обрадовался Виталий Семенович. – Так что, ребята, вы оружием раньше времени не бряцайте. Давайте договоримся: завтра с утра будут главный бухгалтер, начальник юротдела, я, Вера Феликсовна, и где-то в районе 11 часов мы комплексно обсудим этот вопрос. Устроит вас такой вариант? – Виталий Семенович уже полностью владел ситуацией и смотрел на киевлянина несколько снисходительно. Тот молча кивнул головой. – А теперь, Вера Феликсовна, организуйте гостям обед, ночлег, досуг и так далее. А у меня еще много другой работы.

В это время в кабинет зашел и начальник службы безопасности комбината Сидоренко Александр Захарович – армейский полковник в отставке, лет сорока пяти, черноволосый, чуть выше среднего роста, с мужественным, суровым лицом аскета.

– Виталий Семенович, все в порядке? – спросил он, покосившись на сидящих за столом киевлян.

– Все в порядке, Александр Захарович, – с нажимом на каждое слово сказал директор. – Вы оставайтесь, все остальные свободны.

Выходя из кабинета, фирмач размышлял, как поступить дальше. Наездом вопрос решить не удалось. Теперь надо было подумать о собственной безопасности. Провинция есть провинция, тут у них свои правила, тоже стреляют, будь здоров. Тихо уберут – и кто там будет разбираться что и как. Не проще ли под удобным предлогом возвратиться к машине и дать ноги? Но тогда прощай денежки, а без них ухлопают уже в Киеве.

Нет, надо здесь спасать ситуацию. С запугиванием директора они перегнули. Он не из пугливых, и то, что они разошлись добром, еще ни о чем не говорит, неизвестно, как директор

отнесется к случившемуся, не зря оставил у себя какого-то начальничка, видно сразу, что из военных. Губернатор, хоть и надувает щеки, но в настоящее время мало что решает в денежных вопросах. Директор весьма прохладно отнесся к его требованию. Ладно, попробуем быть паиньками.

Вера Феликсовна распорядилась, как положено. Гостей накормили до отвала, напоили, машину поставили в отдельный бокс, ключ от него отдали водителю, чтоб любители пожить, которые есть везде, не снимали дорогие импортные запчасти.

Приезжим выделили три номера в заводской гостинице. Олег Владимирович, прощаясь с Тоцкой, на всякий случай предложил поужинать в его номере, на что она, кокетливо улыбнулась и сказала, что еще не пришло время ужинать при свечах, а сейчас их ждет директорский катер и прогулка по Днепру. «А завтра зайдите ко мне на часик раньше, побеседуем», – добавила она со значением. На том они и разошлись ко взаимному удовлетворению.

Войдя в свой номер, киевлянин был удивлен здешним сервисом: импортный холодильник, цветной телевизор последней модели, сантехника высшего класса, толстые шерстяные ковры на полу, картины, видимо, местных мастеров, но очень хорошего уровня – такое и в столичных отелях не всегда встретишь, а уж о всяких местечковых гостиницах и говорить нечего – везде развал и запустение. Тут же через две комнаты – плавательный бассейн с чистой голубоватой водой. « Живут же люди, – с некоторой завистью подумал Скляр, – и все за государственный счет. А у тебя жизнь то и дело на кону: сегодня ты пан – завтра пропал».

Олег Владимирович быстро переоделся в спортивный костюм, сунул в карман золотую цепь, – носить ее уже не было смысла, но и оставлять в чужом номере опасно – подождал своих, тоже одетых по-людски, и вслед за провожатым пошел на причал, где их ожидал белоснежный катер-красавец, который заводчане называли адмиральским.

Потом была изумительная, освежающая прогулка по Днепру с его чудесными затоками и заливчиками, вербами и осокорами над водой, белыми лилиями и кувшинками, пением непуганных птиц и их плавающими выводками, а еще были шашлыки, уха из осетрины, каховский коньяк из тех, что делают для себя, первые арбузы, персики с кулак величиной и соком, который течет при малейшем прикосновении губ; рыбец и тарань с густым оранжевым жиром.

О деле старались не говорить, хотя для понтов Скляр все-таки ввернул в разговор несколько известных киевских имен. Все пропустили это вроде бы мимо ушей. В общем, в гостиницу Олег Владимирович со товарищи попал в одиннадцатом часу ночи. На этаже их встретила ночная дежурная – молодая женщина лет тридцати с гладко причесанными русыми волосами, собранными сзади в большой жгут, с чистой, свежей кожей, с носиком уточкой. с легкой сутулостью неуверенного, робкого человека, с грустным, можно даже сказать печальным лицом, и большими серыми, глубокими глазами. В ней не было бойкости и уверенности давно работающего здесь человека, чем отличаются профессиональные горничные в городских гостиницах.

– Погуляли, – то ли спросила, то ли подтвердила с неловкой улыбкой женщина, – правда, хорошо у нас?

– Отлично, – согласился Олег Владимирович, останавливая на ней долгий взгляд пьяного мужчины.

Женщина, смутившись, отвела глаза.

– Что-то не так? – спросила она, глядя в сторону.

– Все так, все нормалек, – поспешил заверить ее Скляр, продолжая ее рассматривать и хмельно прикидывая, под каким предлогом пригласить ее в номер. Он был, конечно, пьян, но все равно очарование этой женщины его удивило и сразило. Была в ней особенная приятная скромность, подкупающая незащищенность семейной неизбалованной женщины, тихая, неброская миловидность и задушевность.

Скляр было немного за тридцать, но и он уже не раз встречал людей, к которым чувствуешь невольное, необъяснимое расположение, будь то старушка, вся белая, но с добрым, светлым лицом или зрелый мужчина с лучиками морщин у глаз, или молодой парень в обаянии своей молодости и внутренней чистоты, или девушка, с которой достаточно переброситься парой слов, чтобы от общения с ней осталось теплое чувство и желание еще раз встретиться.

То же самое почувствовал Скляр к этой незнакомке. Но к этому добавилось дикое, необузданное желание ласкать, тискать, обладать ею, непонятное даже ему самому. Может, здесь сказало десятилетие его неосознанных поисков единственной своей женщины, с которой можно было бы легко и просто жить. То, что он был женат, ничего не решало.

И вот, кажется, перед ним стояла она – определенно она. «Наверно, с коньяком переборщил», – подумал про себя Скляр насчет своих мыслей и ощущений, а вслух спросил:

– У вас минералка есть?

– К сожалению, нет, – застенчиво и виновато ответила дежурная, которой было строго приказано максимально удовлетворять запросы очень ценных для комбината постояльцев. – Могу вам водички холодной принести, родниковой. Нам специально привозят. А буфет уже не работает. Как я, глупая, не предусмотрела, – сказала она с искренней досадой.

– Ничего, ничего, водичка тоже сойдет, – поспешил заверить ее гость. – И не переживайте понапрасну. Только занесите минут через пятнадцать, пока я приведу себя в порядок.

– Хорошо. Вера Феликсовна меня предупредила, чтобы мы уделили вам особое внимание, но я ко всем отношусь одинаково; хочу, чтоб всем было хорошо.

«Вот и отлично, – пьяно подумал Скляр и вспомнил слова Тоцкой, что ему будет с кем проводить досуг. – Неужели они и этот пункт продумали и подсунули такую симпатичную барышню? Как все же у них все продумано и предусмотрено. Умеют работать с клиентами – ничего не скажешь».

Войдя в номер, Олег Владимирович размеренно, неторопливо, как подвыпивший, но умеющий держать себя человек, разделся, освежился под душем и с удовольствием растянулся на прохладной широкой кровати. «И эту деталь учли», – лениво отметил он, устав восхищаться обслуживанием. Клонило в сон, но молодость есть молодость. Какой сон, если тебя ожидает приключение. Скляр опять представил лицо дежурной с ее горестным очарованием, и все мужское опять в нем восстало, словно он был неопытный юноша или, наоборот, заядлый бабник. Ни того, ни другого он в себе не ощущал, но какой-то голос свыше как будто шептал ему: «Это она, это твоя женщина». И Олег с удивлением и любопытством ожидал ее появления, еще сам не зная, что он будет делать и на что способен.

Прошло, наверно, с полчаса. Скляр все же начал клевать носом, когда в дверь осторожно, робко постучали.

– Можно войти?

– Не можно, а нужно, – крикнул Олег, мгновенно встрепенувшись и стряхивая с себя сонливость.

Дежурная вошла с графином воды. Походка у нее была легкая, плавная, трогательно деликатная. Она как будто не желала обнаруживать свое присутствие.

– Ой, какой вы... – женщина отпрянула, увидев гостя раздетым до трусов.

– Какой? – быстро спросил Олег, не считая нужным прикрываться.

Она сперва замялась, не находя нужного слова и стыдась.

– Крепкий, – сказала она с легкой улыбкой.

– На здоровье пока не жалуясь, – ответил Скляр и добавил, настраивая разговор на игривый тон, – можешь сама убедиться, – он напряг мышцы, показывая свою богатырскую мускулатуру, действительно, очень эффектную и убедительную, о чем ему не раз говорили женщины. Но дежурная этот тон не приняла, поставила графин на стол и собралась уходить.

– Как тебя зовут? – опять развязно спросил Олег.

—Ольга.

— А меня Олег, — представился гость и тут же добавил: — Оля, подожди,— он легко вскочил с постели, чувствуя, как нарастает желание, с которым он не мог справиться, как ему до боли в висках хочется обнять это хрупкое тело, тискать, как тискают малыша в приливе родительских чувств. И в то же время хотелось обладать ею как женщиной.— Я хочу тебе что-то сказать,— он в несколько быстрых шагов, почти прыжков, оказался возле нее, подхватил на руки, как ребенка, бросил на кровать и тут же накрыл всем своим могучим телом. «Что вы ...что вы делаете?!» — беспомощно стонала женщина и била кулачками ему в грудь. А он уже зверел...

Тут в дверь опять постучали, только коротко и бесцеремонно, и в комнату вошел один из спутников Склера.

—Олег Владимирович, вы ...— он увидел клубок тел на постели и попятился,— извините, я потом...

Скляр на мгновение отвлекся на него, в бешенстве глянул, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Ольга неожиданно сильным толчком опрокинула его и кинулась к выходу. Но не успевший уйти молчун преградил ей путь.

— Олег Владимирович, она вас обидела?— с лакейской услужливостью спросил он, крепко держа Ольгу в руках.

Мгновенно остывший Скляр устало махнул рукой:

— Пусти, — откинулся на подушку и почти мгновенно уснул.

— Жаль, — сказал парень, нехотя отпуская Ольгу,— может, тогда зайдешь ко мне?

Она полоснула его ненавидящим взглядом и молча ушла.

Глава третья

Скляр относился к тем людям, которым для хорошего отдыха нужно не более 5-6 часов. Олег проснулся около 7 часов утра, бодрый и свежий, готовый к труду и обороне. Но стоило ему вспомнить вчерашнее происшествие с Ольгой, как хорошее настроение мигом испарилось. Такая замечательная женщина...и как он мог?! ... о чем и как теперь с ней говорить? Идиот! ... а может все забыть? Ничего не произошло ... Но она ведь не была пьяной, она все помнит ... Нечего было соваться с услугами к пьяному мужику...но он уже не может ее забыть... кошмар какой-то...где она взялась на его голову...но я искал такую женщину...нашел... и что теперь? Наверняка она замужем ... Но надо как-то разрубить этот узел, иначе все будет валиться из рук, он уйдет в водку. Это не простая интрижка, сердце подсказывает – он эту женщину не забудет. Надо идти...нет, постой, надо хоть что-то предварительно продумать ... никаких «продумать», пока будешь думать, она уйдет, скоро конец смены.

Скляр наскоро оделся и вышел в коридор, прошел к конторке, где находилась дежурная. Ольга сидела, положив руки на стол и уткнувшись в них головой. То ли дремала, то ли плакала. Скляр осторожно тронул ее плечо. Она медленно подняла глаза.

– Олечка, – сказал Олег, виновато, как школьник, понутив голову и опустив руки, – прости меня, пожалуйста, идиота и дурака безмозглого ... долго держал себя, а тут вдруг прорвало ... это все водка.

– Зачем мне вас прощать? Идите с богом, – глухо, отчужденно сказала Ольга, не глядя на него.

– Ты не поверишь, Оля, – печально продолжал Олег, – но ты мне запала в душу. Вот в чем проблема.

– Я замужняя женщина, у меня двое детей. Что вы от меня хотите?

– Ничего, Оля, ничего. Видеть тебя хоть изредка – вот и все. И чтоб ты поверила, что я не такой, каким себя вчера показал. Затмение нашло.

Ольга вдруг выпрямилась.

– Я к вам все сердцем, а вы? Считаете, что вам теперь все можно? Нет, мы тоже люди, хоть и бедные, – горячие слезы брызнули из ее глаз. Она закрыла лицо руками и продолжала тихо голосить: – мало вам...хотите все забрать...изверги...как жить...в речку бы бросилась ... уходите, не хочу с вами говорить ... пусть ... пусть увольняют ... я больше не могу... ради детей терпела ... куда их теперь? Ох, горюшко- горе...

Ольга опустила руки, зажав их в коленях. Плечи ее продолжали содрогаться, она по-детски шмыгала носом и слегка покачивалась. Странное дело, слезы, что текли и текли по ее лицу, не делали его безобразным. Оно оставалось прекрасным в своей безутешности.

Улучив момент, когда Ольга затихла, Скляр тоже горячо заговорил:

– Солнышко, я сам себя не пойму, честное слово. Никогда со мной ничего такого не было. Ты так мне пришлась по сердцу, так понравилась, что мне хотелось задушить тебя в объятиях, забросать поцелуями...я сам не знаю, как это случилось. Я не хотел тебя насиловать, я хотел тебя любить. Я сам не знаю, как это получилось ... Конечно, пьянка, черт бы ее побрал. Но ты знаешь, смешно сказать, но я в тебя влип с первого твоего слова. Честно говорю. Делай со мной, что хочешь: зови милицию, посади меня, если тебе это поможет, я не буду отпираться. Но я искренне прошу: прости меня, ради бога. Я готов сам себя разорвать на куски ... – Олег на некоторое время замолчал, давая Ольге время обдумать услышанное. Затем продолжал: – Ну что теперь делать? Виноват я, виноват по самую макушку. Откровенно говоря, я думал, что это сервис от Веры Феликсовны. Она намекала. Я ничего не пойму в здешних отношениях. Ну хочешь, я заплачу – Скляр бросил руку в карман брюк, вынул бумажник, стал торопливо вынимать деньги.

– Уйди с моих глаз, – с брезгливостью сказала Ольга. – Мне надо готовиться к пересмене.

Скляр ни с чем возвратился в номер. То ли с похмелья, то ли после разговора стала болеть голова, ломило все тело, в мозгу тяжело, свинцово ворочались невеселые мысли, от которых хотелось бежать на край света. Олег натружено, как старик, с оханьем сел на постель и долго тупо смотрел в дверь. В мозгу снова промелькнул этот идиотский спектакль с пистолетами, бандитами... как весело и оригинально казалось это в Киеве и как глупо сейчас. Неизвестно еще, чем все это закончится. А здесь еще обидел женщину, милую, душевную женщину. Самое главное, что нравится она ему до чертиков, а выходит хрен знает что. Хоть стреляйся. Надо, кстати, узнать ее семейное положение: а вдруг в разводе, тогда у него появятся какие-то шансы.

Надо сказать, что несмотря на разудалые манеры, которые Скляр усвоил в последнее время, он со школьной скамьи комплексовал в отношении женщин; казался себе неуклюжим, ненаходчивым. Со временем он вырос, возмужал и превратился в статного, крепкого здоровяка с открытым, добродушным лицом, но угловатость, медвежьи руки остались, а с ними и стеснительность, зажатость в контактах с девушками и убеждение, что он не представляет для них никакого интереса: рядовой, серый инженер техотдела с одной стороны и увалень с другой – что здесь может быть привлекательного?

Он и женился-то не по своей «вине». Диане, модной красотке и тусовщице, пришло время выходит замуж, а среди ее богемного окружения не находилось желающих ее содержать. Нужно было надежное гнездышко и материальная подпитка, а инженер Скляр к тому времени уже стал неплохо зарабатывать, благодаря своим умелым рукам и смальцу в голове.

Дианочка стала его обхаживать, похваливать, приободрять – так и женила. Вскоре Скляру как отличному и нужному специалисту предоставили квартиру, и Диана посчитала свою жизнь устроенной. Работая билетным кассиром в театре, она, с ее слов, вся жила в искусстве. Опять пошли тусовки, творческие встречи. Какие-то лохматые бородачи, юноши с наркотическим блеском в глазах, непризнанные пока гении – это был ее мир.

К мужу она относилась как к досадной, обременительной необходимости, с которой она покончит, как только найдет приемлемый вариант. Даже когда, наконец, у Скляра появились неплохие деньги по тем безденежным временам, Диана находила массу причин, чтобы ночью отвернуться к стенке. О нормальном завтраке, обеде и ужине не могло быть и речи. Какое там! Это было так низко, так приземленно, так обывательски, так далеко от воздуха искусства, которым она дышала.

Сама Диана обходилась кофе, консервами или на худой конец полуфабрикатами, которые за две минуты превращались в еду. В квартире никогда не пахло вкуснятиной, которую Олег, чего греха таить, любил отведать, – только кофе и сигаретами. Скляр хотел детей, но Диана сперва отнекивалась, что, мол, не получается, а когда Олег все же стал настаивать, заявила, что не хочет связывать себя с детьми.

После этого отношения супругов окончательно испортились. Диана еще больше ушла в искусство, как она говорила «с головой», а Олега выручали случайные связи и путаны, как тогда называли проститутку. С ними было и легко, и противно одновременно. Часто пьяные, нечистоплотные, циничные донельзя, они способны были убить любое влечение к женщине, но выручали молодость и водка. И чем дальше, тем больше.

Иногда накатывала такая жалость к себе и злость на жену, что однажды, когда она заявила с очередным гением, он не сдержался и заехал ей по роже. Гений тоже усердно пересчитал ступеньки лестницы. Естественно, это не добавило теплоты в их отношения. Скляр тогда сменил тактику и оставлял деньги на фирме в сейфе. Акция возымела действие. Жена стала внимательнее к нему, когда хотела получить денег больше, чем требовалось для обычных расходов. Но как же это было противно – жить с собственной женой по законам рынка.

Скляр прилег на постель и продолжал размышлять сам с собой, мысленно обращаясь к жене: ну что тебе, гадука ты эдакая, стоит уделить хоть немного внимания, теплоты мужу,

пусть большому, неуклюжему, но все же твоему мужу. Ты же видела, зараза, за кого выходила замуж. Я же не могу сменить кожу, как царевна-лягушка и обернуться Ди Каприо, например. Будь ты нормальной женой, я не стал бы сорить деньгами по кабакам и ночным барам. Я же, в принципе, семейный человек, люблю дом, детей, люблю в технике покопаться, что-то в квартире смастерить.

Что тебе еще надо? Вот и сейчас торчу в этом богом забытом Днепровске для чего? Для кого? Мне бы такую женщину, как эта Ольга. Какой теплый человек, какая легкокрылая душа – по всему видно, уж он поднаторел на женщинах, видел всяких, его на мякине не проведешь. Он и с Дианой не разводился только потому, что не видел рядом никого, кто мог бы подойти ему. И вот вдруг эта Ольга. Он увидел ее и сразу загорелся – такая женщина ему нужна. И надо же – какого дурака сваял! Можно было познакомиться поближе. Ну и что, если замужем? Живет, по глазам видно, плохо. Мужик – не стена, можно и подвинуть.

Но как познакомишься после вчерашнего? – Олег крикнул с досады и так грохнул кулаком по колену, что стало больно в кости, он даже поморщился. Опять все из-за Дианы: два месяца не спал с ней, а шлюхи и путаны надоели и опротивели до тошноты. Увидел вблизи нормальную женщину – и прорвало. Теперь вот расхлебывай.

В голове что-то щелкнуло, прозвенел какой-то звоночек. Сляр непроизвольно глянул на часы. Да, пора уже было идти к Вере Феликсовне. Тоже шикарная баба, но себе на уме, холодная, недоступная, знающая себе цену. Это тебе не Ольга.

Около десяти часов утра Сляр нашел кабинет с табличкой: «Тоцкая Вера Феликсовна, первый заместитель генерального директора», открыл дверь, миновал небольшую приемную с пожилой очкастой секретаршей, которая недоуменно посмотрела ему вслед, удивляясь такому нахальству, и зашел в комнату. Вера Феликсовна сидела за рабочим столом и разговаривала с женщиной в синем рабочем халате.

– Присаживайтесь, Олег Владимирович, – сказала она дружелюбно, показывая взглядом на стулья вдоль стены, – я сейчас освобожусь.

Сляр сел. Разговор женщин шел о детском садике. Он не стал прислушиваться, а незаметно рассматривал Тоцкую. За столом сидела крупная, сильная женщина лет сорока или даже меньше, одна из тех, кто коня на скаку остановит и в горящую избу войдет. Есть сорт людей, с которыми достаточно двух-трех минут разговора, чтобы понять, что их ничем не испугаешь, ничем не проймешь и ни в чем не переубедишь. Такой была Тоцкая, Олег это понял еще вчера.

Внешне она была похожа на Софи Лорен в период ее расцвета. Собственно, похожа она была своими густыми золотисто-рыжими волосами, спускающимися до плеч, симпатичными веснушками, разбросанными по скулам и проступающими сквозь пудру и отбеливающие кремы, ну и весомыми половинками груди, тяжело и томно колыхающимися в разрезе белой кружевной кофточки. Еще, пожалуй, сочными, спелыми губами, такими манящими помимо желания самой хозяйки, стремящейся выглядеть делово и солидно.

И в самом деле, у Веры Феликсовны весь рисунок лица выглядел жестче, выпуклее и суровей, чем у знаменитой актрисы, которой и положено выглядеть женственнее. Но и у Тоцкой серые, со сталью глаза бывали то строгие, то с «бесовщинкой» и, наверно, эта «бесовщинка» кружила голову мужикам похлеще водки.

«Трахнуть бы такую, – вяло подумал Сляр, – да где там. Небось, цены себе не сложит. В этих садах, наверно, только Генеральный гуляет, да еще кто повыше. Интересно, зачем я ей понадобился, вряд ли, чтоб она позвала меня просто так. Такие дамы любят играть в свою игру. Посмотрим-посмотрим».

Сляр вдруг вздрогнул от мысли, что Тоцкая может заметить и расшифровать его взгляд, и перевел глаза на картину, что висела на стене напротив. На ней был нарисован живописный уголок Днепровской поймы, и Олег Владимирович сразу вспомнил вчерашнюю прогулку и неопишемую красоту этих мест. Художник удачно схватил тишину и синий блеск воды, и

заросли камыша, и кувшинки, волшебную белизну водяной лилии, и задумчивое молчание ивы у небольшой затоки. « Видно, хороший художник подарил,— мелькнула мысль, — округила».

Вера Феликсовна, наконец, отпустила женщину, встала из-за стола, выглянула в приемную: »Лида, ко мне никого. Понятно? Никого».— Секретарша понимающе кивнула.

Тоцкая самолично плотно прикрыла дверь и только тогда спросила: « Ну как спалось? Приятные были сновидения?»— с некоторой ленцой в голосе.

« Неужели Ольга пожаловалась?— пронеслось в голове Олега.— Вроде бы непохоже на нее.

— Отоспался по полной программе,— бодро ответил Олег, готовясь к худшему.

— Вот и хорошо. Мы старались.— Тоцкая снова села за стол, убавила строгости в глазах, приняла позу, располагающую к долгой, дружеской беседе.

« Значит, ничего не знает. Слава богу» — Скляр окончательно успокоился и сосредоточенно ждал, что скажет Вера Феликсовна.

—У нас с вами, Олег Владимирович, будет сугубо конфиденциальный разговор,— начала Тоцкая, слегка понизив голос,— прошу вас не рассказывать о нем ни вашим оруженосцам, ни приятелям, ни коллегам по фирме, кроме вашего непосредственного начальства, только ему одному.

« Что-то хитрое затевает эта дама, отметил про себя Скляр, а вслух сказал:

— Думаю, по пустякам мы бы не занимали время друг друга. Я знаю, что такое коммерческая тайна.

— Совершенно верно, вы меня правильно понимаете. Кроме того мне хотелось бы сказать, что между руководителем и его заместителем всегда существует некий конфликт интересов, как бы они внешне ни дружили. Вы согласны?— Тоцкая сделала длинную паузу, внимательно глядя на собеседника.

— Абсолютно, — с готовностью подтвердил Олег Владимирович

— Хорошо, а теперь к делу. Я тщательно проанализировала все документы, присланные нам на предмет правопреемственности от «Главплодоовощторга». Именно у этой фирмы мы купили комбайны и все остальное. Ваша фирма «Главовощсервис» существует чуть более двух лет, если верить документам, и уже стала владельцем такого крупного куша. Сами вы этого сделать не могли. Вчерашний балаган тому свидетельство. Глубина вашего стратегического мышления, мягко говоря, не впечатляет. Кстати, вы знаете, что вчера я вас спасла, возможно, от смерти, а возможно, от тюрьмы и от суммы? — Вера Феликсовна опять сделала эффектную паузу, наблюдая за реакцией собеседника.

—С чего бы это? — энергично ответил Скляр, внутренне подбираясь.

— А я вам объясню, — удовлетворенно продолжала Тоцкая, от которой не ускользнула реакция киевлянина.— По обыкновению в таких случаях странному стечению обстоятельств отсутствовал начальник нашей службы безопасности, а он — мужик, который не любит долго раздумывать. Кроме того, у нас еще двадцать два охранника в караульной смене. Не знаю, о чем вы думали, когда затевали эту комедию. Ко мне первой поступили сведения, что у вас в машине оружие, и что трое подозрительных типа закрылись в кабинете директора, и оттуда слышится ругня. Я могла дать команду, и охрана ворвалась бы и перестреляла бы вас, как куропаток за разбойное нападение с применением оружия. Виталий Семенович рассказывал, как вы угрожали симитировать самоубийство и так далее.

— Ну и почему же вы не дали такую команду? — насмешливо спросил Скляр, в то же время понимая степень опасности, которой они себя подвергали.

— Я не хотела паники, скандала и чтоб директор случайно не пострадал, сама поспешила на помощь.

— Похвальная забота о директоре, — саркастически прокомментировал Скляр, пытаясь сохранить лицо.

– Я на вашем месте меньше бы иронизировала, – уже раздраженно сказала Тоцкая. – У нас достаточно оснований и сейчас вас арестовать. Вчера такие предложения поступали, но для комбината ваш арест ничего бы не решил, я так и сказала директору.

– Спасибо, Вера Феликсовна, – уже вполне серьезно поблагодарил Скляр, понимая, что дальше иронизировать нет смысла. Тоцкая абсолютно права. Теперь надо было только с умом защищаться, что Олег Владимирович и попытался сделать. – Неужели вы думаете, что мы решились бы на такую авантюру, если бы ни поддержка оттуда, – Олег Владимирович со значением поднял палец вверх.

– Я тоже так думаю, – согласилась Тоцкая, – и это только подтверждает мой вывод. Ну хватит об этом, вернемся к нашим баранам. Из анализа ваших документов я поняла, что за вашей фирмой стоят более могущественные и более влиятельные силы, чем вы, не в обиду будет сказано. Так или нет? – Вера Феликсовна с торжеством посмотрела на Склера, убежденная в своей железной логике.

– Ну допустим, что так, – дипломатично ответил тот, все еще не понимая, к чему она клонит.

– Вот они-то меня и интересуют, – заключила Тоцкая.

– Продолжайте, я весь внимание, – Олег Владимирович делал умное лицо.

– Настоящая рыночная стоимость наших активов, – Тоцкая вновь понизила голос и покосилась на дверь, прежде чем продолжать, – около миллиарда долларов, это по самым скромным подсчетам. Чтобы трудовой коллектив комбината смог хотя бы частично выкупить его, мы в десятки раз уменьшили его реальную стоимость. Как мы это сделали – это наши дела. На скорректированную стоимость мы выпустили акции, и все же у людей не нашлось столько денег, чтобы выкупить их все. Часть акций осталась за государством. Теперь представьте себе, сколько стоит акция номинально и сколько фактически, если вы сколько-нибудь соображаете в финансовых вопросах.

Мы с Виталием Семеновичем – я уговорила директора, – предлагаем тем, кто стоит за вами, рассчитаться акциями по долгам комбината. Кроме того, если у них есть свободные деньги, которые нам нужны позарез, мы можем продать 8 процентов акций, что дает один голос в совете директоров. Ну как, подходит? – Тоцкая замолчала, давая возможность киевлянину переварить информацию. Она стала нервно перекладывать документы на своем столе.

– Надо подумать, – коротко ответил Скляр, нутром чувствуя, что случайно напал на алмазонную жилу. Ему стало душно, но он крепился, чтобы не выказать своего волнения.

– Это сказочное предложение, – продолжала убеждать Тоцкая, видя, что фирмач не проявляет явной заинтересованности. – Доведите до сведения ваших шефов, они поймут, если вы не понимаете. Мы это делаем, потому что находимся, мягко говоря, в стесненных обстоятельствах. Когда дела поправятся, мы эти акции выкупим намного дороже в любой момент, но ваши господа вряд ли захотят их продать. Просто в Днепропетровске ни у кого таких денег, какие нам сейчас нужны, нет. В этом вся проблема.

– О какой сумме идет речь? – деловито спросил Скляр, как будто и в самом деле располагал крупными средствами.

– На первый случай, хотя бы миллион долларов. О карбованцах я не говорю – это несерьезно.

Олег Владимирович понял, что жила уходит из-под ног. Это все равно, что трахнуть Софи Лорен или стать президентом Польши. Он не смог скрыть некоторого разочарования. Тоцкая это заметила.

– Да-да, именно столько, – подтвердила она, видя, что собеседник явно смутился. – Сумма по нынешним временам огромная, но игра стоит свеч. Если комбинат заработает на полную мощность, он за один сезон заработает больше. Но сейчас нам надо запустить производство, нужны оборотные средства. Пользуйтесь моментом. В Киеве и не такие деньги кру-

тятся. – Вера Феликсовна вдруг поманила его ладонью к себе, – садитесь поближе. – И когда Складчик подсел к столу, зашептала:

– Директор наш – старый партийный деятель, безнадежно отстал, он все еще мечтает, что все возвратится на прежнее место что это, как он выражается, какое-то трагическое недоразумение, всеобщее помутнение сознания и тому подобное. Его надо осторожно убирать, если мы хотим сохранить комбинат как единое целое.

– Я никак не расчухаю, какова здесь моя миссия? – недоуменно спросил Складчик.

– Когда ваши хозяева получают акции, они должны мне помочь голосами при перевыборах директора. Очередные выборы будут через год. Теперь смекнул?

– Вот теперь понятно, – наконец Олег понял, что к чему и где собака зарыта.

– Хорошо, я доложу. Конечно, у нашей фирмы таких денег нет, но вы правильно поняли, что у нас есть солидная крыша, – пообещал Складчик, блефуя по-черному.

– Пожалуйста, помогите. Буду очень-очень вам благодарна, – Вера Феликсовна положила свою горячую руку на руку Олега, и многообещающие бесики запрыгали в ее глазах.

Затем Тоцкая встала со своего кресла, хлопотливо пошарила по столу, собирая какие-то документы и, не поднимая головы уже другим, сухим тоном сказала:

–Время идти к директору. Говорите строго по теме. В Киеве разрешаю рассказывать всякие небылицы: как вы героически пробивались в кабинет. Как обвели вокруг пальца всех и вся, как охмурили женщину – первого зама директора и добились права получить акции. Знаю, мужиков хлебом не корми – дай побахвалиться, представить себя Наполеоном или Дон Жуаном. Не болтайте только главного. Идите.

Глава четвертая

Вера Феликсовна деловито, чинным шагом вышла из кабинета, Наполеон за ней, сообщая, как сейчас вести себя с директором. Альбина Николаевна, завидев обоих, тут же принялась лихорадочно перелистывать бумаги, перекладывая папки, показывая, что она вся в работе. Двое врагов сразу – перебор даже для такой боевой секретарши, как она. Вера Феликсовна, однако, проигнорировала Альбину и молча прошла в кабинет вместе с киевлянином. Секретарша проводила их немигающим, красноречивым взглядом, приглашая и Клавдию Борисовну выразить фунт презрения в тряпочку.

Виталий Семенович был подтянут, строг и деловит, как будто и не было вчерашнего стресса. Увидев киевлянина, директор сдержанно пошутил:

– Вы сегодня без охраны, как вижу. Благодарю за доверие.

– Виталий Семенович, – Тощая умоляюще-укоризненно посмотрела на директора, – мы же с вами договаривались...

– Все, все, – тот поднял руки, – больше не буду. Видите, Олег Владимирович уже улыбается. Будем считать инцидент исчерпанным. Вам слово, Вера Феликсовна.

Ну что, Виталий Семенович, я подробно изложила Олегу Владимировичу смысл наших предложений. Естественно, он ничего не решает, но я думаю, способен донести до сведения своего руководства смысл наших предложений. Это единственный способ рассчитаться без всяких уловок и пустых обещаний. И это выгодно обеим сторонам. Так, Олег Владимирович?

Мне все понятно, – подхватил разговор Скляр, – но я бы хотел официально из уст Генерального директора услышать подтверждение нашей беседы. Как я понимаю, предлагается погасить долг акциями вашего комбината, а кроме того, закупить дополнительный пакет, чтобы дотянуть до 8 процентов и получить место в совете директоров и таким образом влиять на решения комбината. Так?

Совершенно верно, – с радостным оживлением подтвердил директор. – Более того, по окончании финансового года, то есть не позже марта, мы выплатим дивиденды; все, которые вам полагаются. Если вы даже сможете взять кредит – здесь мы его получить не можем – мы возьмем на себя выплату процентов по этому кредиту. Как это сделать – наши юристы совместно обсудят. Но нам деньги нужны сейчас, как воздух. Время не терпит. Через пару недель овощи пойдут полным ходом, а мы не готовы к переработке. Чтобы выполнить производственную программу, а она у нас всегда напряженная, надо не позже середины августа перерабатывать томаты.

Вот видите, Олег Владимирович, нашего директора уже так вдохновляет перспектива сделки, – в голосе зама звучали явные нотки недовольства, – что он предлагает даже то, что мы предварительно не обсуждали. Так что сделка становится еще более привлекательной; только, Виталий Семенович, не грузите нашего гостя нашими проблемами, у него и своих достаточно.

Нам нужен, в таком случае, ваш устав, – Скляр все еще старался сохранить лицо, хотя отлично понимал, что сделка для его фирмы не реальна.

Устав мы вам предоставим, как только речь пойдет о конкретных вещах, – быстро ответил Виталий Семенович, видимо, пытаясь опередить ответ зама.

Что ж, хорошо, – улыбнулся Скляр, – я ваш представитель и защитник в Киеве.

Надеюсь, – попыток директор. – Вера Феликсовна, – он сделал условленный кивок головой, – сделает все, как положено.

Тощая все поняла правильно. «Мерседес» загрузили так, что водитель взмолился: куда вы все прете – рессоры полетят.

Тут была томатная паста в самой разной упаковке, икра кабачковая и баклажанная, и какое-то сате, и зеленый горошек, и халва, и персики, всякие соки, каша гречневая с мясом и много другой всячины.

Между тем разговор в кабинете продолжался уже без киевлянина.

– Вернемся к своим проблемам, как вы позволили поправлять меня при посторонних, – не без ехидства сказал Виталий Семенович. – Я вчера проехал по магазинам: нашей продукции почти нет, то же самое в больницах, школах, воинских частях. Это никуда не годится, куда смотрит отдел сбыта? Где кольцевой завоз? А мы с вами ломаем головы, ищем деньги. Вот где наши деньги, самый широкий ассортимент должен

– Виталий Семенович, – Тоцкая с досады всплеснула руками, – где вы живете, в каком царстве-государстве? Да спуститесь, наконец, с облаков. Какой ассортимент, какой кольцевой завоз? О чем вы говорите? Забудьте раз и навсегда. У школ, больниц, магазинов, воинских частей нет денег. Бюджет пустой. Город нам должен более двухсот миллиардов карбованцев. Что и дальше финансировать городской бюджет? А нас кто будет финансировать? За какие шиши? Кто нас погладит по головке за это? Свою шкуру надо спасать – я имею ввиду трудовой коллектив. Я дала команду возить только в те магазины, которые реально платят хотя бы в течение 10-15 дней. Многие поняли, что комбинат – государственная бездонная бочка, которая всегда подождет. У нас целая книга безнадежных дебиторов, куда еще?

– Но если не поставлять товар, то куда же девать нашу продукцию? Гноить на складах? – не сдавался директор. – Тогда нас точно не погладят.

– Не надо нас гладить, Виталий Семенович, я буду гладить вас в постели. Надо сокращать производство, как делают все умные люди, убирать лишние, ненужные звенья – мы не благотворительное общество.

– Вы в своем уме, Вера Феликсовна? – взорвался директор. Он, всю жизнь работающий на план, считающий план священной коровой, не мог и мысли допустить о значительном снижении показателей. – куда людей девать? Это же наши одноклассники, соседи, родственники – как мне смотреть им в глаза?

– Ну тогда давайте всем миромдохнуть, – огрызалась Тоцкая. Вы не думайте, что наци люди такие уж слабаки. Пристроятся, не беспокойтесь. Зато комбинат сохраним. Хирурги тоже делают больно, но люди после операции живут.

– Ничего я резать не собираюсь, – горячился Кирилюк, – продукцию возить, кольцевой завоз восстановить. Бюджет говорите пустой? Это плохо. Но это бюджет. Сегодня нет денег – значит, будут завтра. Государство все равно рассчитается, на то оно и государство. А сидеть, сложа руки и ждать у моря погоды – это каждый может, здесь ума много не надо, а мы с вами специалисты. Я этого не допущу. А если умирать – так вместе, на миру и смерть красна. На этом закончим. Об остальном поговорим вечером, – Виталий Семенович подмигнул своему заму. Тоцкая мгновенно уловила перемену настроения.

– Ох, Виталий, неисправимый ты человек, – сказала она, поднимаясь со вздохом. – Вечером я тебе шепну на ушко, что в городе делается. Недавно прошвырнулась по отделам горисполкома, или как теперь говорят, мэрии. Все по-западному перестраивается. Ну, ладно, я пошла.

В приемной директора собралась толпа желающих попасть на прием. Здесь священнодействовала Альбина Николаевна, устанавливая очередность, отправляя многих по отделам и службам. Другим она сама давала краткие, исчерпывающие ответы, третьих просила придти через несколько дней, и только несколько человек получили разрешение ждать директора.

В приемной Тоцкой тоже скопился народ, обрадованный ее появлением и сразу зашумевший. Работа шла своим чередом, и все же не было прежнего азарта, динамичности, задора, уверенности в том, что ты делаешь нужное дело. Лица у всех чаще хмурые, безрадостные, шепоток вместо говора, потухшие глаза или, наоборот, злые, дерзкие.

У Генерального директора в тот день был прием по личным вопросам. По установившемуся много лет порядку в это время в кабинет вызывались заместители директора по быту, снабжению, председатель профкома и начальник юротдела, главный бухгалтер или его заместитель. Большинство вопросов решалось быстро и окончательно.

Альбина Николаевна вела протокол и тщательно контролировала все поручения директора. Приходили с просьбами насчет детского садика, общежития, с заявлениями о материальной помощи на похороны, лечение, оздоровление. Кто-то просил помочь стройматериалами, направить на учебу, отремонтировать квартиру ветерана комбината, обновить инструменты духового оркестра, выделить дачный участок. Приходили жены с просьбами найти управу на мужей и прочее и прочее, чем полна жизнь огромного производственного организма.

В прежние советские времена, когда комбинат был богатым, все вопросы решать было значительно легче, хоть и существовала масса запретов и ограничений. Но предприятие, стабильно выполняющее план, производящее дефицитную продукцию, получающее прибыль, во многом могло поступать по своему усмотрению, что оно и делало.

Теперь же каждый прием по личным вопросам превращался в головную боль для директора в прямом и переносном смысле. Резкие выражения, слезы, охания, причитания, жалобы, упреки, хлопанье дверями – все это утомляло больше, чем производственные проблемы. Голова раскалывалась от безысходности, от сознания своего бессилия, оттого, что падал авторитет, страдало самолюбие, изнеженное прежним поклонением.

Вот и сегодня пришлось многим отказывать, нервничать, выслушивать нелицеприятные отзывы. Потому Виталий Семенович после приема долго стоял у окна и нервно курил, пытаясь успокоиться. Через часок они договорились с Верой встретиться, а ехать в таком разбитом состоянии – какой смысл. Назначая свидание, Кирилук совсем упустил, что сегодня прием: спасибо, что Альбина напомнила, а то бы он вообще после обеда уехал в город по инстанциям. А сорвать прием – такое у него случалось только несколько раз за всю его двадцатилетнюю работу директором, да и то не по своей вине, а лишь потому, что задерживали на совещаниях.

Помимо всего прочего срыв приема – это еще и опасный прецедент. Что люди подумают? Уходит от проблем? Избегает людей? Зажрался или боится, устал? Нет, такого не будет, пока он на этой должности. Мечталось поработать лет до 70-ти, а в глубине души теплилась мысль, что и дольше, а потому надо идти навстречу трудностям и преодолевать их.

Виталий Семенович докурил, постоял еще пять минут, любясь величавым течением Днепра, и сел расписывать поступившую почту, поглядывая на часы.

Глава пятая

Молодожены Кирилюки приехали строить комбинат по комсомольской путевке в 1935 году, а ровно через год родился их первенец Виталий. Видно климат здесь был хороший, потому в течение следующих лет родились Оля и Света – все крепкие, здоровые. Отец – токарь, маму сперва определили штукатуром, а потом послали на курсы бухгалтеров.

Семнадцатилетним худеньким, прыщавым пареньком пришел на комбинат Виталий Кирилюк после ремесленного училища. Был поставлен сначала учеником, потом слесарем-наладчиком нового оборудования, которое в большом количестве поступало в строящиеся цеха. Активного, смышленного комсомольца быстро заметили. Через год Кирилюк – комсорг сперва пусконаладочного участка, а затем самого большого томатного цеха. В армию провожали шумно, весело, с комсомольскими песнями, художественная самодеятельность гремела: «...Прощай, поля родные, звезда победы нам свети. До свиданья, мама, не горюй, не грусти, пожелай нам доброго пути». Взволнованный Виталий, перевязанный украинскими рушниками, не успевал принимать поздравления, напутствия и просто выслушивать пьяные доверительные разговоры. Уже на приемном пункте наспех обнял робкую Марину, с которой начал встречаться, и тут же полетел в воздух, подхваченный десятками молодых, сильных рук.

В армии еще долго вспоминал эти волнительные проводы, родителей, лица друзей, Марину, что никак не могла к нему протиснуться, остаться наедине и сказать или услышать единственные слова. Марина, Марина – она так и ушла навсегда из его жизни, скромная, задушевная, его первая девушка, но нежная пыльца его юношеских воспоминаний почти каждый вечер оседала на его тяжелеющих веках до тех пор, пока они не смыкались окончательно.

Из армии Виталий Кирилюк вернулся высоким, крепким, ловким сержантом, членом партии, проявившим смелость и политическую сознательность во время венгерских событий. На комбинате его встречали также радостно, как и провожали тремя годами раньше. Вскоре Кирилюк – уже секретарь комсомольской организации консервного комбината, уже тогда одного из крупнейших предприятий города и области. Вот только грамотешки Виталию не доставало. Надо было срочно закрывать этот досадный пробел, потому что перспективы перед ним открывались огромные.

Поступил заочно в Одесский институт пищевой промышленности, который окончил блестяще. Предложили даже остаться на кафедре холодильной техники аспирантом, но Кирилюк отказался, не чувствуя большой тяги к научной деятельности. Только на склоне лет пожалеет об этом, а пока после института он – первый секретарь горкома комсомола, затем – второй в обкоме. По выслуге комсомольских добровольских лет Кирилюк направляется в Высшую партийную школу при ЦК Компартии Украины, называемую в быту студентами «Вышкой». Праздник жизни, полет Икара в небо продолжался. Еще три года веселого, беззаботного, незабываемого времени.

Да, были занятия, семинары, диспуты, подготовка рефератов, но для Кирилюка, привыкшего работать, любившего знания, книги, любопытного ко всем новостям из научного мира, все это было необременительно, словно понарошку. И тем слаще после занятий было свободное время. Впервые по-настоящему Кирилюк окупился в личную жизнь.

Студенты «вышки» получали приличную стипендию, а еще комбинат установил для Кирилюка персональную стипендию, регулярно снабжал своей продукцией, которую привозили знакомые экспедиторы с оказией. Днепропетровские друзья и знакомые, памятуя о его будущем карьерном росте, тоже помогали и продуктами, и деньгами, и всякими услугами.

Театры, музеи, библиотеки, ужины в ресторанах – всё жизнь положила к ногам Кирилюка. Блестящие женщины, узнав, что он – слушатель «вышки», с новым, повышенным вниманием посматривали на него, искали его общества. Товарищи по учебе, более поднатеревшие

в гусарстве, посвятили его во все тонкости запретного секса парижских борделей, по сравнению с которым «Камасутра» представляла собой нечто из начальной школы.

Слушатели «Вышки» могли жить или в общежитии, больше похожем на гостиницу средней руки, или в городе на частной квартире. В «общаге» жили те, кто жил только на одну стипендию, не успев еще покрутиться в деловом мире и обзавестись влиятельными друзьями и коллегами, а также партийные фанатики типа Суслова, которые десятилетия могли ходить в пальто, похожем на старую шинель Акакия Акакиевича.

Кирилюк жил сперва в общегае, а потом перешел на частную квартиру, где они жили втроем. Эта квартира знала и напряженный труд, но знала она и такие разгульные вечера и утреники, о которых Виталий раньше и представления не имел.

Почти сразу после ВПШ Кирилюк стал секретарем партийной организации комбината, женился на скромной сотруднице экономического отдела Валечке Берест, а когда тогдашнему директору пришло время уходить, кандидатура Кирилюка на замещение была первой и безоговорочной. Ему тогда «стукнуло» тридцать семь лет – время, расцвета творческих и физических сил. Виталий Семенович тогда с головой ушел в работу. При нем стали внедряться самые передовые технологии в пищевой промышленности, самые передовые формы организации и оплаты труда, он тащил на комбинат все самое-самое. Это при Кирилюке комбинат стал крупнейшим предприятием пищевой промышленности в Европе.

Одно время Кирилюка бросили на укрепление городской партийной организации вторым секретарем. Но Виталий Семенович уже привык работать первым номером. На этой почве возникли разногласия с шефом. К тому же ухудшились производственные показатели комбината, работу которого контролировали даже из Москвы, так как комбинат был основным поставщиком мясных и овощных консервов для районов Севера и Дальнего Востока, армии, флота и тюремной системы.

Кирилюка возвратили на прежнее место, предпочтя больше его не тревожить всякими «повышениями» и поняв, как важен и деловит этот человек на своем месте. Ведь комбинат был для города больше, чем производственная единица.

Здесь руководство области и города заправлялось бесплатным бензином; здесь в заводской гостинице можно было поселить ответственного министерского или партийного чиновника, не заботясь о его питании, досуге и так далее; здесь комплектовались подарки и подношения столичным гостям, организовывались прогулки по Днепру с возлияниями и ночными плясками вокруг костра.

На комбинат обращались, когда надо было организовать семинар, конференцию, возвести памятник или какую-нибудь очередную партийную причуду. Комбинат помогал Красному Кресту, ДОСААФу, обществу рационализаторов и изобретателей, Комитету советских женщин, фонду борьбы за мир во всем мире, английским шахтерам, Анжеле Дэвис, комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом и многим другим подобным организациям и учреждениям. Таким же прожорливым, как и бесполезным, держащимся на плаву только благодаря таким предприятиям, как консервный комбинат.

Но если учесть, что комбинат за сутки перерабатывал 500 тонн мяса, 2 тысячи тонн овощей и фруктов, отправлял 25 вагонов с продукцией во все концы страны и мира, то все эти ничемные фонды и комитеты могли спать спокойно «и видеть сны, и зеленеть среди весны». Для комбината они были как лилипуты на теле Гулливера: назойливы – и только.

В одной хвалебной статье комбинат называли империей овощей и фруктов. Статья давно забылась, а вот директора с легкой руки журналиста стали звать императором. В какой-то степени оно так и было.

«Императорская церемония» начиналась с утра, когда ровно в 8.00 Кирилюк выходил из калитки собственного дома, расположенного на тихой, уютной улице Текстильного поселка. Здесь его уже ждала роскошная по тем временам черная «Волга», которая по рангу полагалась

только секретарям обкома партии и за которой, как за ребенком, ухаживал постоянный водитель Гриша, почти одноклассник директора, поверенный во всех его позаслужебных делах и умеющий молчать аки рыба. Гриша с сознанием ответственности на лице открывал шефу дверцу, потом садился за руль, и машина медленно, в темпе парадного кортежа отправлялась в путь.

Сворачивая с шоссе к комбинату, машина еще больше замедляла ход, так как дорога круто шла вниз к Днепру, а кроме того, надо было дать знать подчиненным, что начальник уже появился.

Первыми машину «засекали» охранники, специально дежурившие в комнате на втором этаже проходной. «Едет, едет» – кричали впередсмотрящие вниз, затем волна сообщения катилась до самого заводоуправления, заставляя всех приводить себя в рабочий вид.

Вахтеры вытягивались в струнку, в приемной наносили последние мазки макияжа. Начальник караула козырял и докладывал у ворот, что происшествий за ночь не случилось. Ворота открывались, и Гриша почти торжественным маршем доставлял «императора» к подъезду заводоуправления.

Здесь самодержца встречали четыре его зама и главный инженер. Первый зам Вера Феликсовна и главный бухгалтер, как женщины, освобождались от утренней повинности быть при встрече. Кирилюк величественно поднимался по высокому крыльцу, проходил по пустынному коридору и появлялся в приемной, где застывала секретарша с помощницей, и, наконец, вступал в тронный зал, то есть кабинет.

Далее производственные дела несколько снижали императорский статус Виталия Семеновича до самого отъезда на обед, если такое случалось, однако весьма часто Кирилюк обедал в отдельном кабинете заводской столовой, приглашая кое-кого из сотрудников, которые сразу возводились в ранг приближенных на зависть остальным.

В 1989 году директора избрали по новой моде: трудовым коллективом. По тогдашней процедуре кандидатов на пост директора должно быть, по крайней мере, два. Долго никто из комбинатовских не хотел баллотироваться, боясь выглядеть посмешищем или попасть в опалу. Из посторонних в то время тоже не нашлось желающих побороться с «императором», да и должность эта становилась слишком хлопотной для многих.

Чуть ли ни силой назначили кандидатом главного инженера Загоруйко Николая Степановича, хмурого, неприветливого, вечно погруженного в технические проблемы человека. Он не внушал симпатий, но был незаменим как специалист. Изобретатель, рационализатор, короче, технарь с ног до головы. Он мог при необходимости засучить рукава и самолично отремонтировать агрегат или узел машины. Его не могли провести на мякине цеховые специалисты, ему не могли подсунуть бронзовую деталь вместо медной, не могли заказать 200 метров кабеля, если нужно было 150.

Так вот после выборов, где Кирилюк получил 88 процентов голосов, Виталий Семенович нет-нет да и называл главного инженера «Наш кандидат». «Ну а что скажет по этому поводу наш кандидат?» – бывало, спросит с ухмылкой директор. Николай Степанович не отвечал на эти выпады, молча сидел с опущенной головой в течение всего совещания, кроме коротких ответов по существу, и также, не сказав никому ни слова, молча уходил. Кому-то он все-таки признался, что больше ни за какие коврижки не согласится валять дурака. Все же при подсчете бюллетеней Загоруйко получил 39 голосов, и гендиректор помимо своей воли иногда мучительно раздумывал, кто эти таинственные голоса, почему они против, и как их опознать и ушучить.

А ушучить Генеральный умел, да так, что мало не покажется. Возможно было все: лишение премий, понижение в должности, увольнение, равное запрету на профессию; выселение из общежития или служебной квартиры, лишение права очереди на жилье, арест и судебное разбирательство всегда в пользу комбината, а кроме того следующее за гневом директора отчуждение сослуживцев, соседей, партнеров. Горе тому, кто попадал под цепенящий взгляд его

холодных, беспощадных глаз. То, что однажды решил «император», не подлежало пересмотру. Принципиально.

Иногда в глубине души Виталий Семенович понимал, что поступает слишком жестоко, но решений никогда не менял. В противном случае рассыпалась бы вся его стройная система поощрений и наказаний, а на ней, этой системе, держалась вся производственная и хозяйственная дисциплина. Щедрость поощрений и неотвратимость, суровость наказаний – таков был фирменный стиль Кирилюка. Это должны были знать все и знали все. Только в самое последнее время система управления гендиректора под давлением внешних обстоятельств дала трещину и стала смягчаться.

Таким был Виталий Семенович Кирилюк, когда киевская бригада так нагло, дерзко и бесшабашно пыталась позариться на его авторитет и оказать на него давление. Раньше он стер бы таких молодцов в порошок, а теперь приходилось, переступая через собственную гордость и самолюбие, договариваться. Но Виталий Семенович сумел укротить себя ради комбината, считая, что это временная уступка, и в конце концов все эти фирмы и фирмочки исчезнут, как утренняя роса.

Глава шестая

А в это время Олег Владимирович Скляр, он же здоровяк, он же конкретный пацан, он же Стенька Разин, обидчик Кирилюка защищался от своего компаньона Юрия Федоровича Бойко.

– Зачем тебе понадобился этот цирк в Днепропетровске?– низко наклонившись над столом, нервно и недовольно спрашивал собеседник и партнер Склера.– Мы же позиционируем себя, как солидная, успешная фирма. А здесь детективы, пистолеты, автоматы...это все должно было остаться за кадром, подразумеваться. Мы же так с тобой договаривались?– горячо говорил Бойко.– Только тогда это имело смысл. Ты думаешь, этот Кирилюк не имеет поддержки в Киеве? Да он нас с говном смешает. Губернатор звонил...– передразнил Юрий Федорович, – да кто такой губернатор сейчас? Ноль на палочке.

– Ну не скажи. Если бы не просьба губернатора, со мной вообще никто не стал бы разговаривать.

– А если бы охрана тебя еще раньше за жопу взяла или покалечила? Что было бы с фирмой? Ты подумал об этом своей дурной башкой? Только о себе думаешь, только бы покуражиться, силушкой поиграть, – закончил Бойко и, наконец, выпрямился.

– Мы действовали по обстановке. Шороху немного наделали. Не произведи я этот финт с оружием, мы бы вернулись ни с чем.

– А с чем вы, собственно, приехали? – Бойко саркастически ухмыльнулся.– Где деньги? Давай выкладывай, показывай толстые пачки зелени.

– Денег у них нет в любом случае, а так хоть что-то, – неуверенно защищался Скляр.

– Где ты видишь это «что-то»? – Пустые бумажки, которые они называют акциями и за которые просят 5 миллионов баксов – это ты называешь « что-то»?

– Был бы я таким умным вчера, как ты сегодня, – не выдержал Скляр.– Надо было самому поднять зад и ехать

– А ты мне тогда на хрен нужен? – парировал Бойко.

–Ты хочешь сказать, что я у тебя вышибалой работаю? – закипая злостью, спросил Скляр.– И вообще, ты в последнее время взял за моду считать себя начальником. По- моему, мы компаньоны на равных.

Юрий Федорович уловил, что Скляр начинает заводиться, а это всегда опасно и namного мягче сказал:

Ладно, хватит об этом. Давай думать, как выжать бабки из этой ситуации, что сложилась. Удав, как ни кинь, не может проглотить слона, сколько ни раздувайся.

– Может, кредит взять?– предложил Скляр.

Под что? У нас баланс под два миллиарда карбованцев – это около двадцати тысяч долларов. Кто тебе даст хотя бы миллион под такой баланс?

Оба на некоторое время замолчали, напряженно размышляя.

– Ира, принеси нам кофе,– крикнул Бойко в соседнюю комнату и опять озадаченно сжал губы.

– Позвонить Григорию Ивановичу, что ли? – задумчиво произнес он.

– Это нам бог послал голубя – быстро возразил Олег, – а этот хмырь заберет все себе и нас еще должниками сделает.

– Предлагай тогда сам варианты, – тоже рассердился Юрий Федорович,– молчишь, как рыба об лед.

– А если долг все-таки забирать продукцией? – медленно заговорил Скляр, пытаясь оформить вслух свою мысль. – Сперва верните долг, а потом будем говорить об акциях. Логично?

– И куда ты будешь девать продукцию? И сколько лет продавать на сто тысяч баксов?
– Ты же сам видел, пробовал: качество европейское, цены смешные. Толканем оптовикам с небольшим наваром – и все дела. Живых денег мы от них никогда не получим.

– Ты точно в этом уверен?

– Абсолютно.

– А где хранить будем это добро?

– Хранить...хранить...где...– да, пожалуй, негде. Арендовать склад будет дорого, всю маржу съест. – Скляр продолжал думать, потом вдруг хлопнул себя по лбу, – а что, если оформить на себя и хранить у них на ответственном хранении? Заплатим какие-нибудь копейки за хранение и будем продавать прямо со склада. Ты в Киеве ищешь покупателей, а я в Днепропетровске отпускаю и перегоняю тебе бабки. Можно наоборот, я не возражаю. Подходит?

– Но они же сразу поймут, что мы играем в преферанс: отбираем свое.

– А куда им деться – с подводной лодки? Пригрозим штрафными санкциями, приплюсуем еще тысяч двадцать баксов. Это с одной стороны, а с другой будем обещать и обещать. Эта дама очень хочет стать директором, сыграем на этом. Кстати, это будет полезно и для комбината. Она намного динамичнее директора; тот, как пароход, который оброс ракушками: дымит, пыхтит, а ходу настоящего нет.

– А вдруг они все-таки найдут инвесторов? – все еще сомневался и осторожничал Бойко. Он привык не рисковать и действовать наверняка.

– Найдут, так найдут, долг быстрее заплатят.

– Долг долгом, но какой шанс теряем, – мечтательно произнес Бойко. – Хотелось бы стать совладельцем такого заведения, на всю жизнь хватило бы. Ира, ты несешь кофе или о женихах думаешь?

– Юрий Федорович, я все-таки еще работаю бухгалтером, ну и чуть-чуть подзабыла, – виновато оправдывалась Ира – тоненькая блондинка, недавняя выпускница, не поступившая в институт. Мама, бухгалтер, попросила взять ее в качестве секретаря директора и своей помощницы.

Наконец чашки с кофе появились на столе в кабинете.

– Я не буду, – мотнул головой Скляр, – и без того таю от жары, как мороженое.

– Ну Олег Владимирович, вы как скажете, – Ира прыснула от смеха, как прыскают все барышни такого смешного возраста.

– Ты же сам говорил, что мы не переварим такой куш, – продолжал разговор Скляр.

– Говорить-то я говорил, а мечтать никому не запретишь, – продолжал с сожалением Бойко. – Очень заманчивое предложение. Это тебе ни два комбайна продать, за которые, кстати, мы денежку до сих пор не получили. Как бы и к нам не приехали такие же лихие ребята, как вы себя показали в Днепропетровске, только это уже не будет спектакль, охраны у нас нетути, – Юрий Федорович театрально развел руками.

– Короче, хватит базарить, – решительно сказал Олег. – завтра же рысцой по оптовикам, предлагаем продукцию комбината. Если в течение недели ничего не получится – едем к Григорию Ивановичу и выкладываем все карты. Главное, рассчитаться за комбайны, там наша маржа, там наш и риск.

– Ира – теперь уже позвал Олег, – иди, солнышко, сюда.

Вошла Ира, опять смущено улыбаясь и поджав верхнюю заячью губку.

– Набери сейчас Днепропетровск, вот тебе телефон, – приказал Скляр, – Попроси Веру Феликсовну. Как только наберешь, крикни.

Ира набирала очень долго. В это время компаньоны обсуждали другие проблемы фирмы, которых набралось немало за время отсутствия Склера.

...Фирма «Главоовощсервис» выделилась из научно-исследовательского института «Главплодоовощторга» – когда-то одной из самых могущественных организаций в системе госу-

дарственной торговли овощами и фруктами; выделилась, как выделялись тогда тысячи подобных организаций и фирм по всей стране. Это было в конце 80-тых, когда партия требовала перехода на самоокупаемость и арендные отношения.

Большинство таких организаций так и остались лишь на бумаге, не сумев организовать в нечто жизнеспособное, или захирели через два-три года, израсходовав уставной капитал. А некоторые, ведомые активными вожаками, все-таки остались на плаву.

Так случилось и с «Главовощсервисом». Несколько умных, деятельных и пробивных сотрудников, создали нечто наподобие кооператива, оттяпав солидную долю собственности у трудового коллектива института. Так как в кооператив вошли и заместитель главного бухгалтера, и начальник планового отдела, и главный инженер, то в собственности кооператива оказалось самое лучшее оборудование, в том числе и два новеньких томатоборочных комбайна, совсем недавно закупленные в Италии за государственный кошт. Комбайны были совершенно новые, как и посадочная машина, но на них начислили амортизацию, еще что-то, известное только бухгалтерам, и они стали доступны по цене членам кооператива. Нельзя сказать, что комбайны были самыми лакомыми кусками в кооперативе. Там значилось много кое-чего, значительно более дорогого, известного лишь узкому кругу, а комбайны бросили, как кость, чтобы не гавкали.

Тем не менее, несколько человек, среди которых были и Скляр, и Бойко, помимо законных паев членов трудового коллектива, сбросились еще и выкупили злополучные комбайны и некоторое другое оборудование. Постепенно число членов кооператива по разным причинам таяло. Кто ушел на выгодную работу, так и не получив компенсации пая, кого легонько подтолкнули, кто ушел с громким скандалом, что-то получив деньгами.

Остатки кооператива после основательного дерибана преобразовали в «Главовощсервис», до минимума сузив количество пайщиков. В конце концов, владельцами фирмы и долгов, что за ней числились, остались Скляр, Бойко и упомянутая бухгалтерша Рябошапка Юлия Сергеевна.

Часть стоимости оборудования пришлось возвратить институту по суду: как ни крути, а импортный томатоборочный комбайн – это тебе не машинка для стрижки волос. Фирма оказалась должна институту, вернее тому, что от него осталось, приличную сумму. Эта сумма и заставляла компаньонов действовать активно, потому что институтом, преобразованном тоже в какую-то фирму, теперь владели конкретные пацаны.

«Главовощсервис», казалось, продал выгодно оба комбайна и посадочную машину Днепровскому комбинату, а оставшееся у него оборудование сдавал в аренду. Впрочем, без особого успеха, но на жизнь хватало. Фирма и ремонтировала это оборудование. Это являлось и выгодным, и рискованным делом, потому что арендаторы не спешили с оплатой до тех пор, пока не возникала необходимость в ремонте. Фирма едва сводила концы с концами, оплату арендаторы производили чем придется; Фирма попыталась производить ремонт только после оплаты всех долгов по аренде и после предоплаты самого ремонта. В ответ арендаторы отказывались от аренды вообще, и фирма оказывалась у разбитого корыта.

Многие должники предлагали рассчитываться с фирмой своей продукцией. Приходилось идти и на это. Для этого имелся небольшой склад, товарные весы и тара. Кто-то из компаньонов: Бойко или Скляр торговали, как опытные торгаша малым оптом. Больше Юрий Федорович, так как ремонтом занимался только Скляр. Конечно, речь шла не о таких масштабах, какие предлагал комбинат.

– Олег Владимирович, – наконец радостно крикнула Ира, – Днепровск на проводе.

– Алло, здравствуйте, Вера Феликсовна, – наигранно бодрым голосом начал Скляр, – Это я, Олег Владимирович, из Киева.

– Здравствуй, Олег Владимирович, приветливо отозвалась Тоцкая, сразу узнав его. – Мы ждем от вас, как от бога, звонка. Что там, как там?

– Доложил, заинтересовались. Проверяют пока, кто вы и что вы; правда ли то, что я взахлеб о вас рассказал.

– Ох, Олег Владимирович,– тяжело вздохнула Вера Феликсовна,– мы здесь живем, как под гильотиной, она все ближе и ближе к нашей шее. Сезон на носу, а у нас все кипит, и все сырое. Пусть быстрее проверяют, деньги нужны позарез. Я вас умоляю. Учтите, если вас кто-то опередит, будете локти кусать.

« По твоему голосу, не видно, чтобы нас кто-то спешил опередить», – подумал Олег.

– Вера Феликсовна, передайте по факсу ваш прайс-лист,– кричал в трубку Скляр.– Пока суть да дело, мы хотели бы предложить вашу продукцию нашим постоянным клиентам. Кстати, то, что вы нам дали в дорогу, мы зря не проели, даем всем попробовать. Отличные отзывы.

– Что нам ваши отзывы, наша продукция ни в каких отзывах не нуждается, – в голосе Тоцкой уже звучало неприкрытое раздражение.– Мы голые и босые. Деньги, деньги. Ищите денежных клиентов. Мы готовы уже по себестоимости отдать товар, лишь бы деньги сразу.

– Голые вы мне нужны только в постели, – не удержался от шутки Скляр, но тут же зачастил и без паузы продолжал: – а вот продукцию мы у вас сможем взять, посмотрим, как пойдет реализация. Возможно, и весь долг таким образом заберем.

– Во-первых, Олег Владимирович, я не заслужила, чтоб со мной так шутили, нас параллельно могут слушать. Во-вторых, чувствую, что мы напрасно на вас надеемся: вам бы долг свой забрать – а там трава не расти.

– Надейтесь, надейтесь, – убежденно сказал Скляр.– Вы же сами понимаете, что это не рубль и не два. Так передадите нам прайс-лист?

– Передам, – коротко ответила Тоцкая и положила трубку.

Из соседней комнаты выглянула Юлия Сергеевна и укоризненно покачала головой.

– Ты зачем хамишь людям? – тоже недовольно сказал Бойко.

– Ничего страшного, у нас особые отношения,– Олег шаловливо поиграл пальчиками.– Плохо, что она раскусила нас, как я и предполагал.

– Ну и что теперь?

– Искать покупателей на икру заморскую, – Скляр с пафосом, как пионер, продекламировал: « бороться и искать, найти и не сдаваться» – это о нас сказано.

– Что мы завтра будем делать, борец?

– Все просто, – Скляр взял с полки телефонный бизнес- справочник.– Открываем, смотрим раздел « фрукты-овощи» и читаем. Ого, список приличный.

Скляр стал просматривать список фирм, торгующих фруктами и овощами.– Это я знаю: мелюзга, мелюзга и это мелюзга. Вот «Евромаркет». Записываем: проспект Буденного 55. Идем дальше...

Набралось с десятков адресов. Стали звонить. Встретиться согласились трое. Пока разговаривали, заработал факс. Днепровск на трех страницах передал подробный ассортимент своей продукции. В прайс-листе стояли две цены: для оптовиков и отдельно для «Главовощ-сервиса» значительно ниже.

– Ирочка, палочка-выручалочка ты наша, – снова обратился Скляр,– опять ты нужна нам, как воздух.

–Между прочим, кто-то говорил, что секретарша нам не нужна,– Юлия Сергеевна опять стояла на пороге, глядя поверх очков на Олега шутливо-серьезно.

– Ошибался я, Юлия Сергеевна, трагически ошибался,– ответил Скляр, – теперь вижу, что нужна. Это мы, Юлия Сергеевна, занимаемся пустяками: всего лишь ищем деньги для фирмы, в том числе вашей Ирочке на зарплату, в том же духе продолжал Олег. – Кстати, вы за аренду «Мерседеса» и охрану деньги уже перечислили?

– Пока налоги за полугодие заплатили. Могли бы и подешевле что-то заказать,– пробурчала Загоруйко и скрылась.

– Нельзя было, Юлия Сергеевна, престиж! – крикнул вдогонку Скляр. – Оплатите, я обещал сразу.

– Ира, слушай меня внимательно. Перепечатай этот прайс-лист. Только без второй цены. Штамп, печать, подписи поставим наши, усвоила?

– Угу, – промычала Ира, сознавая всю ответственность своей миссии.

На следующий день старенькая «копейка» с подгнившими порогами отправилась по Киеву. Это было почти безнадежное мероприятие. Но удача, эта попутчица и покровительница бизнеса, осеняла своим крылом не только благополучный Запад, она металась и над многострадальной Украиной в то мутное время, которое одних валило с ног, а других возносило ввысь; время, когда можно было разориться до нитки, до рубища, а можно было взлететь и до небес, неожиданно разбогатеть ни на чем, лишь бы удача светила тебе, да ты не ловил бы мух. Напор, смелость, наглость, сила, немного смекалки и удачи – вот секрет тогдашнего успеха.

Удача улыбнулась и двоим настойчивым друзьям. Как молния, будучи явлением стихийным, чаще попадает в самое высокое дерево в лесу, так и удача приходит к тем, кто ее больше ищет.

Три дня бесполезных поездок по Киеву, трата драгоценного бензина, взаимные упреки, упущенное время, все эти «перезвоните через недельку», «только что получили крупную партию», готовы были угробить любой энтузиазм.

В конце дня раскаленная от жары «копейка» втащила во двор фирмы «Внешовощ». Скляр поставил семнадцатую птичку в своем списке.

– Здесь отметимся – и на сегодня шабаш, – успокоил он злого, как черт Юрия Федоровича, который давно предлагал закончить эту безнадежную затею.

Они зашли в административное здание. Сотрудники почти все уже поуходили, в коридорах стояла тишина.

– Вы куда, ребята? – остановил их вахтер- пенсионер.

– Директор еще у себя? – спросил Скляр таким тоном, как будто они чуть-чуть опаздывают на условленную встречу.

– Да, Глеб Платонович еще не уехал. Вы договаривались?

– Конечно, нас в мэрии задержали немного.

– Приемная на втором этаже, пройдите.

Они быстро взбежали по лестнице, нашли приемную, дверь кабинета была открыта. Бизнесмены средней руки еще не обзаводились личной охраной, тем более в таком еще безопасном бизнесе, как овощи-фрукты.

Директор сидел за столом и что-то внимательно читал. Это был атлетического сложения молодой человек, видимо, высокий, лет тридцати или чуть больше; элегантный, интеллигентный с виду, в бело-синей фирменной тенниске. Скляр с партнером переглянулись. Такого формата бизнесмены в то время встречались редко. Интеллигентность являлась отягчающим обстоятельством при выборе партнеров и оценке бизнеса.

Но подойдя поближе, визитеры наткнулись на волевой, непреклонный взгляд умных, серых со стальным отблеском глаз.

– Я уже не работаю, – твердо сказал директор, похожий на кандидата наук или дипломата.

– Мы бы хотели предложить вам крупную партию овощных консервов, – сказал Юрий Федорович довольно неуверенно, настроенный быстро получить отрицательный ответ и уехать, наконец, домой.

– Мы с посредниками не работаем, – холодно сказал директор, считая разговор оконченным.

– Нет, Глеб Платонович, – быстро подхватил Скляр, – у нас цены производителя, оптовые.

– Мне нужен сам производитель, а не его цены, – все также холодно произнес Глеб Платонович, снова переводя взгляд на документ, который он читал.

– Можно присесть? – попросил более настойчивый Скляр, – мы вам сейчас все объясним.
– Не более двух минут, – согласился директор, читая бумагу.
– Таврийский консервный комбинат, что в городе Днепровске, задолжал нам семьдесят тысяч долларов.

– Приличная сумма, – откомментировал Глеб Платонович.
– Ну и в счет возмещения долга предложил нам свою продукцию практически по себестоимости.

Молодой человек отложил документ и поднял на Скляра глаза.

– Какую?

– Вот, – Бойко услужливо подал директору прайс-листы. Тот, стараясь побыстрее избавиться от назойливых посетителей, скользнул глазами по первой странице. В середине листа его что-то заинтересовало, он стал читать медленнее, потом сказал вслух для себя: – а мне они мелкую фасовку не предлагают...

Приятеля опять тайком переглянулись, теперь уже радостно. «Дипломат» перевернул другую страницу. – Баклажанная икра тоже?

– Тоже, тоже, – как заведенные, поддакнули оба.

– Торг уместен? – спросил Глеб Платонович, продолжая читать.

– Оптовые цены, куда еще, – осторожно сказал Скляр.

– Вижу, что оптовые, – жестче сказал директор. – Я завтра поеду к ним и куплю без всяких яких.

– Конечно, можно купить, но не все, – все также уважительно возразил Скляр, боясь, что на этом разговор и окончится.

– У вас особые отношения? – насмешливо спросил хозяин кабинета. – Зачем же вы пришли ко мне? Делать мне нечего, что ли?

– Да, особые, – Скляр спешил отвечать, чтобы фирмач не попрощался с ними. – Они нам даже свои акции предложили купить, – и посмотрел на партнера, ожидая его реакции, тот подмигнул, мол, все правильно.

О, как! – директор не смог скрыть своей заинтересованности. – И на каких условиях?

– Самых льготных, – подтвердил Скляр, зная позицию компаньона, – нам только средств немного не хватает. Вот и продаем за бесценок.

– И сколько процентов они готовы продать? – с явным интересом спросил директор.

Друзья заколебались. С одной стороны, не хотелось первому встречному выкладывать такие сведения, о которых убедительно просили не распространяться, а с другой, обессиленные неудачами последних дней, они готовы были рискнуть.

– Так берете нашу продукцию или нет? Если да, то будем идти дальше, – рубанул Скляр, плюнув на всякую дипломатию.

– Если меньше 5 процентов, то нечего и разговаривать, – ответил директор, которого, скорее всего, заинтересовали акции.

– Больше, – сказали оба почти одновременно.

Все трое замолчали. Потом Скляр, заполняя паузу, сказал:

– Думаю, вопрос о доле непринципиальный. Если потрянуть бабками, то можно получить и больше. Важно, чтобы мы представили вас, как надежного, солидного партнера.

– Я сам в состоянии представить сам себя, – несколько высокомерно сказал Глеб Платонович.

– Не скажите, не скажите. – возразил Олег, – сейчас столько фиктивных фирм развелось, столько криминального капитала, что легко наскочить на всяких проходимцев, которые могут втянуть и в судебные разбирательства. Комбинат этого не хочет.

– Не пойму, – рассуждал вслух директор, – почему они не согласились работать с нами? Мы же предлагали деловое участие...

– Вот потому и не предлагали,– ввернул Бойко, пытаясь тоже быть активным.

– Не знаю, когда вы им предлагали,– рассуждал далее Скляр,– но ситуация меняется с каждым днем: инфляция, как в банановой республике, государственный опт развалился, заводы один за одним закрываются, валятся на бок. Такая же участь ждет комбинат, если его не поддержать вовремя. Генеральный директор мечтает о возврате Советской власти, о прежних объемах производства, даже наращивать их собирается, а государство уже такой воз не потянет.

– Так, наверно, нет смысла и поддерживать его, – сказал Глеб Платонович,– у меня есть куда средства вкладывать, я не могильщик пролетариата.

– Почему же,– горячо возразил Скляр, чувствуя, что перегнул палку, – это у государства нет денег, а если они есть у вас, можно спокойно эксплуатировать его без больших вложений. Затраты будут только на воспроизводство. А потом или реконструкция, или реструктуризация. Колоссальные бабки можно заработать, если подойти с умом. Американцы, например...

– Не надо мне говорить про американцев, – бесцеремонно перебил его Глеб. – Я два года назад закончил Гарвардскую школу бизнеса, так что, как поступают американцы, я знаю из первоисточников, – он говорил с легкой миной превосходства и самодовольства. – Но вы меня заинтересовали. Я еще посоветуюсь вечером кое с кем, а завтра в десять часов утра встретимся опять. Скажу вам почти наверняка, что я у вас перекуплю долг комбината, – после некоторой паузы и раздумья добавил он,– если вы, конечно, сбросите что-нибудь за опт.

– Ну, пожалуй, пять процентов...– начал тянуть Бойко.

– Десять,– быстро отреагировал директор.

– Ну хорошо, если все оптом, мы согласны, – подтвердил Скляр, встретившись взглядом с компаньоном и получив его одобрение, хотя десять процентов для опта...– он сделал выразительную паузу, показывая, как это много.

– Не жмитесь, – уверенно сказал директор,– иначе больше потеряете. Завтра несите документы, получим подтверждение от комбината и после обеда деньги будут у вас. Чао.

Сев в машину, коллеги ударили друг друга в ладоши и крикнули, торжествуя:– е с-сс!

– Ну что, в ресторанчик по случаю? – предложил Бойко, включая зажигание.

– Подождем до завтра. Слышал же: «Будем советоваться»,– осадил его Скляр. –Гоним сейчас в контору, готовим документы, я попытаюсь связаться с Верой Феликсовной, – он помолчал, потом с оттенком сомнения добавил:– а вдруг она заартачится?– От этой мысли у Склера еще больше вспотела шея, он вынул платок, стал вытирать пот. – Чертова жара. Седьмой час, а прохлады нет. Ты понимаешь, она пока не видит своей выгоды. Одни разговоры. Может, и звонить не надо? Будет хохма, если с этим интеллигентом договоримся, а она нас пошлет. Фу, опять в жар бросает.

– Не каркай,– с ожесточением бросил Юрий Федорович. Теперь, когда цель была так близка, не хотелось думать о худшем. – Уболтай, ты же можешь.

Глава седьмая

Скляр вздохнул и ничего не ответил. Приехав в контору, Олег бросился к телефону, надеясь застать Тоцкую на рабочем месте.

Телефон на другом конце ответил сухим голосом Веры Феликсовны:

– Да, я вас слушаю.

– Вера Феликсовна, добрый вечер. Это Скляр из Киева. Готовьте карманы. Возможно, в течение недели к вам выедет наш представитель на переговоры относительно акций. Нас никто не слышит? – Скляр понизил голос:

– Готов выкупить до 30 процентов. Не знаю, вы готовы к этому?

– Об этом мы поговорим лично с ним. Что еще?

– Почему так холодно, Вера Феликсовна? Вы же знаете ситуацию: разговаривать приходится и с миллионером, и с бандитом, и с простым клерком, и с бывшим интеллигентом, а теперь бизнесменом. Запутался, как с кем разговаривать. Извините, если я где-то перегибаю палку.

– Это можно простить, – уже мягче ответила Тоцкая. – Меня волнует другое: не водите ли вы нас за нос?

– В каком смысле? – наивно удивился Скляр.

– Вы те люди, за которых себя выдаете или нет? Я в последнее время стала сомневаться.

– Вопрос, Вера Феликсовна, интересный. Он разрешится в ближайшее время. Наши покровители тоже сомневаются в наших договоренностях. Пока они перекупают ваш долг и просят подтвердить, что он будет отоварен, как мы договаривались. Это и будет подтверждением, что разговор предстоит серьезный.

Тоцкая довольно долго молчала.

– Алло, алло, Вера Феликсовна, вы слышите меня?

– Слышу, слышу. – раздался наконец голос Тоцкой, – я все думаю. Опять игра в одни ворота. Долг заберете – и адью.

– Даже если это так, то и это для вас неплохо: вместо живых денег отдаете продукцию.

– Это, конечно, хорошо, но не в нашем сегодняшнем положении. Я так и быть дам подтверждение, но отоваривать мы будем только после приезда вашего мифического представителя.

– Отлично. Завтра мы дадим вам номер факса: где-то он у меня затерялся. Вы, в свою очередь подготовьте самый лучший номер в гостинице, предупредите охрану, чтоб не получилось так, как со мной. Охрана обожглась на молоке – теперь будет дуть на воду. Всего хорошего. До встречи.

– Все, подтверждение будет, – Олег с облегчением вздохнул и от избытка чувств радостно потер руки. – Теперича все будет зависеть от этого перца. Кстати, я забыл, как его фамилия.

– Спросим еще, – ответил Бойко, шагая по комнате, тоже возбужденный возникающими перспективами. – Все-таки я не против отметить сегодня. Ты как?

– А машина?

– Оставим на стоянке.

– Я не верю в приметы, но не люблю праздновать раньше времени. У меня какое-то предчувствие, что не может нам так крупно повезти. В последнюю минуту все может сорваться. Было же у нас такое и не раз.

– Ты знаешь, – откровенно говоря, у меня такое же чувство, – подтвердил Юрий Федорович, – наверно, даже больше. Потому и хочется выпить и забыться. Ну ладно, уговорил. До завтра.

На следующий день около десяти приятели ждали в приемной «Внешовоща». Она с утра была шумной. В кабинет постоянно заходили сотрудники с документами и выходили озабоченные. Строгая, чопорная секретарша, похожая на учительницу немецкого языка, глядя в книгу записей, приглашала к директору визитеров, которым заранее назначали встречу. Компаньоны беспокойно ерзали на стульях, не уверенные в том, что о них вспомнят. Однако, ровно в 10.00 женщина подошла и к ним.

– Вы по поводу Таврийского комбината?

– Так точно, – счастливо отрапортовал Скляр.

– Глеб Платонович вас ждет. Пожалуйста, пройдите в кабинет.

– Порядок, – назидательно сказал Скляр и поднял палец, говоря компаньону, что они имеют дело с солидной фирмой.

– Ну что, братва, – спросил директор несколько панибратски, – все у вас на мази?

«Разговор явно не гарвардский, – подумал Олег, – уже успел наблаться, рубаху- парня корчит». – Его немного покорило тон превосходства в голосе директора.

Глеб Платонович, фамилия которого оказалась Кардаш, как они узнали, быстро просмотрел документы, что принесли посетители, и передал юристам через секретаршу. Ее же он попросил узнать, пришел ли факс из Днепропетровска. Через несколько минут на его столе лежало сообщение: «Руководство Днепропетровского консервного комбината подтверждает долг фирме «Главовощесервис» в размере 69326 у.е. и согласно отоварить долг по текущему курсу на оговоренных условиях. Все прочее при личной встрече. Директор В. С. Кирилюк».

– Честное слово, не ожидал от вас такой оперативности, – признался Кардаш, отложив в сторону сообщение.

– Фирма веников не вяжет, – хвастливо бросил Скляр. Директор не обратил на реплику никакого внимания.

– Итак, наш отдел сбыта согласовывает с Днепропетровским комбинатом ассортимент, – уточнял Кардаш, – затем едет к вам, обсчитывает сумму, мы ее оплачиваем и вы даете нам доверенность на получение товара. И так по каждой машине. Согласны?

– Конечно, – подтвердил Юрий Федорович и продолжал: – а как быть с акциями? Это же все в одном пакете должно идти. Нам надо назвать солидную фигуру, которая что-то значит для комбината.

– Успокойтесь, – Кардаш сделал короткий останавливающий жест. – Заместитель министра стекольной промышленности вас устроит? – в голосе директора звучало торжество и насмешка. – Я его сын. У нас совместная фирма. Запомните – Кардаш Платон Александрович. Они могут знать его по стеклотаре. А если не знают, то пусть проверят.

А теперь главное. Кроме того, что мы вас выручаем, мы вам даем пять тысяч зеленых, чтобы вы не путались у нас под ногами. – Глеб Платонович замолчал, ожидая разинутых от радостного удивления ртов, что и получил. – Достаточно?

– Вообще-то мы и сами хотели бы поучаствовать, – попробовал держать марку Олег, но получив удар по ноге от Бойко, запнулся. – Ладно, мы согласны.

– Кто завтра поедет со мной? – Кардаш вопрос акций считал решенным.

– Что, уже завтра и ехать? – удивился Юрий Федорович.

– А чего тянуть резину? Сами утверждаете, что ситуация быстро меняется, – чувствовалось, что Кардаша самого распирает азартное нетерпение, но он умеет держать себя в руках.

«Так и надо делать дела», – тоскливо подумал Бойко, а вслух сказал:

– У меня семья, я ее не предупредил.

– Я, конечно, поеду, – вызвался Скляр. – У меня там личный вопрос.

– От вас требуется подтвердить, что я – это я, и во-вторых, вы будете гарантом, что это не лажа. На этом ваша миссия кончается, – закончил Кардаш.

Олег красноречиво крякнул: мол, мы все понимаем, что к чему.

– Завтра встречаемся здесь в пять утра. Никого предупреждать не надо: я хочу сам увидеть все в натуре.

Выезжая со двора, заполненного фурами, Бойко с беспокойством говорил:

– Теперь мы оказались в положении Веры Феликсовны. Мы его знаем без году неделя, а уже гарантируем с одной стороны, с другой ... На хера нам это надо? Лично меня уже не прельщают даже эти пять тысяч. Мало ли чего может случиться...

– Ну не пей тогда шампанского, – желчно ответил Скляр, – Вечно ты, Юра, чем-то недоволен. Ну, нельзя так. Все гарантии я вижу у них во дворе, на складах, в офисе. Видел, сколько фур грузится, выгружается? Вот и все гарантии. Положение отца можно проверить. Это тоже о многом говорит.

– Фуры – это еще не все. Они могут быть и чужие.

– А замминистра?

– Это мы проверим.

В конторе Скляр набрал приемную министра стекольной промышленности.

– Будьте добры, назовите фамилию, имя и отчество заместителя министра.

– Какого? – преспросил нетерпеливый женский голос.

– Кажется на букву «к». Мы здесь письмо ему пишем.

– Вы имеете ввиду Кардаша Платона Александровича, первого заместителя?

– Совершенно верно, спасибо.

Все правильно, – положив трубку, сказал Олег Юрию Федоровичу. Все в порядке. Ресторан отменяется. В Днепровске погуляю.

– Зазноба? – хохотнул Бойко.

Олег шутливо показал ему кулак.

На место они приехали после полудня. Самое невыразительное, утомительное время. Тусклый, пыльный, душный Днепровск не порадовал воображение киевлян. Не хватало только лужи со свиньей для полного представления о провинциальном городе. Весь 500-километровый путь промчались, как ветер, на ходкой «БМВ-шке». Несмотря на июль, то есть разгар курортного сезона, на дорогах было пустынно и тихо. Что поделаешь – время экономического кризиса, которого Украина не знала с царских времен. Не было нарядных, праздничных отпускников, неторопливо едущих с домашним скарбом на крышах машин, а если и проедет одинокий автотурист, то за рулем нахохлившееся, хмурое, озабоченное лицо. Не слышно детского крика, звонкого смеха, улыбающихся, милых детских рожиц.

Нет бензина на заправках, нет денег, засилье бартера, обмениваются, кто чем может, как при первобытно-общинном строе. Нет машин, везущих строительные панели, перекрытия, целые секции квартир. Строительство замерло, как в сказочном берендеевом царстве или как останавливается картинка в кинокадре, когда происходит порыв пленки; застыли башенные краны, стоят недостроенные дома, на земле валяются квартирные блоки, которые, кажется, вот-вот поднимут наверх и установят; машины не везут песок, глину, кирпич, бетон. Уныние и тлен по всей стране.

– М-да, невесело, – как-то по дороге сказал Кардаш, глядя по сторонам. – Когда же начнется этот долгожданный подъем? Все обещают и обещают... По всем законам политэкономии пора бы уже подниматься.

– Раньше в Союзе показывали фильмы о великой депрессии в Америке, – поддержал разговор Скляр. – Никто не думал, что и у нас будет такое. Чем больше критиковали капитализм, тем меньше люди верили в это. Наоборот, все ожидали, что придет капитализм, и все полки будут ломиться от изобилия, все будут ходить свободными и обниматься друг с другом. А недостатки – это все фигня, пропаганда. Вот вам и пропаганда налицо. Хорошо еще, что явного голода нет, хотя смертность увеличилась в два раза. Как-то и кусок в горло не лезет, когда у соседа есть нечего.

– Ну насчет куска ты загнул, – нехотя возразил Кардаш. – Все-таки Украина – житница Европы. Временные трудности. На Западе подсчитали, что эффективными собственниками могут быть не более 10 процентов населения. Остальные должны находиться в подчиненном положении. Это на Западе, где капитализму более трехсот лет. А у нас этот процент еще меньше. И ничего в этом страшного, неравноправного нет. Переболевем, выстроимся по ранжиру и будем знать, кто есть кто; кто за что отвечает, а то ведь у нас по Аркадию Райкину: сидит завсклад, как простой инженер, в первом ряду. Нет, извините, в первом ряду должны сидеть эти десять процентов собственников, которые поддерживают экономику и порядок в стране. Остальные – дальше, дальше и так до самой галерки. А у кого и на галерку не хватит – слушай соловья в лесу, он тоже складно поет.

– Не знаю насчет процентов, – вклинился Скляр, – но раньше приезжаешь в село: есть хаты получше, есть похуже, но все ухожены: садо́чки, палисаднички, чернобрывцы, хризантемы осенью. А теперь? Заколоченные окна, трава во дворе, одну-две старухи встретишь – больше никого. Остальные в город подались, за границу. А в городе то же самое – застой и вырождение.

– Работать не умеем, – бесцеремонно прервал его Кардаш, – на себя еще кое-как, а на хозяина вроде бы и не надо добросовестно работать, даже козыряют этим: «Что я на него вкалывать буду? Да пошел он!». Но тебя никто не заставляет работать. Ты сам пришел, договорился: я тебе – ты мне. Ну и выполняй договор. Больше сделаешь – больше получишь; качественнее сделаешь – тоже больше получишь.

Где же здесь эксплуатация? Откуда же хозяин возьмет деньги, если ты гонишь брак или, вообще, только куришь? Нет, норовят украсть, а не заработать. Это наш менталитет, отсюда все наши беды. Найди в немецких, английских, французских сказках, чтобы даром что-то досталось. А у славян сплошь и рядом: золотая рыбка, щука, скатерть-самобранка, меленка, что сама мелет, тому подобное. Халява сплошная.

Также и с лозунгами. Сколько труда надо затратить, чтобы что-то построить, создать, как трудно людей на это поднять. А вот поделить – на это мы все мастера, здесь мы все – первые. «Сарынь на кичку», «Грабь награбленное», «Экспроприируй экспроприаторов», «Заводы – рабочим, землю – крестьянам», «Хлеба и зрелищ» – лозунги вечные, как мир, начиная от афинского демоса и кончая лозунгами большевиков.

«Хорошо тебя учили в Гарварде, как им надо, – думал Скляр, не решаясь вступать в открытую полемику с Кардашем, от которого так и несло высокомерием. Первое впечатление о своем спутнике, как об интеллигентном, не слишком приспособленном к бизнесу человеке, ушло бесследно. Перед ним был умный, холодный хищник. «Хотел бы я видеть, как бы ты говорил, будучи сыном слесаря или пахаря» – носилось в голове Олега, пока он слушал Кардаша.

– Думаю, дело в психологии, – продолжал размышлять Скляр вслух, так как оба устали молчать в дороге. Он старался не углубляться в спор, а уйти в шутку. – Расскажу анекдот. Приятель спрашивает другого: Вася у тебя такая красивая жена, но бля-а-дь! Как ты с ней живешь? Вася отвечает: есть люди, которые предпочитают есть черную горбушку в одиночку. А есть, что едят торт все вместе. Я отношусь ко вторым».

Заулыбался даже молодой водитель.

– И в жизни так, – продолжал Скляр. – Один хочет быть Наполеоном, а другой – цветы выращивать в свое удовольствие. Когда римляне послали за Диоклетианом: мол, возвращайся на трон, он им ответил: что мне ваш трон – посмотрите, какую капу́сту я вырастил!

– Если хочешь копать – так и копайся, – зло возразил Кардаш, видно, это его раздражало. – А многие хотят по-другому: чтоб и не копать, и иметь машину, и виллу, и на Гавайи ездить. Ходят с плакатами, обиженные.

– По телевизору красивую жизнь показывают, – поддержал Скляр. – Звезд всяких. А не показывают, чего им это стоит, сколько трудов, пота, слез пролила звезда, через сколько унижений прошла, прежде чем стать звездой. А тысячи других так и не стали. И чем работа сварщика хуже работы певца? Артистов раньше и за людей нормальных не считали, хоронили рядом с кладбищем. А теперь артист получает миллионы, а сварщик копейки.

– Артист обслуживает миллионы. И потом умница, талант. А талант должен цениться высоко, – хмуро сказал Кардаш, как нечто, само собой разумеющееся.

– Что-то я не нахожу уникального в этих певчихах, голосами похожих друг на друга и которые почти голяком шастают по сцене.

– Важен принцип. Другое дело – просчеты продюсеров, режиссеров и так далее.

– Но раньше у нас существовал принцип: каждый по мере сил делает то, к чему он приспособлен более всего. Певцу бог дал хороший голос – вот он и работает голосом. Чем он лучше того, кому бог дал умение шить? У Лемешева был лучший тенор в мире. Однако он получал твердую ставку в своем театре и не бедствовал, но и не шиковал, не покупал дворцы во Флориде, пропев два-три сезона, как у нас теперь делается.

– На Западе такого нет, – с откровенным раздражением сказал Кардаш, раздосадованный оппозицией Скляра, хоть и осторожной. Глеб Платонович не считал спутника достойным оппонентом. – Там Майкл Джексон есть Майкл Джексон. И других таких нет. Поэтому и зарабатывает миллионы.

Скляр уловил перемену в настроении спутника и не стал спорить дальше. Беседа оборвалась. Так проехали еще сто километров.

– Давай еще порассуждаем, – наконец предложил Кардаш, поерзав на сидении от долгой езды. Он оглянулся на Олега, сидящего сзади: не спит ли тот. Но Скляр не спал. Было уже позднее утро, начинало припекать. Олег потихоньку потел и стыдился, что запах его тела распространяется по салону. Это было одним из его пунктиков в отношениях с людьми и, в первую очередь, с женщинами.

– Вот говорят, допустим, о социальном партнерстве, – начал Кардаш, полуобернувшись к Олегу, – но это партнерство предполагает какой-то уровень социального самосознания с обеих сторон, взаимной ответственности.

– Не уверен, – опять возразил Скляр помимо своего желания, потому что сам еще недавно ходил в «низах». Он понимал, что Кардашу больше нужен не спорщик, а слушатель, но никак не мог побороть в себе дух сопротивления. – Все эти шикарные особняки, «Мерсы», роскошные виллы в Европе, чаевые по тысяче долларов где-нибудь в Ницце, а у себя на заводе: «Извините, денег нет» – как-то не располагают к социальному партнерству. Вот и вся ответственность.

– Это явление есть, – нервно согласился Кардаш, уже глядя вперед, – но это идет от нашего менталитета и низкой культуры зарождающейся национальной буржуазии: ударить шапкой оземь: разорюсь, а свадьбу богаче всех сыграю; хоть чем-нибудь да выделиться. А большинство бизнесменов вкалывают с утра до поздней ночи, так или нет?

Скляр утвердительно кивнул головой.

– Так вот, и за свои деньги переживаешь, и чтобы люди твои не голодали, тоже беспокоишься. А с другой стороны полное непонимание. Исторический пример. Металлист царского Петербурга – так тогда называли токарей, фрезеровщиков, слесарей – имел самый высокий процент заработной платы в общей структуре производственных расходов во всем мире.

Что-то я выражаюсь слишком сложно. Короче, заработная плата в Петербурге доходила до 70 процентов общих расходов производства. Еще проще: если изделие стоило 100 процентов, то 70 из них составляла заработная плата. В Европе в то время – только 40. Неплохо, да?

Нет, показалось мало. Большевики тогда носились с теорией прибавочной стоимости по Марксу. Прибавочная стоимость составляла 30 процентов – караул, грабят, эксплуатируют! Но

забыли, что это изделие надо соскладывать, сохранять, охранять, перевозить, рекламировать и продать, и в каждом звене оставить кусочек прибыли – иначе, кто же будет работать даром.

Захотелось жить, как граф или князь. Что из этого получилось, всем известно. Мало кто знает, что правительство большевиков уже в 1918 году расстреляло демонстрацию рабочих Петербурга, и красный террор – это лишь прикрытие, при помощи которого можно было сломить сопротивление пролетариата. Если сравнить, сколько за годы большевизма уничтожено так называемых буржуев с одной стороны и рабочих и крестьян с другой стороны, то сравнение будет не в пользу рабочих.

Их, и крестьян особенно, погибло в десятки раз больше. За что боролись, на то и напоролись, как говорят старики. Доля заработной платы в структуре производственных расходов при Советской власти упала до 20-25 процентов.

– Но работали все, и окончательная прибыль шла на социальные расходы, а теперь всех на улицу, идите, куда хотите, а прибыль я потрачу на Мальдивах.

– Да, сокращаешь, конечно, штат до минимума, но те, кто остается, получают иногда больше самих предпринимателей. И ни за что не отвечают, кроме своей конкретной работы. Работай хорошо – все дела. Опять же нет. Везет шофер товар, и голова у него не болит, продадут его или нет. Испортится – так испортится, что мне – пусть у хозяина голова болит. Главное, довести и сдать, да еще что-нибудь умыкнуть. Казалось бы, сопи в две дырочки и нишкни. Нет же, ходят, зенки косят, разглядывают, в чем ты одет, на чем едешь, что кушаешь, где живешь. А почему мы не так? Почему, почему, да по качану! – распаляясь все больше, сердился Кардаш.

– На чужой роток не накинешь платок, – философски сказал Скляр, отдуваясь. – Надо привыкать, Глеб Платонович, к таким разговорам, никуда не денешься. Недовольные были, есть и будут всегда, такова природа человека: не довольствоваться достигнутым. Как только достиг одного уровня тут же хочется перескочить на другой – более высокий. У вас разве не так?!

– Вот именно! – обрадовался Кардаш, что его, наконец, поддержал собеседник. – В Америке, в Европе как? Наступила пора перемен – повозмущались, вышли на улицы, изменили что-то – и опять за работу.

Кромвель еще в 1648 году пошерстил в Англии зажавшуюся аристократию, и до сих пор там все спокойно. У нас же бунт за бунтом, восстание за восстанием, революция за революцией. И везде «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был никем, тот станет всем». И все строят, и все вновь разрушают – строители ху....

Взять хотя бы Пугачева. Ну, дойди он до Москвы, до Петербурга, и дальше что? Салават Юлаев получил бы графа, а нутро по-прежнему осталось бы диким, башкирским. Это он с братками с живых помещиков кожу сдирал, а подкожным жиром смазывал раны и оружие, и использовал для приготовления какой-то ихней башкирской бурды.

Это он, ближайший соратник Пугачева, разрезал людям живот, наматывал на палку кишки жертвы, и человек смеялся до самой своей последней минуты, потому что было нестерпимо щекотно. И что принесли бы России эти бандиты, не разбей их Суворов? Новый строй, всеобщее равенство, расцвет промышленности, ремесел? Дикость и упадок – больше ничего.

« Вас вовремя не буди – так вы и не проснетесь », – желчно подумал Скляр, а вслух спросил с искренним интересом:

– Глеб Платонович, где вы почерпнули эти сведения? В наших учебниках такого не было.

Кардаш опять полуобернулся к Скляру, раздумывая, заслуживает он доверия или нет. Олег, видно, заслужил.

– В наших учебниках много чего не было, – сказал Кардаш, снова усаживаясь поудобнее. – Читал в Америке. Спустим деньги в казино или на потаскух и сидим на бобах до следующего получения. Что остается делать? Читаем. В Гарварде – одна из лучших в мире библиотек

по русской истории. Там половина профессуры имеет русские корни. Вот и читали, слушали, сочетали полезное с приятным. Сперва негритянок порем, а потом читаем, или наоборот. Вот так-то...

– Саша, – обратился вдруг Кардаш к своему водителю, – а почему ты не участвуешь в нашем разговоре? Ты – представитель, так сказать, рабочего класса, гегемона революции, могильщика буржуазии...

– Я рулюю, – неопределенно ответил Саша.

– Правильно, вот это ответ. Человек рулюет – и это его главная задача. Он у меня получает больше, чем таксист или частник на маршруте, – обернувшись к Скляру, пояснил Кардаш. – Саша, митинговать пойдешь? – снова к водителю.

– А зачем? – заулыбался парень. – Пока хватает. И митингами ничего не добьешься.

– Дурья твоя башка, – скептически резюмировал Кардаш. – Ты своими глупыми, корявыми рассуждениями опровергаешь самого Карла Маркса, а заодно и Фридриха Энгельса, Ульянова-Ленина, ренегата Каутского, а также Прудона. Как ты можешь так нагло обращаться с великими умами?

– Я таких фамилий, кроме Ленина, даже и не знаю, – стеснительно сказал Саша.

– А если Глеб Платонович возьмет тебя и уволит? – не преминул съязвить Скляр. Бес и желание как-то противостоять самодовольству Кардаша все время толкали его в ребро.

– Ну... я не знаю... шоферня везде нужна... – ответил водитель, сразу став серьезнее.

– Ты моих сотрудников не провоцируй, – с многозначительной бесстрастностью сказал Кардаш. Олег понял, что, в самом деле, не стоит провоцировать. Он поерзал немного по сидению, чтобы сменить позу и чтобы ничто не мешало ему заниматься излюбленным в последнее время занятием – размышлениями о своих отношениях с Ольгой...

Возвратившись домой после первой поездки в Днепровск, Скляр позвонил в приемную комбината, узнал номер телефона в гостинице и, затаив дыхание, набрал заветные цифры. Ольга в тот день не работала. Он позвонил на следующий.

Ольга сперва не поняла, кто звонит, а поняв, отвечала вежливо, но скупой. Так повторялось несколько раз. Олег изо всех сил старался зацепиться за каждое сказанное ею слово, развить тему и тем самым заполнить межзвездную пустоту отчуждения, возникающую в каждом телефонном разговоре. О чем он только не говорил: о политике, о спорте, о телесериалах, которые специально смотрел, о жизни, об эстраде, рассказывал анекдоты, пытаясь ее рассмешить, но все невпрок. Ольга или упорно молчала или отстреливалась короткими сухими фразами. Откровенно послать его к черту она, видимо, побаивалась, зная, какая это важная фигура для руководства комбината.

Но не в характере Олега было отступать, да и отступать было некуда – уж очень она приглянулась ему. С первым же своим звонком он дал ей свой номер телефона, надеясь, что она когда-нибудь ему позвонит. Каждый день Олег Владимирович спрашивал Ирочку, не звонил ли кто из Днепровска. Он делал это так регулярно, что Ирочка стала сама докладывать, что пока никто из Днепровска не звонил. Шеф воспринимал эту информацию с явным сожалением, чем возбуждал Ирочкин интерес: от кого это Олег Владимирович с такой детской надеждой ждет телефонный звонок.

Но никто не звонил неделю, и две, и три. Приходилось время от времени звонить самому и наткаться на глухое непонимание и неприятие. Правда, голос Ольги постепенно теплел, и ответные фразы становились чуть длиннее, и только это обстоятельство питало надежду Олега, что вода точит камень, а настойчивость когда-нибудь принесет плоды.

И однажды телефон все-таки зазвонил, и приятный, бархатистый голос смиренно попросил: «Позовите, пожалуйста, Олега Владимировича».

– Кто его спрашивает? – Ира почему-то сразу предположила, что звонят из Днепровска и только ждала подтверждения.

– Это звонят из Днепровска, скажите, что Ольга.

– Да-да, – засуетилась Ирочка, – сейчас позову, – и прожогом кинулась к шефу, – Олег Владимирович, из Днепровска!

Скляр сразу схватил трубку, надеясь, что это не Тоцкая.

– Я слушаю. Кто это?

– Это Ольга. Я приношу извинение, Олег Владимирович, но мне некому больше звонить. – голос Ольги дрожал.

– Ну-ну, в чем дело? – подстегнул Олег, чувствуя что-то неладное.

– Дочка моя Люба заболела, – послышался всхлип. – Воспаление легких. – Лето... как это могло случиться – сама не пойму, купалась на речке, потом бегала... положили в больницу... нужны лекарства, антибиотики... муж не работает... мне не платят уже три месяца, только продуктами отдают... не могли бы вы мне одолжить..

– Сколько надо? – почти крикнул Олег. – не тяни kota за хвост.

– Ну хотя бы миллион карбованцев... вы не подумайте ничего плохого... я отдам...

– Что за вопрос, это пыль! – закричал в трубку Скляр. – Говори почтовый адрес, я сейчас же еду на почту.

Он тогда отправил десять миллионов, это в ту пору около пятидесяти долларов. Действительно, смешная сумма. Но эта сумма помогла ему наладить контакт с Ольгой. Он звонил каждый день и спрашивал о здоровье Любаши, ему неизвестной. Ольга волей-неволей вынуждена была подробно рассказывать о здоровье дочери, а Олег упивался ее голосом, пусть горестным, пусть печальным, но адресованным лично ему. Ему было стыдно признаться самому себе, но он желал, чтобы Любаша подольше была в больнице, лишь бы только иметь повод разговаривать с Ольгой.

Люба благополучно выздоровела, а благодарная мама стала разговорчивей, в ее глосе появились доверительные нотки. Олег ликовал. И вот теперь предстояла встреча. Что от нее можно ожидать? Что говорить Ольге и как себя вести с ней?

От этих вопросов Скляр снова заерзал на сидении. Чтобы как-то отвлечься, стал наблюдать за Глебом, когда тот оборачивался к нему или сидел вполоборота, меняя позу от долгого сидения. Иногда Кардаш полностью расслаблял мышцы лица, и оно приобретало спокойный, почти безразличный вид, даже с налетом тончайшей улыбки блаженства – лицо Будды или Конфуция. «Наверно, этому тоже научился в Гарварде», – подумал Скляр. Но очевидно, и Глеб не мог долго не думать, и тогда по ходу его мыслей лицо Кардаша ожесточалось, становилось словно выточенным из твердого материала: камня, дерева, металла, причем грубым резцом. Сплошной комок прямых жестких линий. В глазах – что-то ястребиное, хищно-холодное, неумолимое. «Да, – сделал вывод Олег, – такой далеко пойдет. Не хотел бы я быть его врагом или соперником. Сожрет и не оближется. Этот не будет одеваться в малиновый пиджак и брэнчать золотой цепью для солидности. Эта солидность написана у него на лице. На комбинате ему сразу поверят. Повадка у него наполеоновская.

– А у комбината серьезные долги? – неожиданно спросил Кардаш.

– Точно не знаю. Упомянули, что с поставщиками рассчитались только на 50 процентов.

– Я деньги на закрытие долгов не дам, – убежденно сказал Глеб, вторя своим мыслям.

– Это надо тогда специально оговорить, – подсказал Скляр, на что Кардаш только хмыкнул.

– Если мой человек будет в совете директоров, – продолжал Кардаш, – то через него будут идти все закупочные накладные, которые я буду оплачивать. Пусть не надеются, что я буду сорить деньгами. Никаких долгов я оплачивать не собираюсь. Только в дело, только в производство, да и то надо уточнить, что оно собой представляет и какова рентабельность каждого вида продукции. Может, там груды железа тридцатых годов.

– Я, конечно, не знаю, – осторожно начал Олег, видя реакцию Кардаша на его советы, – но все надо рассматривать в комплексе, одно от другого нельзя отрывать... налоговая может наложить лапу на любой счет – и все, облом.

– Ты меня, дорогой, не учи жить, – холодно сказал Кардаш. – Сам как-нибудь разберусь. Они что, до сих пор работают с одним счетом? Ну и мастодонты. Я попрошу открыть отдельный спецсчет по операциям со мной. Не узнавал: у них трасты пока не работают?

– Я таких тонкостей не знаю, – раздраженно ответил Скляр. – По крайней мере, не заметил. – Общение с Кардашем уже начинало его тяготить.

– Хорошо, если не работают. Нам бы только закрепиться. – Кардаш вдруг спохватился, что рассуждает вслух и замолчал. Но ненадолго.

– А когда у них начало сезона? – спросил он.

Скляру надоела игра в учителя и ученика: вопрос-ответ, вопрос-ответ. Он хотел отрезать: откуда я знаю; я что, технологом там работаю. Но он играл специалиста по комбинату и вынужден был отвечать.

– По-моему, они работают круглый год, но основной сезон начинается с поступлением томатов и кабачков. Это середина августа.

Кардаш больше не задавал вопросов. Проехали Николаев.

– Здесь у нас работает крупный поставщик – фирма «Сандора», слышал? – в качестве информации сообщил Глеб.

– Мы с ними тоже работаем, – вяло ответил Скляр, уже начиная изнемогать от духоты.

– Я тоже склонен к полноте, – сказал Кардаш, глядя, как покрылся потом Олег. – Наследственность. Мой батя весит 125 кг. Но я держусь. Советую и тебе держать себя в руках, это полезно во всех отношениях.

– Резерв у вас еще большой, – в своем духе ответил Скляр, – а вот я подбираюсь к вашему батю. И ем вроде бы немного, и двигаюсь достаточно, а дует, как шарик.

– Этим надо серьезно заниматься, – учительским тоном сказал Кардаш. – Проконсультироваться с врачом, сесть на диету. Я, например, после семи вечера не ем. За редким исключением.

– Да куда уж серьезнее, – с досадой сказал Скляр. – Днями иногда не ем. – Он не стал далее распространяться на эту болезную для него тему, внимательно посмотрел на шоссе. – По-моему, километров сорок осталось. Эх, сразу бы в Днепр.

– Ничего, потрудимся и воздастся, – поповским голосом произнес Кардаш и после некоторого молчания подвигал плечами, приводя себя в рабочее состояние.

– Так, Олег... как тебя?

– Владимирович, – подсказал Скляр.

– Так, Олег Владимирович, еще раз прокрутим пленку: мы с вами знакомы несколько лет, дружим фирмами, семьями. Как, кстати, зовут твою жену, ребенка?

– Жену зовут Диана, Дина, детей пока нет.

– Дина, Дина, – промямлил Кардаш губами и продолжал: – связи в Совете Министров, Секретариате Президента, Верховной Раде. Рабочие отношения со многими фигурами в СНД. Финансовое состояние прочное.

– Надеюсь, оно в самом деле такое? – спросил Олег.

– В противном случае я бы в эту дыру не ехал. Конечно, не настолько, чтобы содержать комбинат, но, чтобы его поиметь, вполне достаточно. – Кардаш громко засмеялся своему каламбуру. – Я это так – шутки ради, – он тут же поправился: – и вообще, понты в нашем деле – вещь совсем не лишняя, надо только делать это тонко, невзначай, – тоном наставника самодовольно сказал Глеб.

Скляр вспомнил, как он сам понтил, и мысленно усмехнулся. «Наверно, твоим сотрудникам работать с тобой не очень весело, – почему-то подумал Олег. – Я бы наверное, не смог».

И вот понеслись улицы Днепровска – странное сочетание села, поселка городского типа и среднего масштаба областного центра. Теперь командовал Скляр, хотя и он не помнил точного маршрута. Все-таки доехали. Когда машина повернула с одной из центральных улиц направо, Олег сделал знак остановиться. Все вышли из машины. Они оказались на верхотуре. Дальше дорога шла вниз, спускаясь к Днепру. Взгляду Кардаша представился Днепр – толстая, серебряная змея, сверкающая бликами полуденного солнца. И рядом здания, трубы, подъездные пути, пристань, баржи, огромные резервуары для горючего – все в зелени огромных кряжистых деревьев и молодой поросли, а далее, сколько видит глаз, заливные луга, живописные рощицы.

– Да-а,– восхищенно произнес Кардаш, пораженный масштабами увиденного,– махина!

Теперь, когда приезжие сели в машину и покатали вниз, к проходной, пора рассказать о комбинате подробнее.

Глава восьмая

Как и многие крупные предприятия в Советском Союзе, комбинат представлял собой «город в городе». Такой «город» управлялся самостоятельно, располагал своим судом и прокуратурой, роль которых исполнял юридический отдел заводоуправления. Он мог выиграть любое дело, запроторить в тюрьму любого и, наоборот, вытащить любого из самой безнадёжной ситуации. Такие предприятия в последние годы Советской власти обзаводились собственной службой безопасности, оснащенной техническими средствами и кадровым составом похлеще государственной и способной помочь исчезнуть с лица земли любому неугодному человеку. Появилась такая служба и на комбинате. Крупные предприятия применяли собственные системы оплаты труда, подготовки кадров, внедрения научных достижений.

Система ОРСов – отделов рабочего снабжения обслуживала такие предприятия, и здесь можно было купить то, чего не было даже на складах областного управления торговли. Санатории, поликлиники, дома культуры, стадионы, профессиональные училища, научно-исследовательские институты, проектные и конструкторские бюро, комбинаты бытового обслуживания – все это входило в состав таких конгломератов и все было доступно сотрудникам предприятия.

Смена директора почти ничего не меняла в жизни таких монстров индустрии, а тем более в жизни нижестоящих звеньев. Хотя и встречался иногда свой Петр Первый, перекраивающий под себя всю систему гиганта. Но чаще всего такой Петр и создавал такой колосс, а последователи лишь вносили косметические изменения, ничего не меняя в принципе. Их задачей оставалось поддерживать установленный порядок.

Любой из таких руководителей мог стать министром или первым лицом в партийной иерархии области или республики. Но все равно хозяин такого предприятия неохотно шел даже «на министра». Любая другая должность означала понижение или опалу. Авторитет руководителя был неоспорим, несмотря ни на какие ограничения: партком, профком, райком и так далее.

Комбинат был коллективным общежитием и принадлежал всем его сотрудникам. Здесь справляли свадьбы, рожали детей в подведомственном родильном доме, дети ходили в ближайшую подшефную школу, затем поступали в училище, принадлежащее комбинату. Те, кто проявлял способности, поступали в институты, становясь стипендиатами комбината, потом возвращались на родное предприятие инженерами, технологами, юристами, врачами.

Здесь провожали в армию и здесь же встречали «дембелей», отсюда провожали на пенсию и в последний путь, причем все расходы до копейки брал на себя комбинат, выплачивая даже единовременное пособие. Пенсионеры приходили сюда, как к себе домой, иногда по делу, а чаще только чтобы подышать воздухом производства, которому они отдали всю свою жизнь без остатка, почувствовать его мощь, здоровый ритм, побеседовать с товарищами – такими же пенсионерами – или с теми, кто оставался еще на работе, или по-отечески с зеленой молодежью, как наставники, хранители традиций, носители общественной морали. Их товарищеский суд был подчас строже, чем разное начальство, и переживался больше, чем скандал дома.

Когда комбинат просил, трудоспособные пенсионеры становились на свои рабочие места, помогая вытягивать производственный план и лучших работников нельзя было найти на сторе. В распоряжении ветеранов находились две просторные комнаты, телефоны: городской и внутренний – музей трудовой и боевой славы. В честь дня Победы для всех участников войны после митинга устраивался большой праздничный обед с концертом художественной самодеятельности.

В общем, даже находясь на пенсии, люди активно участвовали в трудовой жизни комбината. Неудивительно, что старики жили очень долго. Нескольким отметили столетие. Приво-

зили на машине или ездили домой к тем, кому стукнуло 90 и больше. А тех, кому было за 80, и сосчитать было трудно.

Потому так болезненно весь окружающий комбинат рабочий поселок воспринял перебои в работе комбината и те перемены, которые принес с собой развал великой страны. Произошли перемены не только в жизни Украины, но и в жизни самого комбината. И перемены не в лучшую сторону. Жизнь требовала сокращать производство, сокращать количество работающих. Но имел ли моральное право директор Кирилюк подписывать приказ о сокращении штатов или о сокращении социальной помощи? Любой командир имеет право послать своих подчиненных в бой, но никакой командир не имеет права приказывать бойцам сдаваться. То же самое касается производства. Директор может уволить одного-двух разгильдяев, может давать задание на расширение производства, но как давать приказ на сокращение производства, на сокращение персонала, когда приращение производства было святым делом на протяжении десятков лет? Какой авторитет устоит перед этим кощунством? И Кирилюк старался изо всех сил, чтобы не допустить такого надругательства.

Сокращение хотя бы одного звена означало порыв всей цепи. Уменьшение льгот воспринималось, как личное оскорбление, а к оскорблениям на комбинате не привыкли. Потому Кирилюк и слышать не хотел ни о каких сокращениях, подписывал заявления о материальной помощи, хотя денег в заводской кассе почти не было. Долги росли, а ожидаемых перемен в политике государства все не было. У Виталия Семеновича появилась бессонница, раздражительность, высокое давление, приступы необъяснимой депрессии. Падал авторитет, чаще случались разговоры на повышенных тонах, ссоры, разногласия между заместителями, возражения по делу и не по делу, распространялись нелепые слухи и толки и тому подобные напасти, свойственные раздору в обществе и упадку.

На государство уже почти никто не надеялся, ждали чуда: мифических инвесторов, способных завалить комбинат золотыми слитками, с голову величиной. Говорили, что Украина вот-вот опять попросится в Союз, все восстановится и пойдет прежним порядком, а нынешних бизнесменов посадят в тюрьмы, как спекулянтов и живодеров. Каждый день называли то одну, то другую крупную фирму, которая якобы согласна купить комбинат и надо только уладить мелочи. Люди, измученные систематическими невыплатами зарплаты, были согласны и на это, в душе надеясь, что в остальном все пойдет по-прежнему.

В глубине души на это надеялся и сам Кирилюк. Мол, пусть дают деньги, а мы тут сами с усами и знаем, как их лучше потратить. Откупимся со временем и распрощаемся со всеми этими барыгами. Толком никто еще не знал, что такое капиталистический способ производства. Только предстояло узнать.

Скляр с Глебом зашли на проходную. На этот раз Олег не ломился напролом, а позвонил по внутренней связи. Вера Феликсовна не поднимала трубку. Пришлось звонить директору. Виталий Семенович, выслушав, попросил передать трубку вахтеру:

– Пропустите киевскую машину и без проволочек там.

В это время со второго этажа спустился начальник службы безопасности. Он сверху тоже заметил подъехавшую машину. Вахтер уже собрался идти открывать ворота, но Анатолий Федорович его остановил:

– Я сам открою.

Вахтер подошел к нему вплотную и зашептал. Сидоренко хмуро выслушал и молча пошел к воротам. Когда ворота разъехались в сторону, службист стал посередине, не пропуская машину.

– Я начальник службы безопасности комбината, – угрюмо представился он, – прошу всех выйти из машины.

Все трое покорно вышли, недоуменно переглядываясь.

Сидоренко осмотрел салон машины, затем взглядом нашел водителя и показал на багажник. Саша поспешно и суетливо поднял крышку багажника, в котором лежали две пустые канистры из-под бензина, который они брали в дорогу, чтобы не стоять в очередях на автозаправках, часто закрытых вообще. Службист убедился, что они пустые.

– Покажите документы.

Он долго проверял паспорта, демонстративно сверяя фотографии, заглянул в прописку, потребовал документы на машину, тоже их долго просматривал.

– Нас ждет директор, – нетерпеливо сказал Скляр.

– Ничего, подождет, – был хладнокровный ответ.

Сидоренко обошел еще раз машину, осмотрел номера и, не найдя к чему придраться, наконец, возвратил все документы.

– Теперь можете ехать, – сказал он с каким-то удовлетворенным ехидством.

– Я вижу, директор вам не указ, – не выдержал Олег.

– Мне никто не указ, особенно такие засранцы, как вы.

– Как будто в грязь мордой ткнул, – брезгливо сказал Кардаш, садясь в машину. – Ну, ничего, такие нигде долго не задерживаются.

На крыльце – неслыханное дело! – киевлян встречал сам Кириллук.

– Все по работам, – сказал он, словно оправдываясь, – решил сам встретить, чтоб не заблудились. Что так долго ехали?

– А нас уже встретили, – зло сказал Скляр, здороваясь. – Досмотр по всем правилам милицкого искусства. Как ему хотелось на нас одеть наручники!

– Я же сказал вахтеру пропустить без проволочек, – видно было, как дернулся правый глаз директора, но он сдержался и спокойно предложил пройти к нему.

– Я в последнее время обычно не обедаю... так иногда чайку закажу... аппетит пропал, – пояснил Виталий Семенович, заходя в кабинет. – А вы с дороги, вам надо подкрепиться. Ну и я с вами за кампанию. Посмотрите, чем трудовой народ питается. А потом поговорим в узком кругу.

Неизвестно, чем в тот день питался трудовой народ, но в отдельный зальчик подали зеленый борщ со сметаной и пампушками, жаркое со свининой, которая таяла во рту, компот из свежих фруктов, сочные персики с бархатистой кожурой, пирожные для любителей сладкого. За столом говорили о всяких пустяках, о погоде, дорожных впечатлениях, телевизионных новостях, о концерте Льва Лещенко, неожиданно заехавшего в Днепровск.

– Персики у вас отличные, – похвалил Кардаш, – что за сорт?

– Это нам поставляет опытная станция института садоводства. Продукция не товарная, эксклюзив, – улыбнулся директор, – для самых-самых гостей.

– Спасибо. Попытаюсь оправдать надежды, – немного важничая, ответил Кардаш.

К концу обеда, слегка запыхавшись, в комнату вошла Тоцкая и сразу обратилась к Скляру:

– Ай-йя-йя, Олег Владимирович, как вам не стыдно? Почему меня не предупредили? Мы бы хоть почистились, встретили вас хлебом-солью.

«Обиделась, что оказалась не при делах, не в курсе. Ох уж эта конкуренция!», – подумал Олег, но вслух сказал другое:

– Я уже рассказал директору, как нас встретили. Спасибо, Виталий Семенович уделил нам внимание. Так что все в порядке. Познакомьтесь, Глеб Платонович Кардаш – генеральный директор фирмы «Внешовощ».

– Очень приятно. А я Вера Феликсовна Тоцкая – верный заместитель директора комбината.

– Моя правая рука, – добавил Виталий Семенович, – садись, Вера Феликсовна, обедай, – пригласил директор и тут же обратился к гостю:

– Когда уезжаете? – и, чтобы он не подумал ничего плохого, быстро добавил: – погостили бы у нас денька два-три, поосмотрелись. Есть, что посмотреть.

– Спасибо, Виталий Семенович, – ответил Кардаш, как всегда, внушительно и солидно. – но дела... дела..это в народе думают, что бизнесмены только и делают, что отдыхают на Канарах и Куршавелях, а на самом деле глаза вверх поднять некогда. Расширяюсь, помощников почти нет, да и какие в нашем деле помощники? Я и отец. Может, на денек останусь, но не больше. Дома дел невпроворот.

– Что ж, и на том спасибо, – заключил директор. – Олег Владимирович знает, где у нас гостиница. Не ахти какие хоромы, но жить можно. Располагайтесь. Ляпов больше не будет. Вера Феликсовна проконтролирует. Через часок встретимся в кабинете.

– У меня к вам просьба, Виталий Семенович, – сухо обратился Кардаш. – Когда будем уезжать, распорядитесь, чтоб нас не досматривали, как зеков. Не люблю я этих процедур. Даже в аэропорту.

– Без вопросов, – пообещал директор.

Ровно через час в кабинете генерального собрались все пять замов, главный инженер, главный бухгалтер, начальник юротдела. Альбина Николаевна изготавилась писать протокол заседания с печатью сугубой служебности на лице. Кирилюк сперва планировал пригласить из заводских только Веру Феликсовну, но потом решил, что вопрос судьбоносный для комбината и нельзя его решать келейно, чтобы потом не было кривотолков и упреков.

Со Склярком приключился небольшой конфуз. Войдя в приемную, Скляр застал там Альбину, сидящую с выражением «Альбина Николаевна», официальную до чертиков. Она строго сказала:

– А вас, Олег Владимирович, в списке приглашенных на совещание нет, – и многозначительно на него посмотрела, считая вопрос решенным. Кардаш уже зашел в кабинет.

– Как это нет? – Олег даже растерялся, – я же с Кардашем.

– Пока все не собрались, согласуйте с Верой Феликсовной, – смиростивилась секретарша, – иначе я не имею права вас пропускать.

«Еще одна служба безопасности», – зло подумал Скляр и пошел искать Тоцкую. Та слегка замялась.

– Ну вы же не участник переговоров? – сказала она нерешительно. – Это сугубо конфиденциальное мероприятие с юридическими последствиями. Так что извините.

– Как это я не участник? – возмутился Скляр, внутренне понимая, что она права. Но и терять свой статус не хотелось. Кардаш тем более не захочет больше с ним считаться. – Если бы я не был участником, тогда зачем Кардаш брал бы меня с собой? Или вы считаете, что я уже полностью вышел из игры? Мавр сделал свое дело – мавр может идти? Ничего подобного! Глеб Платонович колеблется, и чтобы его уговорить, я должен быть в курсе дела. Если вы обижаетесь, что я вас не предупредил, то это было личное пожелание Кардаша. Понимаете, лич-но-е! Я выполнил главную вашу просьбу – я привез человека, у которого есть реальные деньги. Ваша задача – его уломать. И я буду вам в этом помогать. Это и в моих интересах.

– Ладно, идем, – согласилась Вера Феликсовна, направляясь в кабинет, – только не высовывайся. – И тут же совсем о другом: – а он производит впечатление. Интересно, сколько ему лет?

«Еще бы не производить впечатление с такими бабками», – подумал Олег.

– Он моих лет, женат, имеет двоих детей, – соврал для солидности Скляр. – Отец – заместитель министра стекольной промышленности, совладелец фирмы, но всем заправляет Глеб...

Когда началось совещание, директор после короткого вступления предоставил слово Кардашу, но тот указал на Олега. Тому пришлось подняться.

– Моя фирма работает с комбинатом более трех лет, – бойко начал Скляр, на ходу сообщая, о чем говорить. На заседании он планировал просто отсидеться, чтобы быть в курсе

дела и высказать свое мнение сугубо кулуарно, если его спросят. А здесь на него уставились два десятка заинтересованных глаз. Откровенно говоря, у него и навыков-то публичных выступлений не было. Но положение обязывало, и Скляр продолжал:

– А с фирмой «Внешторгovoщ», которую здесь представляет Кардаш Глеб Платонович, – Олег широким жестом представил гостя, – мы работаем еще больше. Никаких разногласий, трений, споров у нас никогда не возникало, за исключением мелких шероховатостей, которые всегда возникают в процессе работы. Мы предоставляли им некоторую технику, овощную продукцию, которой с нами рассчитывались наши арендаторы. Наша фирма обращалась к Глебу Платоновичу за деловой и финансовой помощью, и он всегда нам шел навстречу. У него существуют прочные связи со многими киевскими структурами – не буду их сейчас перечислять. Вот кратко все, что я могу сказать по поводу «Внешторгovoща».

Вера Феликсовна шепнула что-то на ухо директору, тот согласно кивнул головой и с еще большим интересом продолжал слушать Скляра.

– Поэтому, как фирма, так и лично Глеб Платонович, не вызывают у меня сомнений в своей надежности и платежеспособности, – закончил Олег и сел с чувством исполненного долга. «Свои пять тысяч я честно отработал, а дальше ваше дело, как поступать».

Поднялся директор.

– Товарищи, – начал он, но видя, как хмыкнул Кардаш, быстро поправился, улыбнувшись в сторону фирмача, – и господа. Я хочу, чтобы все присутствующие знали, что мы вели переговоры и сейчас вышли на заключительный этап. Мы хотим передать фирме «Внешторгovoщ» некоторый, пока еще не согласованный, пакет акций нашего комбината. Глеб Платонович обещает нам в самое ближайшее время перечислить нам деньги, которые мы используем для подготовки к новому овощному сезону. Мы уже отстаем от обычного графика, но надеемся исправить положение. Глеб Платонович, мы вас правильно понимаем? Я правильно говорю?

– В общих чертах верно, – подтвердил Кард.

– У присутствующих есть вопросы? – опять спросил Кирилюк. Он явно хотел коллективного обсуждения, чтобы результат не выглядел его сугубо личным решением.

Среди присутствующих пошел тихий шепоток обсуждения. «Наконец-то», – так можно было выразить общую реакцию. Всем надоела неопределенность, у всех чесались руки по работе.

– Сколько это будет в денежном выражении и когда начнет поступать сырье? – спросил зам по производству.

– Николай Прокопьевич, – не будем пока торопить события, – мягко сказал Кирилюк, стараясь не допустить ничего, что могло бы испортить атмосферу заседания. Ему страстно хотелось успешно завершить эту сделку, и потому он боялся скользких вопросов – спугнуть зверя, как он иногда шутил.

– Все правильно, – не вставая с кресла, заговорил Кардаш, обведя всех зорким, победоносным взглядом. Он знал цену своих денег; знал, как их ждут на каждом предприятии. Это вода для иссохшей пустыни. – Все правильно здесь говорится, но я хочу всех предупредить без всяких оговорок, – голос Кардаша наливался металлом. – Я не благотворитель, не благодетель и не филантроп. Я преследую сугубо личные, корыстные интересы – интересы своей фирмы. Я прошу при мне не употреблять никаких терминов типа «товарищи», «товарищеская взаимопомощь», «поймите нас», «имейте совесть», и прочее из арсенала славного социалистического прошлого, что и привело к нынешнему положению. Я пришел к вам зарабатывать деньги и не хочу этого скрывать. Кому это не нравится, тот может встать и выйти. Пусть на меня не обижаются экономисты по социалистическому соревнованию, инженеры из отдела кадров, библиотекари, артисты, футболисты, пенсионеры, садовники, оранжерейщики, те, кто не умеет ничего другого делать, как подавать кирпичи и переписывать бумаги. На таких людей я не дам ни копейки. Будут работать те, кто дает реальную продукцию, которую мы продадим и зара-

ботаем прибыль. То, что положено по закону, мы отдадим государству в виде налогов, и пусть оно помогает всем страждущим. Иначе комбинат постигнет участь других ваших заводов. Все меня понимают? – Кардаш снова обвел всех внимательным взглядом. Тихое, едва сдерживаемое ликование на лицах присутствующих исчезло, лица вытянулись и посуровели. – Хорошо, будем считать, что мы определились с базовыми установками, – продолжал Кардаш. – К тому, что сказал Олег Владирович, я добавлю, что моя фирма – постоянный покупатель вашей продукции, иногда прямой, но чаще через посредников, что очень прискорбно.

– Почему через посредников? – сразу отреагировал Кирилюк, сидящий с каменным, потемневшим лицом.

– Потому что напрямую не всегда удастся взять то, что нужно. Ваш отдел сбыта очень любит, чтоб его просили, – ровным голосом ответил Кардаш. – Надо и там навести порядок. Но не это главное.

– Вера Феликсовна, примите к сведению, – сказал Кирилюк, воспользовавшись короткой паузой, которую сделал гость.

– Ваша продукция отличного качества, но упаковка уже желает лучшего и не отвечает европейским стандартам. В частности, нет штрих-кода, этикетка бледная, на плохой бумаге, картонные ящики – тоже вчерашний день. Но это все мелочи, это все можно быстро поправить. Из того, что мне сказали, что я знаю сам, что мельком сейчас увидел и услышал, я делаю вывод, что наше партнерство возможно и может быть успешным.

Чтобы не растекаться словами по древу, мне хочется услышать четкие, ясные ответы на несколько вопросов. – В кабинете стало предельно тихо. Слышался только шум вентилятора, стоящего в углу. Все напряженно ждали.

– Первое: заставлял ли комбинат в залог свои активы?

– На это я сразу могу ответить, – откликнулся Кирилюк, – заставлял под небольшие кредиты, но мы до недавнего времени вовремя рассчитывались, и все наши активы на месте.

– Отлично, – засвидетельствовал Кардаш. – Выдавались кому-нибудь крупные векселя, и если выдавались, погашены они?

– Крупных нет, – ответила главный бухгалтер – хрупкая, средних лет женщина с умным, строгим лицом, – но несколько векселей непогашенных есть. До пяти тысяч долларов.

– Говори, говори, Екатерина Павловна, – подбодрил Кирилюк, – нам нечего скрывать. Все равно в первую брачную ночь все выяснится.

Все натянуто рассмеялись. Умел все-таки Виталий Семенович разрядить обстановку. Лишь Кардаш остался серьезным.

– Какова общая кредиторская задолженность? – спросил он тоном ревизора.

– 50 миллиардов карбованцев, – выпалила Екатерина Павловна, сама испугавшись такой цифры. Но она быстро справилась с волнением и чтобы скрасить впечатление от произнесенной цифры, добавила: – дебиторская у нас еще больше – 57 миллиардов, правда, вытянуть эти деньги очень сложно.

Залегла гнетущая тишина. Комбинатовские чувствовали себя провинившимися школьниками, которых спрашивает строгий отец. Казалось, искра надежды, чуть затеплившаяся, теперь окончательно угасла.

– М-да, – несколько обескуражился и сам Кардаш, – прикинем, сколько это в иностранной валюте, – он достал из кейса калькулятор и быстро подсчитал, – около шестисот тысяч условных единиц. Многовато. Какова в таком случае сумма ваших активов? – Глеб в упор посмотрел на главбуха, которая сидела напротив. Та перевела взгляд на директора. Виталий Семенович пришел на выручку.

– Вообще-то это наша коммерческая тайна. А если говорить прямо, то мы так запутались в этих вопросах, что и сами толком не знаем, сколько сейчас стоят наши производственные фонды и прочие активы. По крайней мере, на порядок выше, чем наши долги. К тому же нам,

действительно, как сказала Екатерина Павловна, огромные суммы должны торгующие организации. Правда, если говорить начистоту, то эти долги почти безнадежны. Формально, у нас по балансу прибыль, но фактически нет оборотных средств – вот что нас душит. Нам должны государственные организации, мы надеялись, что государство все-таки с нами рассчитается, но государство оторвало нас от своей груди, а прикорм давать не хочет или не может. А как мы без него? Оно ведь забирало у нас все заработанные деньги, а теперь сказало: чао, персик. Но думаю, что дело еще поправится.

Кардаш не любил сентиментов, и речь директора с его шутками-прибаутками его раздражала, мешая ему сосредоточиться. Он прикинул в уме сумму долга, и цифра в 600 тысяч долларов не показалась ему такой фантастической, как 50 миллиардов карбованцев, от которой Глеб едва не оглох. Активы все-таки были на два порядка больше, да и должники что-нибудь да вернут. Картина вырисовывалась совсем неплохая. От этого вывода Кардаш сразу повеселел, но не подал виду.

– Плоховато, конечно, – продолжал он. – Это наглядное подтверждение того, о чем я вам говорил: «Помогите, спасите, торговать нечем», «Деткам есть нечего», «Зеки завтра разнесут колонию», «Армия голодает». Государство всегда найдет выход, а вы своей так называемой добротой поставили комбинат на грань развала.

Но положение не безнадежно. Из всего сказанного я сделал заключение, что никаких финансовых инструментов и организационных мероприятий вы не использовали, а только копили долги. Сейчас уже работают по-новому. Ни одного килограмма продукции без оплаты; если нет надежных покупателей – сократить производство, нельзя работать на склад. В нынешних условиях, главное – не произвести, а продать. – Кардаш чувствовал себя хозяином положения. Кирилюк, глядящий всегда орлом на подобных совещаниях, сидел сейчас подавленный и чувствующий себя учеником. Зато Глеб, победно осматривая присутствующих, выкинул главный свой козырь:

– Договоримся так: – чтобы не терять драгоценного времени, пока наши юристы согласуют и оформят документы, я прошу дать мне на руки заверенный мокрой печатью документ на продажу 8 процентов акций и просьбу о выделении кредита под 10 процентов в счет поставок вашей продукции. Обращаю ваше внимание, что банки дают кредит под 15 процентов, но нужной вам суммы никто не даст. Я бы тоже не дал, но надеюсь получить с вашей помощью больше, чем пять процентов. Ассертимент продукции мои специалисты согласуют. – Кардаш сделал театральную паузу и весомо произнес – завтра к вечеру на ваш счет поступят двадцать миллиардов карованцев. Устраивает? Это первый транш.

Раздались произвольные хлопки. Кирилюк, возбужденный, тоже привстал и аплодировал.

– Вот это, я понимаю, конкретный разговор, – сказал он и прочувственно добавил:

– Глеб Платонович, вы не пожалеете, что с нами связались.

– Я, в свою очередь, прошу, – Кардаш сделал повелительный жест в духе римских ораторов, останавливая волну восторга, захлестнувшую сидящих в кабинете. – Со своими долгами разбирайтесь сами, но мои деньги должны пойти только на производственный цикл. Мой представитель будет контролировать этот процесс.

– Хорошо, хорошо, – Кирилюк, казалось, был готов согласиться со всем, что ему скажут, не особо вникая в смысл сказанного. Главные для него слова были произнесены. А напрасно. Не зря же сказано: бойтесь данайцев, дары приносящих. Когда Виталий Семенович, наивная душа, это поймет, будет уже поздно. А сейчас ему представлялось, что все проблемы решены, и надо работать, работать и работать.

Во время праздничного ужина, в котором принимал участие и начальник службы безопасности, к нему подошел хмельной Кирилюк и тихо, чтоб никто не слышал сказал:

– Завтра явишься в отдел кадров и получишь полный расчет, если не хочешь, чтоб я тебя посадил в тандыр. Ясно?

– Ясно.– ответил побледневший полковник, понимая, что спорить бесполезно. За ним вились темные делишки, которых в спаянном коллективе не утаишь, хоть ты и командуешь спецслужбой. Виталий Семенович ни за кем не шпионил, но так получалось, что его осведомляли до таких мельчайших подробностей, о которых он предпочитал бы и не знать, чтобышний раз не убеждаться, что человек слаб.

Скляр уже собрался спать, когда неожиданно вошел Кардаш, явно под шафэ, бесцеремонно осмотрелся:

– Ты один?

– А с кем же мне еще быть?

– Ну ты здесь не первый раз. Я думал, у тебя есть варианты...

– Мой вариант дежурит завтра.–

– А мой?

– А ваш? – Скляр немного растерялся. Оказывается, он должен был заботиться еще и о «вариантах» для Глеба. Хорошенькое дельце. – Я даже не знаю. Завтра что-нибудь придумаем.

– К черту завтра,– капризно возразил Глеб.– Завтра работа, а сегодня ты не мог бы крутнуться. Не хочется одному ложиться. Я хорошо заплачу и тебе, и ей.

Скляр недоуменно сдвинул плечами. «За кого ты меня принимаешь,– зло подумал он.– Я тебе не сутенер»– Глеб Платонович, поздняя ночь, город чужой. Кого сейчас найдешь?

– Возьми машину, привези приличную блядь, только не вонючую, в ночном баре сними,– настаивал Кардаш.

–С охраной надо договариваться, а она директору доложит. Как мы будем выглядеть?

– Ты думаешь, не стоит, да? –Теперь явно было видно, что Глеб набрался от души.

– Завтра – другое дело. В город смотаемся, предупредим, кого надо, чтоб шуму не было,– предложил Скляр и осекся: завтра же на смене должна быть Ольга. Черт бы побрал этого Кардаша!

– Что-то на меня Феликсовна пялилась,– самодовольно сказал Глеб, начальственно вышагивая по комнате,– может завтра рискнуть, а?

– Боюсь, будет «динамо», – ответил Скляр, с удовольствием укладываясь на подушку, – хотя...если вы ей будете очень нужны, а вы ей, точно, будете очень нужны,– подчеркнул Скляр, – то можно, но очень осторожно. Я вам, по-моему рассказывал...

– Не помню. Что именно?

– Она очень хочет стать директором. Считает, что Виталий Семенович устарел, а она, видите ли, прогрессивная.

–Может быть, может быть. В чем-то она права. Говоришь, хочет быть директором? Поможем, – Кардаш хохотнул и добавил: – как волк ягненку. Ладно, спи, сам разберусь. Это Верочка мне нравится.

«Вот и разбирайся,– подумал Олег, уже предвкушая завтрашнюю встречу с Ольгой. – Ладно, спи, крепкий, – сказал он себе, вспомнив ее выражение, и улыбнулся,– завтра все выяснится».

Глава девятая

Следующий день прошел в пешем походе по комбинату. И чем ближе Кардаш знакомился с комбинатом, тем выше росла волна радостного предчувствия необыкновенной удачи. «Здесь работы и работы, – внутренне восхищался Глеб, осматривая комбинатовское хозяйство. Правда, в понятие «работы» он вкладывал совсем иное понятие, чем генеральный директор или заместитель главного инженера Аркадий Валерианович Мусияка – пятидесяти летний коротыш с голубыми, но выцветшими глазами и желто-серым лицом язвенника и печеночника, разбрасывающий по ходу дела колючие, желчные замечания подчиненным.

Во время обеда, такого же обильного и сытного, как и накануне, Скляр намекнул насчет проблемы с отдыхом Глеба Платоновича. Директор понимающе подмигнул в ответ. Перед окончанием рабочего дня, когда Альбина уже засобиравалась домой, Виталий Семенович вдруг попросил чая с лимоном для гостя, предварительно посоветовавшись с ним. Бедной Альбине ради комбината пришлось «пойти на жертву» по выражению генерального.

Зато Кардаш вечером никуда не отлучался, не искал приключений, а работал на полную катушку на «общее дело», как предполагал Кирилук. Глеб Платонович звонил на фирму, что-то уточнял, давал указания, принимал доклады, разговаривал с отцом, вызывал Скляра к себе для консультации по комбинату, хотя Олег знал, что это все больше для проформы: ни с кем, кроме отца, Кардаш по-настоящему не считался.

Когда Глеб, наконец, отпустил своего спутника, Скляр со всех ног бросился искать Ольгу. Она в это время ходила со своей помощницей по комнатам и рутинно пересчитывала простыни, одеяла, графины и прочее вверенное ей хозяйство гостиницы, которое надо было пересчитывать утром и вечером, так как командировочные, а еще чаще свои, в последнее время пытались «забыть» что-нибудь у себя.

Увидев Скляра, Ольга сделала удивленные глаза и приветственно кивнула головой. «Ну, слава богу, узнает» – на сердце у Олега немного отлегло. Он в ответ призывно помахал рукой. Ольга виновато сдвинула плечами и взглядом показала на сотрудницу, мол, занята по работе. Скляр, окрыленный началом, тут же помчался в ближайший магазин, накупил всякой всячины, положил все в холодильник и приготовился ждать.

Посидев некоторое время в нетерпеливом ожидании, Скляр включил телевизор, невнимательно смотрел американский боевик, где очередной бравый отставной полицейский в одиночку боролся со всей городской мафией. Было ясно и понятно, что, в конце концов, он положит на лопатки жутких, но трусливых головорезов. Приходилось переключаться на другие телеканалы, но везде стреляли, везде громыхало, визжало, мчалось и кричало истощенным криком. Олег опять смотрел первый фильм, где неустрашимый коп после первых неудач начинал крошить всех и вся.

Скляра фильм интересовал мало, он все время отвлекался мыслями о встрече. Простила ли Ольга его окончательно или это только дань благодарности за помощь? Пусть бы только пришла, а там он, думается, сможет ее убедить, что намерения у него самые чистые, самые серьезные.

Ну, боже мой! Сколько можно проверять десятков комнат? А может она совсем не хочет заходить? Уже раз зашла... Нет, надо самому идти. Но это значит засветить ее, компрометировать, напарница тут же разболтает. Нет, надо еще подождать.

Ольга пришла в десятом часу, настороженная, отчужденная.

– Вы опять к нам? По делу?

– Оля, к кому ты здесь обращаешься? Я здесь один. Или мы не знакомы?

– Ну... я не знаю... вы..ты..же гость...комбината...

– Я тебе дам «Не знаю» – добродушно-ворчливо ответил Олег. – Ничей я ни гость. Я приехал сюда вроде бы и по делу, но мог и не приезжать. Приехал только ради тебя. Комбинат – это лишь повод. – Олег помолчал, потом с доверчивой улыбкой весело глянул на нее. – Ну как ты здесь без меня? – Он пытался ее развеселить.

– Как всегда, – отвечала Ольга, продолжая настороженно стоять у двери. – Я не надеялась, что вы..ты скоро приедешь...накопила немножко долг отдать...томатной пасты немного было...кое что из консервов...завтра принесу...

– Оля, это все, что ты мне хотела сказать? – в голосе Олега появилась досада. – Если ты еще раз напомним мне о своем, так называемом долге, ты меня очень обидишь. Я сделал это от чистого сердца. Ты не представляешь, какая это радость для меня – помочь человеку в такой тяжелой ситуации. И не лишай меня этой радости. Договорились.

– Угу.

– Проходи, садись за стол. Видишь, я ни в одном глазу. Открывай холодильник, вали все на стол, будем ужинать.

– Ты точно сегодня не пил?

– Совершенно точно. Как огурчик. Не бойся, прошлое не повторится, даю тебе честное слово.

– Нет, я, пожалуй, пойду. Скажут, что я с командировочными угощаюсь.

– Оля, – сказал Склад, с шутливой угрозой набычив глаза, – пожалуюсь Вере Феликсовне, что ты плохо относишься к гостям комбината. Я, голодный, накупил кучу продуктов, а дежурная отказывается даже мне помочь. Как это называется?

– Ох, Олег, Олег, – вздохнула Ольга и прошла в комнату, – знаешь, чем меня застрашать. Вера Феликсовна устроила меня сюда, когда я осталась без работы. И сказала, чтоб не было ни одного замечания от командировочных, иначе буду снова на улице. Так что волей-неволей приходится угождать всем. А некоторые понимают это по-своему.

– И я в том числе, – усмехнулся Олег, – но теперь-то я не некоторый?

– Да, конечно. Ты так помог мне с Любой. Прямо не знаю, как и благодарить.

– Вот и отблаговаришь. Посидим- побеседуем, как хорошие знакомые.

– Я вообще-то думала – ты не скоро приедешь...так, когда выпадет случай, а ты, вишь, как...

– Я же тебе обещал приехать – вот и приехал. Сейчас, правда, по делу, но я бы и просто так приехал.

– Видишь, ты обязательный. Это хорошо. – Ольга неуверенно остановилась посреди комнаты, не зная, что делать. – Чем я тебе должна помочь?

– Я же тебе говорю: вынимай все из холодильника, порежь по- хозяйски, будем ужинать, поговорим.

– Говорят, комбинат покупают? – спросила Ольга, выкладывая продукты на стол. – Может, зарплату начнут платить нормально?

– У вас тут у всех сложилось такое понятие: появился новый человек рядом с начальством – значит, покупатель, – добросовестно пояснял Склад. – А здесь просто взаимовыгодная сделка. Комбинату – деньги, комбинат – свою продукцию. Понятно?

– Понятно, – со вздохом ответила Ольга. – Покупают, покупают, а все купить не могут. А есть надо всем.

– Да разве такую машину кто -то может одним махом купить? Правда, я думаю, у этого Кардаша далеко идущие планы. Но пока все так, как я говорю. – Олег вдруг остановился, внимательно глядя на Ольгу. – Ты почему опять такая невеселая? – спросил он, чувствуя прилив нежности к этой тихой женщине с простым пробором русых волос на голове и вечной печалью незадавшейся женской доли. – Опять с мужем поссорилась?

– Опять, – простодушно созналась Ольга, пряча глаза. – Говорю добром ему: грузчики везде нужны, иди, выгружай что-нибудь, что ж ты сиднем сидишь и пьешь. А он мне: я не грузчик, я специалист, я несколько лет учился этому делу, а теперь я – никто. И плачет, когда пьяный, и лезет драться. Дети плачут, просят: папочка, не бей маму. Она меня достала – кричит, всех порешу и сам повешусь. Может, и достала, но что мне делать, если есть нечего. Старика на поселке мрут один за другим. Они все-таки старики, хоть и всех жалко, а нам надо жить. Утром встаю: то один, то другая за подол тянут: мама, масла хочу; мама, мяса хочу. Какое там мясо – хотя бы что-то в тарелку налить. А здесь в дверь стучатся: за воду заплати, за свет заплати, за газ уже три месяца не плачено – вот-вот отрежут. Как тут будешь веселой? Я дома почти не ем. В гостинице что-нибудь оставят впопыхах – то и мое. А не оставят – супчик с напарницей состряпаем из овощей – вот и обед, и завтрак, и ужин. А муж халтуру кому-нибудь сделает и приходит домой, как зюзя. Так хотя бы лег да спал – нет, лезет драться.

– А может еще за чем лезет? – Олег остался верен себе.

Ольга смущенно махнула рукой.

– Он об этом даже и забыл. Подебоширил – бух на кровать в чем был, и только храп на всю хату и пена изо рта.

– А кем он у тебя?

– Киповец. Отдел контрольно-измерительных приборов. Им там спирт давали для протирки приборов. Вот и пристрастился. То хоть даром пил, а теперь все, что есть, пропивает. Стал инструмент из дома выносить, вещи, сперва свои, а теперь все подряд. Петя, сейчас же положи на место. А что, я в своем доме не хозяин? Что хочу, то и беру – и шашь за порог. А дома двое детей голодных. – Ольга перестала нарезать продукты. – Наверно, хватит. Засохнет же.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился Олег. – Делай, как считаешь нужным. Я в обед вообще-то плотно поел. Что будем пить: вино, водку?

– Нет-нет, я на работе.

– Ну хоть немного, – уговаривал Скляр. – Не могу же я пить один. Говорят, плохая примета. –

– Ну разве что вина чуточку.

– Не бойся. Через полчаса все будут дрыхнуть – гранатой не разбудишь. Откровенно говоря, я по вечерам выпиваю. Во-первых, остаюсь один – жена где-то на концертах ошивается. Во-вторых, это почти производственная необходимость – иначе не заснешь после всех своих проблем.

– А не сопьешься? – с подозрительным вниманием глядя на него, спросила Ольга.

– Нет, 150-200 грамм водочки для меня пыль. К тому же я люблю поесть. Посмотрел новости, поужинал, почитал – и на боковую. Унылая жизнь, но что поделаешь? Ну ладно, давай за встречу. – Олег чокнулся с Ольгой стаканами. Она лишь пригубила вино и поставила. Олег опрокинул в себя водку и принялся подтверждать истинность своих слов насчет еды. Он хоть и говорил, что плотно отобедал, но как все любители поесть, к вечеру проголодался. Он уплетал за обе щеки, пока ни наткнулся на взгляд Ольги. Что-то в ее глазах было такое, что Олег застыл с вилок, потом вообще отложил ее.

– Ты тоже давай питайся, – подбодрил он Ольгу, видя, что она только делает вид, что ест. Я уже нахватался и выпил порядочно, а ты все ковыряешь вилок. И вино стоит. Так нечестно.

– Я же на работе. И без того сижу, как на иголках. У нас нельзя сидеть с командировочными. Вдруг кто-то позовет, что-то спросит, бывает кому-то плохо – надо быть на месте. Твой начальник в соседней комнате – может пожаловаться.

– Никакой он мне не начальник. Так сказать, попутчик. Ты к нему не ходи. Сцапает – никто тебя не защитит. Даже я не смогу. – Олег приблизил лицо к Ольге и горячо заговорил:

– Ты знаешь, я так доволен...так доволен..что ты рядом. Сильно переживал, что ты будешь меня бояться. Прости меня, еще раз прошу. Я к тебе не так, как раньше...у нас с тобой все будет серьезно. Хочешь?

– Я – замужняя женщина.

–Хо-ро-шо, – с легким пьяным подвывом протянул Скляр.– хорошо, что помнишь. Я не буду разбивать... с твоим Петром мы разберемся...попрошу, чтоб его опять приняли...уговорю.

– Не примут, – убежденно сказала Ольга.– Все знают, что он конченный. Спился.

– Ни-че-го..полечим..просто я хочу, чтоб ты была счастливой, чтоб улыбалась почаще. Ты, наверно, еще красивее, когда улыбаешься,...мне так хочется... не все же вертихвосткам, певичкам всяким...ты можешь улыбнуться? Как на школьной перемене?

– Ой, когда это было?! Я уже и не помню.

– Во-о-т та-ак! Надо не забывать...человек рождается для счастья. А иначе зачем и рождаться? Видеть всю нашу грязь? Не-ет...не для этого...ты меня еще не знаешь...я сказал сам себе – значит все, точка...я много в Киеве думал...бывает так: один раз увидел – и другой тебе не надо. Бывает?

– Бывает, наверно, – неуверенно подтвердила Ольга.

– Вот и я так думаю...я пока тебе ничего говорить не буду...но ты сама увидишь...увидишь...ты будь строже с ним...пусть спит под дверью, если пьяный...

– Мы живем в его квартире. Он ее на комбинате получил, когда был на хорошем счету.

– Он на вас на всех получал. Пусть не выступает.

–Мама моя говорит, что может он одумается, если я заставлю его ревновать, – сказала Ольга, думая о своем,– но я боюсь: вдруг ничего не получится, а я буду у всех на языке.

–Если хочешь подразнить его – давай завтра по городу пройдемся, погуляем.– Олег загорелся этой идеей.– Лучшего варианта и не придумаешь. Я– командировочный, был – и исчез, и нет пересудов, а предупреждение будет,– Я Веру Феликсовну попрошу – якобы ты не по своей воле. Хочешь?

– Она очень строгая, я ее боюсь.

– Не бойся. Мы с Кардашем столько сделали для комбината, что они тебя на руках будут носить, если попросим.

Ольга задумалась в сомнении. Потом подняла глаза и озорно улыбнулась.

– А мороженое купишь? Я так давно не ела мороженое.

– Железно...подлежит строжайшему исполнению...а сейчас...где мой бумажник...на первый случай...

– Нет-нет, Олег, не надо, – запротестовала Ольга.– Ты и без того нам помог..мать все спрашивала, откуда деньги. Ты думаешь, я сидела бы здесь...

Ольга встала, заторопилась, потом, подойдя уже у двери, остановилась в нерешительности и, видимо, пересиливая себя, попросила:

–Можно я возьму в холодильнике...для детей...будет им подарок...скажу от тебя...

– Что ты, что ты, – зачастил Олег, вскакивая и суетясь, – конечно, без разговоров, что за вопрос.– Он бросился к холодильнику, стал вытаскивать оттуда свертки,– бери все, завтра еще прикупим. Какой я недотепа!

Пока Ольга заворачивала сверток, Скляр пытался ткнуть ей несколько долларовых банкнот, но Ольга изворачивалась и почти бегом выскочила в коридор.

Когда она ушла, Скляр еще долго лежал, заложив руки за голову и улыбаясь, а потом тихо вздохнул, повернулся набок и уснул, как ребенок.

Утром следующего дня Кардаш уехал, а Олег остался еще на несколько дней по собственной инициативе. Он все-таки попросил Веру Феликсовну дать ему Ольгу в экскурсоводы. Та строго посмотрела на него и спросила хмуро:

– Вы что, уже снюхались?

– Плохо вы знаете своих людей, Вера Феликсовна. Стал бы я вас просить, если бы это было так.

– Олег, не дури. Не делай из меня сводню. У нее двое детей и репутация честной, порядочной женщины. Не надо с ней эти ваши столичные штучки выделять.

– Скажу вам без всяких столичных шуточек, что я хочу на ней жениться, а она на меня ноль внимания.

– У нее муж. Между прочим, очень ревнивый.

– С таким мужем хуже, чем без мужа. А его ревность я в гробу видел в белых тапочках. Вы его сами видели?

– Видела. Потому мне ее жалко.

Тоцкая долго упорствовала, пока Олег не начал по-настоящему раздражаться. Пришлось Вере Феликсовне самой упрашивать Ольгу показать киевлянину город. Та согласилась тоже без особого энтузиазма. Они сели на троллейбус и поехали в центр. Постепенно Ольга стала оттаивать. Она водила Олега по городу, показывала достопримечательности, которые знала еще по школьным экскурсиям, а часто они просто читали вывески, заходили то в большие магазины, то в планетарий, где Олег сам объяснял спутнице, где какие звезды на ночном небе; то на выставку кошек, которая проходила в Доме культуры судостроителей; бродили по тенистым дорожкам парка с его мягким лепетом листьев в кроне старых деревьев, с мгновенной лучистой игрой света и тени, от которой жмурились глаза, сидели за столиком кафе, вынесенным прямо на тротуар, как где-нибудь в Париже; обходительный официант принес мороженое в красивой формочке – Ольга даже в детстве такого не ела. Потом они опять бродили по городу, как праздные туристы, и вновь зашли в другое кафе, где им подали изумительные пирожные с прохладным соком.

Тоцкая отпустила Ольгу на три дня, и за это время они успели побывать в двух музеях и на выставке в салоне художников, и спутница Олега призналась, что не была в музее два десятка лет, а теперь с живым интересом смотрела на картины в тяжелых золоченых рамках с их далеким чужим миром, но все равно интересным и привлекательным. Особенно Ольге понравились старинные женские портреты с их неуловимой грустинкой даже на самых высокородных лицах и в то же время с чувством собственного достоинства и чистоты. Особенно долго стояла Ольга перед «портретом неизвестной работы Коровина, находя в ней свое, чисто женское, чего не найдет в портрете ни один художественный критик, и что ему попросту не придет в голову, потому что такие вещи и пишутся для того, чтобы человек, глядя на них, думал о своем.

Олег подошел, стал рядом, тоже всматривался в сильное, страстное лицо женщины, обуреваемой какой-то внутренней борьбой, потом сказал:

– Если бы я был хорошим художником, то нарисовал бы, нет, написал бы тебя так, что эта картина могла бы тоже попасть в музей. Я знаю, как тебя надо писать, только не могу это объяснить и передать.

– Ты такое скажешь, – шутливо отмахнулась Ольга и пошла дальше.

В эти короткие, слишком короткие дни забытья она опять чувствовала себя почти выпускницей, у которой впереди огромная жизнь, огромный мир со всеми его красками и детскими секретами. За это время они так сошлись, так прониклись друг другом, что утром, встречаясь на остановке троллейбуса, Олег едва сдерживал себя, чтобы не обнять и не расцеловать ее, как после долгой разлуки, хотя между ними была всего лишь ночь, проведенная врозь. Каждый из них внутренне удивлялся: неужели они лишь только знакомы и не более. Скляр в эти дни был особенно чуток, особенно деликатен, сам себя не узнавая; он словно нес дорогую и хрупкую китайскую вазу, боясь ее нечаянно упустить. В другой раз Ольга представлялась ему цветком белой лилии ранним утром. Сероватый, бледный кокон, прелесть которого трудно предугадать. Но вот брызнули первые лучи благодатного солнца, и цветок начинает

распускаться. И через некоторое время перед нами белая лилия – неизъяснимое совершенство формы, непостижимая красота и сложность оттенков белого – настоящее украшение реки. Если на большой реке нет белой лилии – это не река, это всего лишь поток воды.

Такой вот белой лилией, нежной и ранимой, казалась Ольга в эти дни. Ее редкий, но залихватский, по-детски звонкий смех; ее вскользь брошенный шуточный взгляд бережил душу Олега. «Она, это она, – кричала его душа. – Боже мой, как ее не упустить? Я без нее не проживу!».

Пред тем, как Скларю надо было уезжать, они в последний раз сидели в кафе. Словно оправдываясь перед собой или перед теми, кто будет ее осуждать, Ольга говорила с гримасой боли на лице:

– Ну скажи, Олег, разве я не могу хоть капельку почувствовать себя счастливой? Неужели на моем веку одни только злыдни, пеленки, посуда, уборка, одна мысль: во что одеть, чем накормить? Неужели я родилась для этого? Ну скажи, зачем тогда бог наказал меня этой жизнью?

– Оля, ну не убивайся ты так! – Олег мягко прикрыл ладонью ее узкую, с прожилками вен руку. – После черного обязательно будет белое.

– Белое у меня было в эти дни, – горестно сказала Ольга. – Ты уедешь, а я опять возвращусь в черное. Извини меня, пожалуйста, что я порчу тебе настроение, но кому-то же я должна сказать, что я чувствую, чем живу. Все в себе, да в себе таишь. Сил не хватает носить все это. Вот говорю тебе, потому что ты уедешь и вряд ли вернешься. Зачем тебе наши заботы.

– Глупенькая, не переживай, – Олег шаловливо нажал пуговку ее мокрого носика. – Я только рядом с тобой понял, что значит быть счастливым и иметь нормальные отношения с женщиной. Как же я от этого убегу? Я буду лететь к тебе при первой же возможности. Я рассказал все о себе, все по-честному, без утайки. Я скоро решу свои семейные проблемы, а у тебя они, похоже, давно решились. А все остальное чепуха. – Олег говорил с таким жаром, с таким чувством правды перед собой и перед ней, что Ольга верила. Склар видел, что она верит, и все в нем пело: она...она...это она!

Глава десятая

Пульс предприятия ярче всего бьется в двух его отделах: снабжения и сбыта. Если возле сбыта толкаются люди, если оттуда то и дело выбегают на чей-то зов и таинственно шепчутся быстрой скороговоркой, если покупатели торопливо суют в какое-то помещение свертки и баулы, если за сотрудниками отдела по окончанию рабочего дня приезжают машины и становятся поодаль, а сами сотрудники пыхтя и оглядываясь, тащат пузатые сетки, портфели и сумки – значит, завод или фабрика, или комбинат делает нужную для населения продукцию, значит, нет проблем со сбытом, значит, нет необходимости идти в бухгалтерию и выяснять платежеспособность этого предприятия. Так, по крайней мере, было в советские времена и в первые годы независимости.

Если в отделе снабжения никого нет, кроме начальника, да и тот сидит, красный от напряжения, то и дело поднимая и опуская трубки телефонов, зажав одну из них плечом и щекой и разговаривая по другой, если заводской гараж пуст – значит, с комбинатом все в порядке – все при деле.

Сейчас в отделе снабжения все на своих рабочих местах. Нина Сероштан, 35 лет, незамужняя, тоненькая, похожая на артистку из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», прилежно выщипывает брови. На столе у нее еще какие-то косметические причандалы: очевидно, дело одними бровями не ограничится.

Двое молодых парней играют в «морской бой». С фантазией у них дефицит. Единственное отличие от школы – играют на пиво. Начальник отдела Борис Кущенко, круглолицый, розовощекий, тридцатилетний, перекладывает документы, некоторые из них неторопливо, сосредоточенно читает, изо всех сил пытаясь создать хоть какое-то подобие деловитости. Штиль, ни ветерка, паруса висят безжизненно, как тряпки. Никакого движения, духота, все соскучились по настоящей работе. Начальство попряталось по кабинетам, никто никого не контролирует, не подгоняет, не распекает, а потому всем как-то неловко, все напряжены, хотя и изображают «работу».

– Слышали, – говорит Нина, держа щипчики над бровью, – в гостинице «Прибой» застрелили авторитета. Кличка, кажется «Сандро». Сожитель директрисы, командовал всем парадом: гостиницей, рестораном, сауной. Чуть что, ножом всем угрожал, с двумя пистолетами ходил открыто. Доходился. Уже в машину садился, а его бах-бах – и насквозь. Боже мой, что творится в стране. Страшно становится.

– А что тебе? – ухмыляется Борис. – Ты же гостиницу, лучшую в городе, не прибираешь к рукам? Он, говорят, половину персонала выгнал в шею, просто так. «Не приходи больше сюда», – и показывает пику. Ни приказов, ни указов, сотрудники тайком забирали трудовые книжки. Он думал, что все люди – овечки, будут все терпеть. Вот и напоролся.

– Ты даже больше меня знаешь, – с уважением сказала Нина, продолжая священнодействовать над своим лицом.

В это время в помещение шумно врывается Сергей Васильевич Полонский – самый старый сотрудник отдела, ему уже за 70, но он по-прежнему балагур и весельчак, любитель женщин в прошлом и не прочь все еще изображать себя таким в настоящем, но все понимают, что это только спектакль с одним актером. Шутки его отдают нафталином и давно известны.

– Что за шум, а драки нету? – зычно-шутливо спрашивает он командирским голосом. – Почему не встаем, когда старшие заходят?

– Почему старшие опаздывают? – больше по обязанности, чем по делу спрашивает в ответ Кущенко.

– Старшие не опаздывают, а задерживаются, товарищ начальник, пора бы это уже знать, – нарочито строго продолжает Полонский. И вдруг расплывается в сладкой улыбочке: – Ниночка,

золотце мое, я тебя люблю. Я разве тебе не говорил, что ли? – он подходит к Ниночке, имитирует страстный поцелуй – мм-м ... ах ... хорошо!

– Отстань, Васильевич, – капризно отмахивается Ниночка, – надоели вы уже со своими шуточками. Я двенадцать лет слышу одно и то же. В ответ Сергей Васильевич делает оперную стойку и поет дребезжащим голосом: «О тебе так много песен сложено. Я тебе спою еще одну».

– Не о тебе, а о любви, – сердито поправляет Ниночка.

– Могу же я, в конце концов, досочинить? – голос Полонского падает от пафосного до делового. – Ладно, начальник. Где работа? Куда ехать? Что везти?

– Уже никто никуда не едет, – словами старого анекдота отвечает Кущенко.

– Бездельники, – опять гремит Полонский, и на этот раз непонятно, шутит он или возмущается. – Всех уволю. Кто не работает, тот не ест. Ишь, расселись, анекдоты травят. Начальник, давай работу. Иди, шевели их там наверху, пусть крутятся.

Звонит телефон внутренней связи. Слышен голос заместителя по снабжению Бидули Юрия Владимировича.

– Все на месте, – бойко отвечает Кущенко, – что делаем? – Борис обводит взглядом отдел, соображая, что говорить. – Сероштан готовится ехать за реактивами для лаборатории. Иван Захарович уехал за спиртом в Харьков. Денис и Андрей сейчас идут на склад помогать готовиться к инвентаризации. Я просматриваю заявки прошлого года на третий квартал, чтоб, как только... так и сразу. Сергей Васильевич, как всегда, шумит в отделе. Наверно, пошлю его проверять расход бензина по гаражу. По поводу остатков? После инвентаризации я вам доложу, что можно будет продать. Что еще? Пока все. – Кущенко сделал небольшую паузу и с надеждой спросил: – а что наверху, Юрий Владимирович? Что-то решается? – Зам что-то говорил несколько минут. Борис согласно кивал головой. Наконец положил трубку, сказал веско, передавая настроение начальства: – надежды есть, но небольшие. Но приказано готовиться по полной программе, подтянуть бухгалтерию, всю канцелярскую работу. Потом будет некогда. Вообще, Юрий Владимирович лиса: и не то, чтобы нет, и не то, чтобы да...

– Я что-то про спирт слышал. Или мне показалось? – Полонский опять прикидывался простачком. – Губы высохли, внутри палит. Сейчас бы смазать слегка.

– Вы свою бочку выпили давным-давно, Сергей Васильевич, – это Кущенко.

– Извините, не бочку, а цистерну, – в своей манере уточнил Полонский, поглаживая живот.

– Васильевич, а хряпнули бы сейчас? – задорно спросила Нина, живо обернувшись к нему.

Полонский сжал губы, как бы раздумывая, тем самым вводя в заблуждение отдел, затем смачно чмокнул и мечтательно закрыл свои узкие глазки. – С у-до-во-ль-стви-ем, – делая ударение на «о».

– И без закуси? – спросил кто-то из молодых, смеясь.

– Этой гадости после первого стакана не употребляю, – с гордостью сказал Полонский и поднял палец, – Кстати, надо предупредить Захаровича, когда приедет, чтоб сразу не сдавал. В Харькове сейчас температура на несколько градусов ниже, а по закону Ома это означает минимум бутылек лишнего спирта. Я этот спирт двадцать лет получал. Вечером буду смотреть сводку погоды.

– Не распускай губу, Васильевич, – сказала Нина, – Макаренко и без тебя физику знает. И кладовщик тоже. И это не закон Ома.

– Другого не помню, но будет жалко, – Полонский снова причмокнул.

В это время в комнату вошла Галина Михайловна, начальник отдела заготовок – крепкая пенсионерка, вся в патине морщинок на темном, высушенном лице.

– Галиночка! – расплылся Полонский, широко расставив руки для объятий, – золотце мое... радость ненаглядная... как я тебя люблю... все сорок лет, что тебя знаю... дай я тебя расцелую... – он раскинул руки еще шире, как для встречи с Брежневым, но остался на месте.

Женщина прошла мимо него, в упор его не замечая.

– Галина Михайловна, что ж вы признаний таких горячих не слушаете?

– Да ну его, – без юмора ответила главная заготовительница. – Это он у вас двенадцать лет, а я его помню еще с курчавыми волосами. Сорок лет одно и тоже. Хоть бы пластинку сменил. – И сразу к Борису: – вы ближе к начальству – что слышно? Будем работать? Со всех перевалок звонят, люди волнуются. Соляру для дизелей надо уже завозить; ремонты и все прочее. А у нас ничего не делается. Дождутся: деньги появятся, а сроки уйдут.

Кущенко тяжело вздохнул.

– Михайловна, темный лес. Сами сидим, изнываем от безделья. Хотелось бы вас чем-то порадовать, но нечем.

– Ты, лоботряс, – гостя, наконец, повернулась к старому приятелю. – Ты помнишь, как в сорок четвертом было? А все-таки сезон сделали. Тогда все от нас зависело, а теперь... – она развела руками. – Ничего не понятно. Войны нет, бомбежек, пожаров, землетрясений нет, а комбинат стоит. Такой гигант! Кто в этом виноват, кто заинтересован, кому это выгодно? – спрашиваем друга друга и не находим ответа.

– Мы тогда, Михайловна, молодыми были, – вдруг с дрожью в голосе сказал Полонский. – И работали, как звери, как заводные. Не по приказу, как говорит сейчас некоторая контра, а от души. – Полонский старческим, дребезжащим, беспомощным фальцетом затянул: «Комсомолы, беспокойные сердца, комсомолы. Все доводят до конца...» – поняв напрасность демонстрации былой мощи, Сергей Васильевич опять перешел на шуточный лад: – а теперь конец где-то прячется – не найдешь. Но, Михайловна, лапушка, я все равно тебя люблю.

– Ты и перед смертью все одно талдычить будешь, глупостник, – сказала женщина, уходя, и хлопнула его по лысой голове. – В молодости смелости не хватало, а теперь разошелся, – в ее голосе слышалась теплота старого соратника.

– Вот так, Васильевич, – шуточно-капризно надула свои красивые, пухлые еще губки, Ниночка, – женщин из других отделов любим, а к своим только цепляемся. Все, не подходите ко мне больше.

– Ну что ты, Ниночка, – заворковал Полонский, – это же старая калоша, а ты у нас розочка, цветочек... мм, – он снова изобразил пламенный поцелуй.

– Все, ребята, – решительно сказал Кущенко, – заканчиваем балаган. Все за работу. Нет работы – ищите, придумывайте себе занятие, читайте техническую литературу, повышайте уровень. Сергей Васильевич, насчет вас я передумал: идите на склад и разбирайтесь со специями. Что еще пригодится – в одну сторону, где истекли сроки хранения – в другую, потом составим акт. Андрей с Денисом вам в помощь. Только не загоняйте их приказами – я вас знаю.

– Будет сделано, шеф. Ану, ребята, давай строится. За мной...

Только за уходящими закрылась дверь, как задребезжал внутренний телефон. Звонил Бидуля.

– Только от директора. Он и мы все на седьмом небе. Вчера вечером поступили деньги.

– Сколько? – затаив дыхание, спросил Кущенко.

– Двадцать миллионов. Пока. Только под производственную программу, да и то не под всю. Много позиций бизнесмен сократил как неперспективные.

– Подождите, сколько это в долларах? С этими миллионами ничего не поймешь. Скоро на триллионы перейдем. На калькуляторе уже цифр не хватает.

– Подсчитаешь сам. Люди от тебя уже ушли? Ладно, собирай всех ко мне на 14.00. Все, процесс пошел.

– Есс, – Борис сжал кулаки и тряс ими в воздухе, вне себя от радости, что теперь не надо придумывать себе занятие или валять дурака.

На комбинате царило приподнятое настроение. Все обнимали и поздравляли друг друга чуть ли ни с праздником. Старики утверждали, что подобные чувства люди испытывали в 1944 году, когда освободили Днепропетровск, и в день Победы.

Задвигались, закрипели, заработали шестеренки огромного, но уже начинающего ржаветь механизма. Словно живой водой окропили комбинат, и он, как сказочный богатырь, встал, расправил плечи, вздохнул всей своей полной грудью и пошел, пошел, пошел, постепенно ускоряясь, как поезд, уходящий со станции, где он выбился из графика и теперь стремящийся сократить отставание. Полетели снабженцы, окрыленные возможностью закупать нужное без унижительных просьб и проверок на платежеспособность; активнее заработали ремонтники, сознавая необходимость и важность своего труда. Веселее пошла работа в транспортном цехе: то и дело из гаража выезжали машины самого разного назначения и сновали по бесчисленным закоулкам комбината, наполняя его жизнью.

Даже в отделе сбыта закипела работа. До этого директор придерживал самую дефицитную продукцию, надеясь подольше растянуть срок, когда можно получить живые деньги на самые неотложные нужды комбината. Теперь острой необходимости в такой рассрочке Кирилл не видел. И повезли по всей стране грузовые поезда и тяжелые фуры вкусную, сочную продукцию комбината.

Отдел сбыта, в котором хозяйничали две подружки-соперницы Ада Мироновна и Наталья Леонидовна, опять расцвел, как ландыши весной, опять зашумел, закипел страстями. Обе госпожи, как их называли за глаза покупатели, – типичное порождение развитого социализма, при котором главное для торговли – получить товар, или на языке торгашей, отовариться. Будет ходовой товар – будет план. А будет план – будут и премии, почет и уважение, знамена, ордена – весь набор социалистического поощрения. Передовикам прощались мелкие, а часто и крупные прегрешения, которые тянули иногда на несколько лет тюрьмы.

И наоборот, если нет плана – каким бы ты ни обладал прежним авторитетом, какие бы заслуги ни имел, какой поддержкой ни пользовался, ты долго при таком положении вещей не протянешь. Ада Мироновна Гончарук – крутая, плотно сбита женщина баловского возраста, идеально подходила для своей должности в условиях дефицита всего и вся.

Она не лишена была некоторой женской привлекательности, но постоянное сознание собственной значительности и важный, неприступный вид, с которым она несла свое начинающее полнеть от постоянной кабинетной работы тело, особенно возвращаясь от вышестоящего начальства, отпугивали от нее потенциальных поклонников, которых она подозревала в тайных намерениях получить доступ к товарному изобилию.

На свою внешность Ада Мироновна почему-то не рассчитывала и по этой вообще-то надуманной причине постоянно пребывала в скверном настроении, что выражалось в повышенной крикливости и по отношению к покупателям, и по отношению к сотрудникам комбината и даже своего отдела; в одутловатости и серости лица, которое она не умела приукрасить косметическими средствами или не хотела, или не хватало на это времени, как бывает у деловых женщин.

Ее побаивались и клиенты, и комбинатовцы, и коллеги по отделу. Ада Мироновна ни с того ни с сего могла часто с такой угрюмой злостью наброситься на посетителя, что он потом долго думал, стоит ли еще раз соваться в отдел сбыта или можно как-то обойтись или обратиться в магазин, где можно взять то же самое, но с небольшой наценкой.

В редкие моменты хорошего настроения Ада Мироновна могла улыбаться, шутила и казалась даже миленькой, но грозный призрак изменения ее настроения висел над собеседниками, как Дамоклов меч, не давая расслабляться.

В компаниях, за праздничным столом по случаю чьего-то дня рождения все облегченно вздыхали, когда Гончарук уходила, как всегда занятая, и торжество начиналось по-настоящему только с этого момента.

Наталья Леонидовна Шестак была женщиной несколько иного склада. Она тоже могла послать кого угодно на три и больше букв; на звонки тоже отвечала грубо и зло, но по ситуации. Если она, эта ситуация, не требовала грубости, цинизма или лести, то Наталья Леонидовна преспокойно обходилась без этого, чего нельзя было сказать о ее начальнице, у которой это сидело в крови.

Наталья Леонидовна грубила по расчету, Ада Мироновна по призванию. Если все шло так, как ей нужно было, Шестак спокойно сидела на своем месте и четко, быстро, профессионально оформляла документы на отпуск продукции, редко допуская ошибки.

Но стоило кому-нибудь, включая и саму Аду Мироновну, зацепить ее не по делу – тогда держись. Наталья вся подбиралась, как кошка, глаза сверкали злобой и готовностью вцепиться когтями в любого, кто посмел на нее окрыситься или нарушить ее интересы и планы. Она не говорила, а шипела, как шипит хищник, на которого нападает другой хищник, еще более сильный. Даже Гончарук без крайней необходимости старалась не обострять с ней отношения. Но иногда они все же сцеплялись, и тогда это было неповторимое зрелище.

Что это было: конкуренция двух вожаков, каждый из которых претендовал на лидерство? Зависть и борьба двух сильных женщин, замужней и бессемейной? Личные обиды? – бог их знает, но это, говоря канцелярским языком, имело место быть. Вне ринга сотрудницы сохраняли состояние шаткого перемирия, а против клиентов даже объединялись.

За Натальей Леонидовной вечером часто заезжал муж. «До свидания, девочки, до свидания Ада Мироновна», – с ослепительной улыбкой, которая ее красила, говорила Шестак сотрудникам и зеленой от злости начальнице и с чувством превосходства удалялась.

В последний год психология сбыта резко изменилась до наоборот. Главным стало – продать. А с этим так не хотелось мириться, так не хотелось к этому привыкать. Теперь три городских телефона часто молчали, чего не было сроду. Приходилось – о неслыханное дело! – самим звонить и «унижаться», предлагая свою продукцию. Клиенты теперь могли выбирать, капризничать, «перебирать харчами»: это не надо, это еще у меня есть, это у вас просрочено. Приходилось все это выслушивать, сцепив зубы, даже улыбаться, заискивать, умасливать голосок – иначе зарплаты не видать, а еще чего доброго, могут и сократить.

Ада Мироновна все чаще снисходила до объяснений, легких уговоров, компромиссов, но если покупатель упорствовал, то она предпочитала уйти, чтобы не сорваться и не испортить дело, предоставляя другим сотрудникам, в первую очередь, Наталье Леонидовне, улаживать конфликты, что та и делала часто с успехом – ей было не так тяжело приспосабливаться, как Гончарук.

Меньше стало в отделе сумок, конфет, духов, зато в последнее время здесь стали отпускать не только по безналичному расчету, но и за «живые деньги», то есть, за наличные. Ситуация опять в корне поменялась. Ада Мироновна опять ожила, она зорко следила за тем, чтобы наличный расчет шел только через нее.

Если она и снисходила до компромиссов с клиентами, то лишь с теми, кто платил наличными. Естественно, сотрудники отдела получали зарплату наличными и в полном объеме.

Когда денег не хватало или директор требовал наличные вносить в кассу, товароведы отдела получали свою зарплату самой дефицитной продукцией, а уже потом перепродавали эту продукцию покупателям, кто имел деньги. Гончарук строго контролировала этот процесс и могла опять казнить или миловать своих подчиненных.

В конце концов, отвечая на многочисленные жалобы и косые взгляды и все более тонкий ручеек денег, поступающих в кассу, отдел полностью отказался от получения зарплаты наличными. Это было даже выгоднее, так как часто дефицитную продукцию небольшими партиями удавалось продать дороже, чем значилось в прайс-листах. Появился еще один крючок, на котором Гончарук держала свой отдел. Только ее никто не мог проконтролировать, кроме службы безопасности, но со службистами она умела договариваться.

Когда комбинат перешел на бартерную оплату, вес Ады Мироновны опять поднялся до неслыханных высот. Получив на зарплату халву или томатный сок, сотрудники комбината не знали, что с ними делать. Зато знал отдел сбыта. Он мог помочь реализовать за деньги товар мелким частным магазинчикам, число которых росло с каждым днем. В сбыт то и дело забегали начальники отделов и служб с просьбой реализовать, в первую очередь, их продукцию или хотя бы подсказать, в какие магазины ее можно сдать под реализацию. Ада Мироновна резонно отвечала: «А куда я дену продукцию комбината?».

Выходила странная ситуация, когда продукция комбината начинала конкурировать с продукцией ...комбината, которую отдали в счет зарплаты. А директор каждый день звонил и требовал: «торгуйте, давайте деньги, мать вашу...». Так что руководители среднего звена молча ретировались, а уж о «сошках» и говорить не приходилось – и не сунься. Поэтому вид у Ады Мироновны был все более занятой, важный и независимый, походка все строже и степенней, как у боярыни. Указ для нее был только директор и Вера Феликсоновна.

Когда Бидуля с Кардашем вошли в отдел в порядке знакомства, Ада Мироновна спокойно, без акцента встала и вопросительно посмотрела на вошедших: дескать, я вас внимательно слушаю. Юрию Владимировичу она прямо не подчинялась и поэтому не считала нужным подсуетиться.

Лишь когда Бидуля представил гостя, на лице королевы сбыта появилась дежурная услужливость: да, да, проходите, пожалуйста, знакомьтесь. Девочки у меня замечательные, работаем устойчиво, особых проблем нет. Приятно познакомиться. Я – Гончарук Ада Мироновна, начальник отдела. Она или забыла, что Юрий Владимирович ее уже представил, или посчитала это недостаточным и надо лично подтвердить свое положение. Бидуля не скрыл своего легкого неудовольствия. Ада Мироновна предпочла этого не заметить.

Глеб с интересом осмотрел отдел, о котором был наслышан. Ему не понравился оказанный здесь прием и чванливый вид начальницы. Он довольно резко сказал:

– Ходят слухи, что вы не всегда выдерживаете принцип – клиент всегда прав, Ада Мироновна. Это правда?

– Кто это вам такое сказал? Вообще, собирать слухи... – она недовольно дернула плечом, не находя слов для выражения своего возмущения. – Да мои девочки уболтают любого. Это профессионалы высшего класса. Даже неудобно слышать такое. Правда, Юрий Владимирович?

– Наверно, у Глеба Платоновича есть основания так говорить, – дипломатично ответил Бидуля.

– Спасибо, поддержали, – с нескрываемым сарказмом сказала Гончарук. Она едва сдерживала свое негодование.

– Я не собираю слухи, – холодно сказал Кардаш, уязвленный такой непочтительностью, – об этом мне докладывали мои экспедиторы.

– Гм, экспедиторы. Понятно. – Всем своим видом Ада Мироновна подчеркивала, что ей тогда не о чем говорить, если ссылаются на каких-то там экспедиторов.

Думаю, в отдел снабжения заходить не будем, – Кардаш повернулся к заму, считая разговор в отделе сбыта законченным. – Там все ясно. Хочу еще посмотреть ваш магазин.

– Это не столько магазин, сколько склад, – извиняющимся голосом пояснил Бидуля.

На выходе из управления к ним присоединился Скляр, который остался покурить и которому уже изрядно надоели эти походы. Он все еще жил прошедшей встречей с Ольгой и с которой договорился встретиться в городе, как только она немного отдохнет от смены и покормит детей.

Осмотрели магазин. Ничего особенного. Несколько человек толпились у прилавка. Две пожилых женщины, как колодезные журавли то сгибались, то разгибались над ящиками с консервами, отпуская по очереди посетителей.

Очередь обернулась на вошедших, молча смерила с ног до головы и опять сосредоточилась на том, кто за кем стоит и какие консервы получает. Многие узнали еще недавно влиятельного зама, а теперь Бидуля их мало интересовал, как человек, от которого почти ничего не зависит.

–Спасибо за помощь, – поблагодарил Кардаш Юрия Владимировича, выйдя из магазина.– Мы отняли у вас много времени, но потратили мы его не напрасно. У меня в голове столько планов родилось. Теперь вместе будем воплощать их в жизнь.

Бидуля тоже был рад побыстрее распрощаться с любознательным гостем, второй день обходящем комбинат и не перестающим удивляться его масштабам. Зам торопливо пожал обоим руки и ушел, словно его ожидали неотложные дела, которых на самом деле не было. Каждый ломал комедию, как мог, изображая занятость.

Глава одиннадцатая

Кардаш с Олегом остались одни на при заводской площади. Еще раз огляделись. Невдалеке под деревом сидел какой-то забулдыга, непременный спутник заводских проходных, пьяно качая головой и что-то мурлыкая себе под нос. Сделав несколько шагов поближе, гости услышали пьяное бормотание: «Гондурас, Гондурас, где же твой рабочий класс?»

– Поговорим с рабочим классом? – подмигнул Кардаш. – Что думает начальство, мы знаем, а что думает гегемон после выпивки?

– Эй, мужик, – Скляр тронул пьяного за плечо.

– Чего тебе? – буркнул тот, покачиваясь.

– Что ты налился в рабочее время? Тут начальство ходит.

– Чал я на твое начальство, е...мать. Ну, выпимши я...я в добровольном отпуске...имею законное право? Имею. Мишка еще подкинет – отполируем.

– Это как – в добровольном?

– А так. Сказали: иди в отпуск, я и пошел. За свой счет. Скажут: приходи завтра на работу – я приду. Все добровольно. – Пьяница поднял на них мутные глаза. Долго смотрел, словно пытаясь узнать и не узнавал. Глаза, как пруд после дождя, стали наполняться злобой.

Хари у вас сытые. Что-то не припоминаю таких. Но кирпича просят. Из буржуев? Предпри-ни-матели, значит? Забираете, значит, у нас все. Вот и пью. Но мы еще вам покажем, где раки зимуют. По-ка-жем. Наши еще придут... ой придут!

Чьи это наши, мужик? Здесь все наши.

Нет, мужики, не все. Наши – это наши...как я...Мишаня...тогда мы всем покажем, кто в доме хозяин, е...мать. Ездят тут...весь в грязи с утра...падлы, даже не глянут. Номера запомнил...наши придут – поквитаемся...хари нажрали...Гондурас, Гондурас, где же твой рабочий класс.

Забулдыга опять уронил голову.

– Акции у тебя есть? – быстро спросил Кардаш.

– Акции? Е...мать, с вашими акциями, – бубнил работяга. – Акции...купоны...ваучеры...акции, – жопу подтираю вашими акциями, – он пьяно рассмеялся, – захожу в туалет...бумага в тыщу карбованцев...ничего, длинная...узкая зараза...надо их аж три, чтоб потереть...ха-ха-ха...миллионер..жопу деньгами... А куда еще? Эх, ребята, пропащая жизнь. Кролик – девятьсот тыщ...а ребенку надо...ничего...наши придут...

– Так с акциями как? – нетерпеливо переспросил Кардаш.

– Бутылку даешь? – мужик с надеждой поднял голову. – Все приволоку, – и ваучеры...и акции...бумага одним словом.

– Вот видишь, – удовлетворенно сказал Кардаш, отходя. – Вот где надо покупать акции. Я этим займусь.

«Ну и сука же ты, – подумал Скляр, – это тебя в Гарварде научили. А, небось, комсомолом командовал».

– Деклассированный элемент, что с него возьмешь, – сказал Кардаш, очевидно, продолжая раздумывать над разговором с пьяным рабочим. Ну что, пообедаем и начнем собираться?

– Мне надо на несколько дней здесь остаться по своим делам, – небрежно сказал Олег.

– Знаю, видел, – довольный своей наблюдательностью, сказал Кардаш. – Одобряю. Симпатичная...располагает... я ее тоже отметил. Командировочные, наверно, многие на нее залядываются, не один ты, – добавил он со значением.

– Не знаю, не спрашивал, – хмуро ответил Скляр, не желая продолжать этот разговор.

– Я бы тоже не прочь остаться, – разоткровенничался Кардаш. – Вера Феликсовна – шикарная женщина. Вырастают же в глухомани такие экземпляры! Ее в хорошем салоне довести до кондиции – она всех киевских топ-моделей за пояс заткнет.

«Неужели уже успел трахнуть?»

– На нее тоже все заглядываются, – не удержался от скрытой колкости Скляр.

– Ближко локоть, да не укусишь, – понял намек Кардаш. – Она не из тех, кого можно дешево купить.

– Я попробовал с ней пофлиртовать. Ни в какую. Тем интересней. Взять бы ее в Киев, работа для нее найдется.

– У ней и здесь ее хватает. Так здесь она хозяйка, – вяло возразил Олег.

– Как ты думаешь, она рядом со мной смотрелась бы? – доверительно спросил Кардаш, глядя куда-то далеко-далеко.

– Роскошно, – ответил Скляр вполне искренне.

– Ладно, оставайся, – Глеб протянул руку, прощаясь. – Спасибо, что помог. Я в долгу не останусь, все свои обещания выполню, как только приеду в Киев.

Прошел год. Шумела, роптала Украина. Кризис экономический и духовный нарастал. Телеэкраны, радио, газеты пестрели сообщениями о забастовках. Шахтеры, пройдя маршем от Донецка до Киева, гремели касками перед зданием правительства. Кладбища не успевали копать рвы для умерших, предприятия останавливались одно за другим.

Не беда, если бы только отсталые, не способные производить конкурентноспособную продукцию, но ведь прекращали работу заводы и фабрики, составляющие некогда цвет украинской советской экономики. Новая независимая страна оказалась слишком бедной для экономики, которая ей досталась. Недоставало денег, сырья, рынков сбыта, обыкновенного профессионализма, новых знаний. Мало кто понимал, как надо действовать в условиях нового экономического строя. Многие продолжали верить, что все вернется на круги своя и надо только подождать.

Страну захлестнула волна коррупции и откровенного грабежа. Ваучеры, которые выдали всем гражданам Украины на право владения частью национального богатства, осели в сейфах неизвестно как возникших трастов, которые лопались ежедневно, передавая свои права очередным трастам, которые тоже проваливались сквозь землю, так что, в конце концов, проследить судьбу ваучеров оказалось невозможным.

Рвались отлаженные десятилетиями деловые связи, схемы обоюдных поставок, транспортные перевозки. Как будто рвались крупнотоннажные бомбы, оставляя после себя лишь отдельные островки экономической жизни, но эти оазисы не могли вместить всех желающих оставить тонущий «Титаник». Все, кто прыгнул в бушующий океан, мечтали спастись и уцелеть; тысячи, миллионы рук тянулись к спасательным шлюпкам, расталкивая остальных. «Выжить, выжить любой ценой» – вот немой лозунг того беспощадного времени.

Сотни тысяч проституток высыпали на улицы городов – главный и страшный признак всеобщего бедствия. Не было сладу с «металлистами» – охотниками за металлом. Воровали всё: от линий электропередач, трансформаторных будок, канализационных люков до кладбищенских табличек и решеток, не заботясь угрозой смерти. То и дело сообщали, что кто-то сгорел в электробудке, на проводах, сорвался с крыши, утонул в реке под тяжестью груза, подорвался на mine времен войны.

На прохожих нападали днем и ночью, бандитские разборки велись среди белого дня на центральных улицах городов и поселков. Шел черный передел собственности – тот знаменитый процесс первичного накопления капитала, о котором писал немецкий экономист с бородой шумера, ставший иконой пролетарского движения.

Власти раз за разом твердили о достижении «дна» кризиса, но, видно, Украина стояла на Мариинской впадине, потому что дни бежали, а пресловутого дна никак не удавалось достиг-

нуть, чтобы потом начать подъем вверх. Поговаривали, что могут ввести карточки на самое необходимое, но слава богу, до этого не дошло, но атмосфера была гнетущей. Не провожали с оркестрами в армию, не созывали полсела на свадьбы, из окон квартир не слышались песни – это считалось дурным тоном, стояли пустыми роддомы. Классический кризис.

Многие ведь думали, что капитализм – это только огни рекламы, поток лимузинов, блестящие витрины магазинов, наполненных «дефицитом». Отныне стали понимать, что капитализм – это когда то, что предназначено тысяче, отдадут сотне, а остальных ограждают рядами полицейских, слезоточивым газом, танками и тюрьмами. А затем начинается взаимобмен между тысячей и сотней: кого-то по своей глупости, тупости, бездарности опять выталкивают в толпу, а кто-то, благодаря удачному стечению обстоятельств, таланту, трудолюбию или хождению по трупам попадает в заветную сотню, в число избранных, которые под охраной закона, милиции и армии могут спокойно зайти в малолюдный магазин, выбрать, что хочется, уехать на дорогой машине, отдыхать на модном курорте, лечиться у авторитетных врачей. Они могут все: ведь их только сотня из тысячи.

И, действительно, в украинских магазинах появилось изобилие: импортные шмотки, дорогие автомобили, тропические фрукты и овощи, вместо советской докторской – 20-30 наименований колбас; там, где лежал один сыр голландский – толстые круги из десятка стран с названиями, которые раньше можно было встретить разве что в царской России, да в иностранных романах. Джинсы, вожделенные джинсы, мечта всех модниц и модников теперь продавались в длинных рядах вьетнамцев и китайцев на любом рынке, в любом магазинчике и любого качества.

Вот только карбованец бил все рекорды инфляции. Купюры в 1, 10, 100 карбованцев не ходили. За тысячу тоже нельзя было ничего купить, ее использовали только для размена и расчета в крупных магазинах. Дошли до банкноты в миллион карбованцев. Самые выдающиеся деятели Украины резко упали в цене, пришлось использовать второстепенные фигуры. Франко стоил дороже Шевченко, а Мазепа и в подметки не годился Лесе Украинке.

Нарождающаяся блатная буржуазия ходила в малиновых пиджаках, ездила на «Мерседесах-600» и носила швейцарские часы, украшенные бриликами, а в это время школьники падали в голодные обмороки, пенсионеров находили мертвыми спустя 3-4 месяца после смерти в пустых квартирах. Такой была Украина в 1996 году. До «дна» оставалось еще долгих четыре года.

Подпитанный деньгами Кардаша, комбинат удачно провел осенне-зимний овощной сезон, заработал приличные деньги, скопил огромные резервы продукции на складах, стал рассчитываться по долгам сначала, как положено, с государством, потом с остальными. Но когда подсчитали, сколько надо заплатить налоговой службе, то схватились за голову. В поисках средств к существованию государство сделало очередной финт. Отныне за продукцию, которая еще лежала на складах, надо было платить, как за уже реализованную.

Комбинат опять очутился в долгах, как в шелках и перед налоговой, и перед Пенсионным фондом. В крупных барышах остался только Кардаш. Во-первых, по договору он оставил за собой практически по себестоимости самую ходовую продукцию, которая шла с колес, несмотря на то, что фирма накручивала 100 процентов наценки. Во-вторых, он получал проценты за кредит. Предвидя налоговые затруднения комбината, Кардаш за деньги от реализации заранее внес налоговые платежи за всю выкупленную им продукцию и оставил ее на ответственном хранении, не заплатив ни копейки за это хранение – таковы были его условия.

Поэтому, когда нагрянула налоговая милиция, опечатали все, кроме продукции Кардаша. Больше того, когда налоговики объявили о распродаже арестованной продукции, Кардаш хладнокровно ждал, пока цены распродажи ни упали вдвое, так как налоговой позарез нужны были деньги для поступления в бюджет и скупил почти все, что осталось. Кирилюк, узнав об этом, чуть ни взвыл. Тогда он впервые понял, какого партнера пригрел.

– Что ж ты гад делаешь? – закричал Виталий Семенович, соединившись с «Внешторговощем».

– Вы о чем? – хладнокровно спросил Кардаш, прекрасно понимая о чем идет речь. – Я вам что-то должен?

– Ты ничего не должен, – бесновался Кирилюк, – ты только раздеваешь нас, как бандит.

– Будьте любезны объяснить в чем дело?

– Ты зачем перекупил нашу продукцию у налоговиков? Никто, кроме тебя, не смог бы купить ее у налоговой. Мы бы постепенно продали бы ее и рассчитались.

– Я что, обязан вам докладывать, что и у кого я купил? – ледяным голосом отвечал Глеб. – Еще раз спрашиваю: я что-нибудь должен комбинату? Нет, а вот комбинат мне должен, и я завтра могу потребовать оплату долга и штрафных санкций.

Кирилюк задыхался от ярости и бессилия. В самом деле, официально Кардашу нельзя было предъявить никаких претензий, кроме моральных. Это и бесило. Все, гад, предусмотрел. Как он ловко доит комбинат! А он, Кирилюк, так не умеет. Не умеет не для себя – ему на свой век хватит – не умеет для комбината, не умеет предусмотреть заранее все препоны и преграды. Неужели, действительно, отстают, устарели? Учиться поздно – хоть уходи. Но нет, мы еще повоюем.

– Глеб Платонович, паразит ты эдакий – смягчился Кирилюк. – твои акции на комбинате, чтож ты его гродишь?

– За меня, Виталий Семенович, не переживайте, – тоже стал мягче Кардаш, уловив перемену настроения директора. – И почему вы думаете, что не купи я, налоговая не предложила бы купить другим? Она сейчас набрала целый штат реализаторов своих долгов. Я пожалел комбинат. Мог предложить цену и ниже.

– Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву, – обреченно пошутил Кирилюк, понимая всю тщетность своих обвинений и просьб. Закон капитализма суров, но это закон, и ничего здесь не попишешь. Кардаш или Петров – какая разница, любители поживиться найдутся всегда.

– Спрос падает, – в свою очередь, нарочито вздохнул Кардаш. У людей нет денег. Откровенно говоря, я сам сильно рискую: смогу ли я вовремя продать такую прорву продукции, а на подходе новый сезон. А здесь еще вы со своими претензиями. Если вы не поможете продать товар, то я подумаю, давать ли деньги на новый сезон.

Кардаш точно рассчитал свой удар. Такого поворота Кирилюк яво не ожидал. Он уже привык, что деньги от фирмы, хотя и небольшие, но все же регулярно поступают на комбинат и воспринимал такое положение дел, как само собой разумеющееся.

– Ты меня режешь без ножа, – голос Кирилюка окончательно сник. Он клял себя за этот звонок, за этот день, такой неудачный, за подступающую депрессию.

«Эх, Виталий Семенович, – подумал Кардаш, – не умеешь ты держать себя, скрывать свои чувства. В нашем деле надо уметь быть артистом, а ты не умеешь. В партшколе этому не учили. А зря»

– Не все еще потеряно, Семенович, – фамильярно продолжал Глеб, поняв, что послал собеседника в нокдаун. – Посмотрю, как вы составите бизнес-план. Не пойдете на существенные сокращения, не уйдете от коммунистических штучек – точно не дам. Кстати, мое предложение должно поднять ваш тонус. Разрешаю отделу сбыта торговать моей продукцией. Все деньги – на мой счет, не вздумайте отвлекать их на сторону. Двадцать процентов наценки – ваши, остальное – мое. Это не так уж мало. И у людей будет занятие, и на ваш счет будет что капать. Согласны?

Для Кирилюка такое предложение было почти издевательским. «Нашим же салом да по нашим губам. Он меня сегодня доконает»

–А куда я дену собственную продукцию?– почти простонал директор, сдерживая себя, чтобы не швырнуть трубку.

– А что у вас осталось много продукции?– продолжал издеваться Кардаш.– Пока я продам свое, вы, надеюсь, с моей помощью рассчитаетесь с налоговой, а потом прямая дорога вперед. Пусть ваша Ада Мироновна не дуется от самодовольства, как мыльный пузырь, а учится торговать по-новому. В моем отделе в два раза меньше сотрудников, а продаем мы в десять раз больше.

–Хорошо, я подумаю. Будь здоров.

– До свидания, Семенович. Не болейте. Вере Феликсовне привет.

Весь вечер Кирилюку нездоровилось. Жена померяла давление, отложила прибор, вопросительно посмотрела на мужа, – неприятности на работе?

– Мягко сказано,– ответил муж.– Сколько насчитало?

– Много, –жена не хотела его расстраивать.

– Сколько, я спрашиваю?

– 180 на 110. На, выпей дибазола.

– Движемся к обрыву, –Виталий Семенович поднялся с дивана, стал ходить по комнате, массируя левую грудь, где ныло. Взял у жены стакан с водой, таблетку. Выпил, морщась.

– Пойду к себе, – сказал со вздохом.

– Может, полежишь. Почитай что-нибудь юморное.

– А-а,– муж слабо махнул рукой, повернулся и пошел в свой домашний кабинет, где у него стояло кресло, письменный стол, ночная лампа – все, что необходимо для сверхурочной работы, когда он был помоложе. Теперь все меньше оставалось сил, чтобы работать допоздна.

События прошедшего дня не давали успокоиться, и Виталий Семенович продолжал медленно ходить по комнате, пытаясь прийти в равновесие, утихомирить сердце и нервы, как советовали врачи.

Не получалось. Больше всего Кирилюка злила выверенная точность ударов, наносимых Кардашем, его способность выжать максимум из любой ситуации, его новые подходы к делу, неизвестные ему, Кирилюку, да и неприемлемые для него.

Это было уже не первое сражение, которое Виталий Семенович проигрывал. Это он, Кирилюк, с его тридцатилетним опытом руководящей работы, должен быть таким умным, точным, хладнокровным, а не этот молокосос, выскочка, беспартийная галушка. Гарвардская школа! Да плевать я хотел на твою школу, у меня почище школа была, а теперь этот щенок крутит мной, как цыган солнцем – вот что обидно. О старости напоминает. Виталий Семенович помнит, как в юности и в молодости они смотрели на стариков – на всех, кому за сорок, за пятьдесят – мол, пора, ребята, сходить со сцены, вы свое отыграли. Теперь мы со своими новыми знаниями, принципами покажем, как надо работать. И показывали...

А теперь и сам в этой тарелке, и не хочется в этом сознаваться, и как будто и не жил еще по-настоящему, а уже толкают в спину. Вере Феликсовне привет. Конечно, привет. Старый хрыч все реже зовет, все чаще заводит разговоры о работе, все чаще: « Я что-то сегодня не в форме, давай в следующий раз». А она – баба жаркая, требовательная. Все на нее заглядываются, попробуй ее удержи при нынешних его возможностях, физических и материальных.

Эх жизнь, эх Верочка, Верунчик, Веруша! Как ты носилась перед глазами в самые неподходящие моменты, на самых ответственных совещаниях и заседаниях, бюро – черт бы их побрал – сколько жизни драгоценной ушло в песок...это рыжее пламя волос, как майская утренняя заря...эти голубые глаза васильковые...первая ночь.. Верка только в наряде из своих волос, русалка днепровская...молодая, томная, горячая...как зашло сердце в первом объятии...первом сплетении, в первом некраденном поцелуе полных, сочных, сладких губ; как упорительно ласкать пышную белую грудь, тугие крупные соски – брр! – даже сейчас в дрожь бросает. Нет, так, пожалуй, не успокоишься.

А теперь или ему некогда, или плохое самочувствие, или у нее проблемы.– Кирилюк иронически усмехнулся.– Проблема одна: время его ушло. Каждому овощу свое время. Вот и его время отошло. Ушла любовь. С ее стороны, он до сих пор не уверен, была ли она вообще. Ну и черт с ней – этой ее любовью. Лишь бы он любил. Вся соль и беда, что он уже не любит, нет сил любить такую женщину. Чтобы любить, нужна духовная энергия, а ее нет, она вся ушла на комбинат, в работу. Проблемы...какие к хренам проблемы?! Двенадцать лет назад, чтобы попасть к ней на дачу, он, не задумываясь, бросился в Днепр. Сдуру, конечно. Ему тогда уже было сорок семь, а казалось, что он парень – ого-го!Это на берегу кажется – рукой подать. А тогда чуть не утонул. На берег вышел, шатаясь от усталости, счастливый, что остался живым. А она прильнула к нему, погладила его мужество, губами чуть-чуть прикоснулась – и где та усталость?!...Привет Вере Феликсовне... что бы это значило? Акт вежливости или уже снюхались за моей спиной?

Голова что-то побаливает. «У дочки неприятности, перенесем встречу на позже». Больше месяца наедине не встречались. Авторитета у тебя, Виталий Семенович, поубавилось – вот и все проблемы. Какой-то Сидоренко уже пытался права качать. А у женщин есть такая болезнь – директомания. Пока ты сильный – каждой хочется к тебе приласкаться.

Валя,– пояснил он жене, проходя к входной двери, – пройдусь немного, что-то мне душно здесь.

– Только ненадолго,– раздался голос из кухни,– скоро сядем ужинать.

Наскоро одевшись, Кирилюк вышел на улицу. Жил он в дальней, почти сельской части города в большом, ухоженном доме, без излишеств, но со всем необходимым: водой, канализацией, газом, гаражом, куда он иногда ставил служебную «Волгу», летней кухней, где при необходимости ночевали люди, с которыми он поздно возвращался из командировок. Еще недавно такой дом считался богатым, а теперь, когда новоявленные нувориши наворотили себе дворцы, выглядел просто добротным.

За домом, садом и огородом присматривал далекий родственник Михаил – почти глухой, еще не старый, но казавшийся стариком. По причине своей инвалидности он оказался бобылем, никому не нужным, и пришлось Кирилюку взять его к себе, как одному из состоятельных родичей. Михаил пришелся ко двору. Трудолюбию его можно было позавидовать. С пяти часов утра он уже возился в саду, подметал двор, что-то чинил, строгал – и все молча, без единого слова. За это его прозвали Герасимом по имени тургеневского героя из рассказа «Муму», и это прозвище так к нему прилипло, что иначе его никто и не называл. Что его зовут Михаил, никто и не помнил. Жил Михаил-Герасим в летней кухне, которую к зиме утепляли.

Виталий Семенович мог только выйти в сад, полюбоваться цветением вишен, спросить, что надо. Все лето и осень в доме не переводились помидоры «Воловье сердце», нежинские огурчики, несколько сортов персиков, винограда и прочих фруктов и овощей. Перед домом в палисаднике всегда красовались пионы, георгины, астры, хризантемы, украшая всю улицу. Каждое утро Михаил ездил вместе с Кирилюком на комбинат, где числился работником зеленого хозяйства.

Как ни странно, но в последнее время работы у директора поубавилось. Истончился поток министерских указаний и предписаний, инструкций, телефонограмм, требующих немедленных действий и ответов; уже не висела угроза срочных сводок обкому партии и прочим комам, свелись к минимуму собрания, заседания, конференции, семинары, командировки, лекции по так называемым животрепещущим проблемам человечества, юбилеи и торжества.

У побед, как всем известно, много авторов, у неудач – только один. Тонущий комбинат, как безнадежно раненого при паническом отступлении бросили все, предоставляя расхлебывать горькую кашу тем, кому это положено по штату. Не дремали только правоохранительные органы и налоговики. Эти грифы сразу чувствуют раненого зверя и возможность поживиться.

Кирилюк стал чаще возвращаться домой вовремя: зачем торчать на работе, когда от тебя мало что зависит; когда чувствуешь, как груз проблем, одна другой неразрешимей, давит на мозги так, что хочется бежать, не разбирая дороги; когда ты всем должен помочь, а не можешь, и все смотрят на тебя укоризненно и обижено. Лучше уж дома что-то реально сделать. Виталий Семенович выходил в сад, сам брал ножницы, что-то резал, оформлял, встречая неодобрительный взгляд Герасима. «Что-то не так?» – кричал ему в ухо хозяин, понимая, что и здесь он зашел на чужую территорию. Михаил молча брал у него ножницы и исправлял содеянное. Постояв так несколько минут и понимая, что он здесь лишний, Кирилюк уходил к себе в кабинет и читал.

Вот и в этот раз, выйдя из дома, Виталий Семенович хотел пойти в сад, но увидев спину Герасима и шланг, из которого струилась вода, решил не мешать, а пройтись по улице, которую он уже почти не знал и видел только из окна «Волги». Заложив руки за спину, Кирилюк неспешно зашагал по уютной, кудрявой улице, полной созревших вишен, падающих на землю ярко-оранжевых абрикос, набирающей рубинового цвета алычи. С ним иногда удивленно здоровались, он в ответ тоже, но в лицо никого не узнавал. «Тридцать лет здесь живу, а даже соседей не знаю» – с горечью пронеслось в голове.

На детской площадке карапузы, как в замедленной съемке, топтали землю пухлыми ножками; дети постарше носились друг за другом, как угорелые с визгами и криками. Кто-то качался на качелях. Двое ребят раскручивали вертушку, а потом запрыгивали на вращающийся круг с громким хохотом. Стояла теплая, уютная вечерняя тишина, нарушаемая лишь детскими криками, звонким смехом и отдаленным пчелиным гулом большого города.

Впервые за несколько лет Кирилюк наслаждался этой тишиной, пасторальной идиллией, посматривал на пепельно-розовые тучки, где, видимо, ночуют дневные дымки, на закатное солнце, с его светом, таким мягким, словно это неопалимый иерусалимский огонь: ласкает лицо, руки, приглашает купаться в нем, обнимает, как женщина. Виталий Семенович полюбился этой земной красотой, постоял в задумчивости и потихоньку возвратился в дом.

Глава двенадцатая

Положение комбината продолжало ухудшаться. Нужно было терпеть начальство, что Виталий Семенович очень не любил. Но другого выхода не было.

Он решил начать с мэрии. От этого визита Кирилюк ничего хорошего не ожидал. Так, покалякать, излить душу, «довести до сведения», чтобы отбить упрек: «А почему вы к нам не обратились? Мы бы помогли». Ну, вот обратился. По нынешним временам, как и прежде, комбинат был городу не по зубам. Просто тогда поддерживалась субординация: если ты в городе – подчиняйся городу, хотя бы формально. Теперь осталась одна голая правда: огромное предприятие и средний городишко, которому самому нужна помощь.

Виталий Семенович подгадал под конец дня, когда меньше посетителей и можно поговорить без спешки и помех. Он, никого не спрашивая, прошел прямо в кабинет. Мэр, Бондарь Григорий Иванович, с кем-то беседовал. Они встретились взглядами, и хозяин кабинета показал рукой: присядь. Кирилюк бросил на стол свою походную папку и сел, дожидаясь очереди.

Освободившись, мэр с преувеличенным энтузиазмом долго тряс руку директору, изображая радушие и важность встречи, из чего генеральный сделал вывод, что Бондарь не в курсе дел комбината.

– Привет красному директору. На ловца и зверь бежит. Только собирался тебе звонить. Как там решается наш вопрос? Мы...

– Гриша, сперва поговорим о моем вопросе. Я думаю, он важнее, – ответил Кирилюк, бесцеремонно перебивая «хозяина» города.

– Давай поговорим, – с готовностью согласился Бондарь, делая внимательное лицо.

– Скажи мне, Гриша, – с места в карьер начал Кирилюк, – ну неужели комбинат не нужен городу? Ну, помогите ему стать на ноги, черт вас возьми.

– Что ты, Виталий, расшумелся? – примирительно урезонил его мэр. Они прекрасно знали друг друга еще по комсомолу. Тогда, четверть века назад, один собирался уходить, а другой только набирал силу. Прямой, откровенный Бондарь нравился Кирилюку деловой хваткой, умением быстро понять суть проблемы, поставить четко задачу. Гриша и сейчас сохранил юношескую стройность, худощавость – очевидно, результат работы в спортзале. Но сколько воды утекло с тех пор. Партийная работа не одного Виталия пообломала, пообтесала, покорежила, сделала послушным, изворотливым. Эту изворотливость умудренный опытом Кирилюк читал в каждом торопливом, суетливом движении старого товарища.

– Конкретно, что тебе надо? – спросил Бондарь, откинувшись в кресле и отдыхая.

– Помогите деньгами, – устало сказал Кирилюк без всякой надежды на успех. – Ну есть же у вас деньги, бюджет, средства на развитие. Все эти бизнесмены, предприниматели обсели меня, как мухи осенью, и каждый норовит укусить побольнее, отхватить кусок побольше. Кругом долги. Комбинат всегда помогал городу. И еще поможет. Если работать на всю катушку, он один может выгашить бюджет города. У нас рентабельность – более 20 процентов. Представляешь?! При наших-то объемах производства. Но все уходит в песок. Дельцы так поставили дело, что мы только на них и работаем. Умные, гады. Может город выкупить часть комбината? Возьмите кредит – вам это проще. Мы отобьем его за один сезон. Подумай, Гриша, а? – с долей призрачной надежды Кирилюк смотрел на мэра.

– Ну ты, Виталий, и даешь! – сокрушенно сказал Бондарь, вскочив с кресла и заметавшись по кабинету. – Ну какие у города деньги? Да один твой комбинат проглотит пять годовых бюджета города и не оближется. А другие? Ко мне каждый день приходят директора заводов и фабрик с такими же предложениями. Все стоит, а те, что еще работают, как вы, на ладан дышат. Поступлений в бюджет города – мизер. На зарплату учителям, врачам, культуре, милиции берем кредиты, а чем отдавать и когда, не знаем. Чем можем помочь? Открывай торговые

точки – поможем без проволочек; что-то надо построить? – выделим участки. Что еще? Можем принять на баланс твои подстанции, трансформаторные будки, канализацию, общежития – все-таки разгрузишь баланс. Вот все, что можем. Помнишь фильм «Горячий снег»? Там генерал говорит своим героям, раздавая ордена: « Все, что могу..». Вот и я говорю: все, что могу.

– В другой раз я бы сказал тебе спасибо. А сейчас это не поможет, – горько сказал Кирилюк.

– То-то же, – устало подытожил Бондарь. – Ты думаешь, мне легче? – Ночью не сплю, наверно, как и ты. Размышляю. Как и многие, предполагал, что этот сюрреалистический бред и сон пройдет, завтра проснемся – и все станет на свои места. Будет, конечно, трудно, но мы никогда не боялись трудностей. Главное, чтоб было понятно: это хорошо, а это плохо. Теперь ничего непонятно, – мэр говорил словно сам с собой. – Официанты, фарцовщики становятся крупными бизнесменами. И наоборот, встречаюсь с бывшими руководителями – хватают за руки, встают на колени: дайте работу – голодаю. Где я им найду работу?

В этом году окончательно стало ясно, что возврата не будет. Мы переплыли середину реки, и проще добираться до противоположного берега, чем плыть назад. Как ни трудно, как ни прискорбно это признать, но это так. Такие, Виталий, дела – закончил мэр и сел в кресло.

– На второй срок пойдешь? – дружески спросил Кирилюк.

– Баллотироваться буду, но, скорее всего, проиграю – это между нами, – откровенно ответил Бондарь.

– Что так?

– Народ уже никому и ничему не верит. Моя предшественница растеряла все остатки доверия, какие были у народа к власти. А переломить ситуацию нечем, сам знаешь положение. А во-вторых, на выборы понадобятся большие деньги, а где они у меня? В моем активе такие друзья, как ты. Ты же не окажешь мне финансовую поддержку? – Собеседники поменялись ролями. Теперь уже мэр с надеждой смотрел на Кирилюка.

– Не-а. Подскажи, где взять деньги на следующий сезон, я раскручусь и тогда точно помогу.

– Вот и все так, – огорченно сказал Бондарь и расслабился в кресле. – Я все понимаю, сейчас другие друзья нужны, но где их взять? С бандитами я связываться не хочу. Мы – дети своего времени. Мне пятьдесят. Начинать все сначала нет уже сил. И обидно учиться у двадцатилетних. Нырять в бизнес, гнаться за большими деньгами – это скандалы, риски, разборки, это уже не по мне. Скажу по дружбе: присмотрел одно коммунальное хозяйство, оттуда скоро шеф идет на пенсию – вот моя пристань. – Мэр внимательно посмотрел на Кирилюка, – пока есть возможность, могу и тебе пособить, если хочешь. Знаю, ты меня не подведешь.

– Спасибо, дружище, пока повоюю, – твердо ответил Кирилюк. – Представляю, сколько человек ждет, когда я отправлюсь на покой. Не дождетесь, господа. Я так просто не сдамся. Как говорится, еще звенит в гитаре каждая струна. Поеду в Киев, там буду просить помощи.

– Бог тебе в помощь. Кстати, как поживает Вера Феликсовна?

– Что вы все ударились в одно: Вера Феликсовна, Вера Феликсовна! – вроде бы шутя взорвался Кирилюк. – Свет клином сошелся, что ли на ней? Ничего не случилось с Верой Феликсовной, работает.

– Я просто так, – пожал плечами мэр. – Как никак, трудились вместе, встречались по работе. Красивая женщина.

– Ладно, это я так, – оправдываясь за свою горячность, сказал Кирилюк. – Теперь по твоему вопросу. Я сейчас один ничего не решаю. Все-таки акционерное общество. Толково обоснуй свою просьбу, пусть отделы поработают, и если докажешь, что это выгодно и комбинату, получишь разрешение.

– Докажем, – убежденно сказал Бондарь, – спасибо, что зашел. Отвел с тобой душу немного. Сам мучаюсь по ночам этими гамлетовскими вопросами. Будет время – заскочу к тебе с парочкой приятелей. Прошвырнемся по Днепру, посидим, поговорим. Как ты?

– Всегда готов, как пионер. Даже любезную тебе Веру Феликсовну возьмем. Будешь избираться – все равно помогу, хоть и говорю сейчас «нет».

Кирилюк поднялся, мэр тоже вышел из-за стола. Они дружески обнялись, как друзья по несчастью, и Кирилюк ушел с сознанием честно исполненного долга. «Теперь остается только Киев», – подумал он, садясь в машину.

В советские, доисторические, как теперь кажется, времена подготовка к поездке в министерство составляла некий служебный ритуал. Во все структуры комбината отдавались негласные приказы: подготовить столько-то рыба, тарани, осетра, сома, отобрать самые-самые арбузы, дыни, помидоры, груши, яблоки, персики по сезону. Закупались днепровские сувениры, то бишь, расписные самовары «под хохлому» производства местного завода «Октябрь», каховский коньяк, знаменитое сухое вино «Перлина степу», «Оксамыт Украины», которое давали космонавтам, махровые простыни и полотенца хлопчато-бумажного комбината и многое другое, чем славилась Таврия. Иногда Кирилюк напрямую спрашивал министра, чем порадовать министерство, но чаще действовал по собственному разумению.

Выделялся «Газон» с будкой, машина загружалась под строгим контролем центральной лаборатории и отдела сбыта, выписывалась товаро-транспортная накладная, где было указано, что товар везут на выставку товаров широкого потребления, чтоб гаишники не просили угостить, иначе до Киева не довезешь и половины груза. За руль садился незаменимый Гриша, в помощь ему в последнее время выделялся Герасим, как грузчик, и для контроля за товаром, и груз №1 отправлялся в дорогу. На случай чересчур дотошных работников ГАИ и всяких okazji отдельно клали дополнительные свертки.

В Киеве машина торжественно въезжала в министерский дворик, где ее встречал управляющий делами министерства и два грузчика. Привезенное складировали в отдельный гараж и докладывали министру.

Тот уже расписывал, что и кому. На следующий день в гараж гуськом тянулись сотрудники министерства с портфелями и сетками. Кто слишком привередничал или брал больше положенного – не по чину – того мысленно отмечали: в следующий раз он мог и не попасть в список. Платили все: от министра до дворника, но по минимальной цене.

За транспортные расходы Министерство «отстреливалось» двумя-тремя премиями «за внедрение новой техники» или чем-то в этом роде. Так осуществлялась смазка министерского механизма. Патриархальный невинный подхалимаж, не идущий ни в какое сравнение с масштабами теперешней коррупции в высших эшелонах власти. Теперь чиновник сделает гневное лицо, если ему предложат в подарок 10 кг арбузов, и будет топтать ногами и кричать, что ему предлагают взятку.

На фоне этой продуктовой экспансии ехал в Киев генеральный директор и решал уже важные для комбината вопросы в деловом рабочем порядке, но все равно запах привезенных персиков витал в кабинетах и помогал оперативнее решать проблемы. И на этот раз нашлось бы что везти, но Кирилюк терялся – кому? Все потонуло в бесконечных перетасовках и реформациях. После ликвидации министерства возник главк «Укрглавконсерв», который подчинили министерству пищевой промышленности, затем и это министерство расформировали, образовав общее министерство экономики.

Разобраться по телефону во всех этих сокращениях и укрупнениях становилось задачей невозможной. Конечно, нужда во всяких «указках» давно отпала, но надежда на помощь из Киева жила до последнего. Кроме того некто вышестоящий постоянно требовал информацию, справки о выполненных объемах, ассортименте продукции и так далее, создавая иллюзию, что это кому-то надо и кто-то продолжает контролировать производство консервной продукции.

Чтобы окончательно разобраться во всех хитросплетениях столичной политики, выяснить, кто есть кто и попросить помощи, Кирилюк решил, несмотря на скудость средств, посетить столицу на этот раз без прежней помпы. Он долго откладывал, колеблясь в душе и не веря в успех.

Собрался только в августе, когда положение было швах и откладывать дальше было нельзя. От него молчаливо требовали действий. Кирилюк взял в помощники только Герасима. Вместо привычного «СВ» взял два билета в купе. Удивился, узнав, что вместо привычного 19.00 поезд из Днепровска отправляется в 21.30.

В ночном Днепровске Виталий Семенович не бывал давно или ему казалось, что давно, потому что в последнее время он был невнимательным ко всему окружающему. Но сейчас, едуци на вокзал, он поразился мраку и беспросветности города. На улицах – ни души, везде темно, хоть глаз коли, только в районе центральной улицы Ушакова мерцали редкие фонари, желтые от слабого накала, какие-то чахоточные. Изредка промчится одинокое такси, вдалеке завизжат тормоза, и этот визг гулко отдается в ночной тишине.

В центре города чахлая реклама освещает жалкий пятачок площади перед парадным входом, а дальше густой дым мрака и неизвестности. Проезжали целые кварталы «черных дыр», где делали веерные отключения электроэнергии и стоял космический мрак и пустота. Если подъехать совсем-совсем близко, видны каганцы и свечи в окнах квартир. Апокалипсис? Ожидание атомной бомбардировки? Съемки фильма о налетах немецкой авиации? Нет, это наша действительность середины 90-х годов.

Безжизненный, полутемный вокзал, движение только в зале ожидания, здесь же работает единственный буфет, торгующий неизвестно чем, скорее всего подпольной водкой и сигаретами, остальное все для видимости. Пустые кресла зала ожидания, пустые скамейки вдоль стен, кое-где торчат одинокие головы ожидающих, пугливо уткнувшихся в книгу или газету, чтобы не замечать разрухи и запустения и не встречаться глазами с наглыми, сомнительного вида личностями, шастающими иногда по залу; с нищими-калеками; с беспризорными детьми, жалобно просящими: « Дяденька, подайте на хлебушек» с густо накрашенными проститутками, постоянно предлагающими «расслабиться». Худая, облезлая, голодная кошка трется у чьих-то ног, ее нервно отшвыривают, она – хвост трубой – шипит, а потом опять настойчиво лезет в ноги. На полу – ни крошки, нет полусъеденных или только надкушенных пирожков, кусков хлеба, батончиков, булочек, ломаного печенья, кусков оброненного мороженого – все съедено, подобрано человеком или кошками и собаками. «И не надо никаких плакатов о ценности хлеба», – грустно подумал Кирилюк, наблюдая эту картину.

Подали поезд. Немногочисленные пассажиры, почти без провожающих, торопливо прошли в вагоны, где их встречали хмурые и озабоченные проводницы. В купе Кирилюк с Герасимом оказались одни. Так и ехали до самой столицы, не с кем было и словом перекинуться. Проводница через время принесла чай, поставила на столик, взяла деньги и молча ушла, не проронив ни одного лишнего слова. На подъезде к Киеву почему-то долго стояли, поезд пришел с опозданием, около полудня. «Даже в этой ситуации ухитряются опаздывать, какое-то национальное проклятие» – мелькнуло в голове.

Зато столичный вокзал, только что отремонтированный, отреставрированный, весь в блеске новых узорчатых стекол и витражей, встретил приезжих привычным шумом и гамом. Везде толпы разношерстного народа; буфеты, бутики, кафетерии – на каждом шагу. То и дело выкрики в толпу: «Мороженое, мороженое», «Беляши с мясом горячие», «Пицца мясная, грибная, рыбная». У входа в метро, у подземных переходов – целые оркестры уличных музыкантов, мелодии почти не слышно, зато ритм, ритм, брэнчание, заунывный молодой голос. Нечто о любви.

Взяли такси. Герасим погрузил две увесистых дорожных сумки и поехали. Киев – не узнать. Новые высотки, офисы, везде реклама. То тут, то там строительные леса, заборы:

новое строительство, реконструкция, реставрация. Похорошел, помолодел Киев. «Вот где наши денежки,— думал Кирилюк, осматриваясь по сторонам.— Конечно, обобрали провинцию до нитки — можно строить, а как нам жить?» — зло рассуждал он, наблюдая эту кипучую деятельность. По привычке подкатили к гостинице «Киев». Когда администратор назвала цену, Кирилюк изумленно покачал головой: «Ничего себе. Так мы и без штанов останемся»

— Что ж вы хотите?— сухо сказала женщина, увидев реакцию клиента. — Наша гостиница — одна из лучших. Есть и подешевле.

— Придется искать что-нибудь поскромнее, — со вздохом сказал Кирилюк Герасиму, хоть и знал, что он его не услышит. Но Герасим покорно поднял тяжелые сумки, готовый идти, куда скажут.

Они остановились в гостинице Академии наук по улице Софьи Перовской, где останавливался Кирилюк еще в молодые годы, будучи комсомольским деятелем. Эту гостиницу он рекомендовал и своим снабженцам, когда те приезжали в столицу по служебным делам. Работники гостиницы любили встречать комбинатовцев.

Администратор, пожилая женщина, проверяя документы, удивленно подняла брови:

— Директор консервного комбината из Днепровска. Очень приятно. Мы о вас давно наслышаны.

—А я уже слышу запах копченой тарани, — потянув носом, мечтательно сказала другая, подошедшая к ней сотрудница.

— Надолго к нам, Виталий Семенович?

— На одну ночь, если без экстрима.

— Что так мало? В столицу надо приезжать хотя бы денька на три.

— Дорогая у вас столица, а деньги у нас казенные.

—На то она и столица. Время такое, — вздохнула администраторша.— Никуда не денешься. В провинции прожить легче: сад, огород, а нам все купить надо.

— Везде хорошо, где нас нет.

— И то правда. Вам один номер или отдельно?

— Один. Я уже могу ходить в женскую баню, зачем мне отдельно?

— Ну, уж скажете. Вы мужчина еще видный — ого-го!

— Спасибо. Я тоже вижу, что вам чуть за тридцать.

— Тоже спасибо,— улыбнулась женщина, инстинктивно поправляя прическу.

— Сейчас мы устроимся и поищем, откуда пахнет таранкой. Хорошо?

— Все теперь в вашей власти. Мы вообще-то пускаем посетителей до 23.00, но для вас сделаем исключение, — многозначительно подчеркнула женщина.

«Это, дорогая, уже не проходит».

Цена номера оказалась в пять раз дешевле, чем в «Киеве».

—Это по-нашему, — удовлетворенно сказал Кирилюк, глянув на счет. — Можно и задержаться, был бы предлог.

— Стараемся, — вскользь сказала администратор, занимаясь уже другим клиентом.

Глава тринадцатая

Они поднялись в номер, осмотрелись. Все необходимое было: просторно, телевизор, холодильник, ванна с душем, телефон, все работало. Виталий Семенович немного посидел с дороги, потом слегка перекусили с Герасимом, отложили несколько таранок для администратора, и Кирилюк, крикнув Герасиму в ухо, чтоб никуда не уходил, направился по делам в Кабинет Министров, сам не зная, какие там теперь порядки и пустят ли его вообще туда.

... Можно только себе представить, что чувствовал древний египтянин, попав из своей глинобитной нищенской лачуги, например, в храм Озириса. Невидимая рука бесшумно открывала перед ним широкие двери и пораженный красотой и громадой храма, его таинственностью, феллах трепетал, впадая в состояние, близкое к обмороку или ступору.

То же самое намеренно или бессознательно практиковали советские и особенно партийные учреждения. Уже в райкоме партии стояла особая атмосфера, не позволяющая посетителю бегать, кричать, орать, сквернословить, громко ссориться. Воздух горкома был еще строже. Здесь появлялись ковровые дорожки, дубовые оклады кабинетов, внушительные таблички, цветы в вазах. Голос поневоле становился тише, дыхание стеснялось, личное улетучивалось, становясь каким-то несущественным, мелким.

В первую голову вменялось думать о всенародном, о том, что ты мелкая сошка. Обком партии, вообще, окружался ореолом исключительности, недоступности простым смертным. В дверях охрана, вход по документам. Даже маститые хозяйственники и руководители уважаемых ведомств, попав в здание обкома и сдав верхнюю одежду в гардероб, долго и тщательно причесывались, поправляли галстуки, приводили в стройность свои мысли, отсекая все лишнее, мелкое и даже среднее, что сидело в мозгах. Здесь предписывалось думать масштабно, копать глубоко, заглядывать в будущее далеко.

Что касается ЦК партии и Совета Министров – то это заоблачные дали, нечто из области немислимого и фантастического, недоступного обычному пониманию. Это седьмое небо, где рождалось планов громадьи, где разрабатывались грандиозные программы светлого, лучезарного будущего.

Здесь, по мысли рядовых граждан, таились сведения о таинственных закромах Родины, о ядерном щите, наподобие меча-кладенца, здесь верстались проекты поворота величайших рек мира, строительства чуть ли не марсианских каналов, здесь кремлевские и киевские мечтатели грезил планами совершенствования человеческой породы, здесь рождались моральные кодексы строителей коммунизма и многое другое, что ставило рядового советского гражданина в положение древнего египетского или вавилонского крестьянина.

Таким представлялся Совет Министров в умах трудового народа, колхозного крестьянства и творческой интеллигенции. Сам Кирилюк только дважды посещал это монументальное здание, воздвигнутое в стиле сталинского классицизма, нависшем серой громадой над окружающим пространством и подавляющее человека.

Однажды Кирилюк получал здесь правительственную награду, а по какому поводу он был здесь второй раз Виталий Семенович даже не помнил, настолько был подавлен величием происходящего и мыслями, как бы не опростоволоситься. Запомнил только ощущение священнодействия, торжественности, парадности, высоты, разговора в четверть голоса, запомнил широченные, толстые, мягкие ковровые дорожки с орнаментом по краям, пригвожденные к лестничным маршам огромными никелированными болтами, сделанными, видимо, по специальному заказу.

Кажется, ему в составе делегации вручали какое-то очередное Переходящее Красное Знамя за высокие показатели в работе. Больше он здесь не был. Дорогое его сердцу Министерство консервной промышленности располагалось по другому адресу.

Направляясь в Кабмин, Кирилюк испытывал некоторое беспокойство, подзабытое чувство приподнятости, которое всегда сопутствует событиям значительным и редким. Все-таки не каждый день идешь в здание высшего органа исполнительной власти страны.

Признаки демократических веяний обнаружили уже на площади перед зданием. Ее, эту парадную площадь, заправили машины самого разного социального статуса от какой-то темно-синей помятой «копейки» до «мерседеса-600» – последнего писка автомобильной моды. Этот пресловутый «мерседес» стал притчей во языцах, символом успеха, состоятельности, благополучия, веса в бизнес-кругах. Даже в областных центрах увидеть «600-ый» было значительным событием для праздного ротозея. Выше такого авто мог быть разве что «ролл-ройс», о котором знали только то, что есть такой, но никто его в глаза не видел. Это что-то из Али-бабы и «Сезам, откройся».

Так вот таких «мерседесов» перед зданием правительства стояло несколько, а рядом прижались подержанные «кадилаки», «ниссаны», «тойоты», «вольво» и совсем уже никчемные «Волги» и «девятки». Виталий Семенович недоуменно сдвинул плечами, раздумывая, по каким таким делам сюда прикатил хозяин покарёженной «Нивы».

Как и всякий смертный, Кирилюк, собранный, деловой, официальный, с участвовавшим немного пульсом, вошел в помпезный вестибюль. Молодой милиционер, расхристанный от духоты, небрежно посмотрел в паспорт и отвернулся, считая свою миссию законченной.

Ошарашенный таким приемом, Кирилюк поднялся на второй этаж по все тем же ковровым дорожкам, которые он помнил из призрачного прошлого; только теперь эти дорожки поистерлись, выцвели, бахрома по краям поистрепалась, орнамента почти не видно, дорожки запылились, монументальные болты потускнели и выглядели несуразно. На всех этажах стоял гул, как на подходе к аэропорту или на вас напал пчелиный рой. Люди, люди, люди – бесчисленное количество снующих по коридорам людей, от которых рябит в глазах и грозит головокружением. На кабинетах – таблички, таблички, где массивные, основательные, исконные, а где наспех сделанные, чуть ли не на картоне. «Министр», «Зам министра», «Начальник управления» – калейдоскоп. Блестящие костюмы от Сен-Лорана и турецкая дешевка; солидный медведь, всю жизнь создававший себе карьеру, и выскочка в потертых джинсах; известный юрист по делам огромной фирмы и лицо кавказской национальности, пристающее ко всем с вопросом: «А дэ тут грэчку разрешают...». Короче, Вавилон. Наряду с посетителями по этажам ходили ремонтники в фирменных комбинезонах, уже напрочь измазанных краской, известью и клеем. Возле некоторых кабинетов стояли огромные шкафы старой выделки, переносимые и перевозимые, наверно, сотни раз из одних кабинетов в другие. Стояли и новые, изящные и хрупкие, как стоят молоденькие барышни возле своих внушительных маменек. Воздух демократических перемен! Пока он состоял, как сделал вывод Кирилюк, из этого броуновского движения масс по коридорам власти, ремонтов многочисленных кабинетов, переселения чиновников из одних комнат в другие. Изменения состояли и в том, что симпатичные девицы, снующие из одних дверей в другие красовались в невесомых платьицах на невесомых бретельках, которые подавали «товар» в наилучшем и откровенном виде. Не Кабинет Министров, а кафешантан где-нибудь в Ницце. Зато на лицах сугубая деловитость и отстраненность. Вот открылась дверь, откуда осторожно выплыла молоденькая секретарша с подносом, на котором дымилась чашка кофе и лежало что-то еще в пакетиках. Прошла две двери и впорхнула в третью.

Кирилюк слегка потерял голову от такого коловращения. Он долго бродил по коридорам с этажа на этаж, пока не подустал. Он догадался спуститься вниз и спросить милиционера. Тот ответил, что работает здесь недавно, что его превели сюда с другого объекта, и он пока не в курсе. Тогда Кирилюк, наливаясь злостью стал открывать первые попавшиеся двери и спрашивать. На третий раз ему, наконец, объяснили, где искать. На шестом этаже при переходе в левое крыло пошли таблички: «Министерство экономики». Нашел он и сектор консервной промышленности – все, что осталось от когда-то влиятельного министерства. Сектор представлял собой

три стола в огромной комнате, где стояло еще не менее двадцати таких столов. По стенам – длинные полосы полок, сплошь уставленные коробками папок: «сгущенное молоко», «детское питание», «консервы овощные, рыбные, мясные», «стандарты», «разрешительные документы» и много других папок. За двумя столами сидели две женщины: одна предпенсионка, другая только начинала. Средний стол занимал парень лет двадцати пяти, худощавый, черноволосый, с тонким красивым лицом.

– Кто из вас начальник сектора? – сурово спросил Кирилюк, уставший и скептически настроенный.

– Я, – поднял голову парень.

– «Два-три года после института – и уже в министерстве начальник сектора? Во– продвижение, во- демократия!! – с непроизвольным саркастическим удивлением произнес Кирилюк. – Директор консервного комбината из Днепровска, – сухо представился, уже напрочь забыв, что он в Кабинете Министров.

– Виталий Семенович, если не ошибаюсь? – оживился парень, отвлекаясь от документов. – Я – Константин Иванович. Какими ветрами к нам?

– Я уже, Костя, и сам не знаю, какого хрена я сюда приехал – ответил Кирилюк, натружено садясь. – У вас здесь очередная перестройка, перестановка, перетурбация, как раньше говорили. Короче, не до нас.

– Ну почему же, Виталий Семенович, – возразил Костя. – Работаем, помогаем, консультируем. Денег, правда, не даем. Вам, наверно, деньги нужны?

– А кому они не нужны? – вопросом на вопрос ответил Виталий Семенович, окончательно убедившись, что приехал напрасно.

Костя встал, подошел к полкам, вынул одну из папок и возвратился.

– Буду говорить языком цифр, – пояснил он. – Вот у нас, Виталий Семенович, 16 консервных комбинатов, конечно, не таких, как ваш, но все-таки больших, 84 консервных завода, 392 пищевкусовых фабрик и 1257 консервных цехов. Это на 1июля 1996 года. И все просят денег. Раньше в министерстве был небольшой резерв, теперь и этого нет. Опора на собственные силы, как в Китае.

– Кто из замов вас курирует? – нервно спросил Кирилюк

– Идемте, я вас проведу, – Костя поднялся и без лишних слов пошел к двери, понимая реакцию гостя. За недолгую свою работу в министерстве он наелся уже подобных разговоров и научился отфутболивать их наверх без обид и претензий.

– Вы, надеюсь, заметили, что попали к нам в обеденный перерыв? – на ходу говорил Костя.

– А я -то думал, почему у вас в отделе такая тишина, когда в коридорах полно людей.

– Вы загляните к нам через полчаса. Дурдом, голову некогда поднять. Мы же выписываем разрешения на экспорт консервов. Не знаю, кому пришла в голову такая нелепая мысль заниматься этими разрешениями. Ничего другого не успеваем делать.

– Да, – горячо поддержал Кирилюк, – полный идиотизм. – Это же штаб! Здесь должны мыслить на перспективу, должна стоять мертвая тишина. Совет Министров превратили в какой-то караван-сарай, оптовый рынок. Я разочарован донельзя.

– Говорят, временные трудности, – вздохнул Костя. – Вот эта дверь. Ровно в 14.00 можете заходить, если впереди вас никого не будет, в чем я сильно сомневаюсь.

Кирилюк прочитал табличку: «Нестеренко Владимир Павлович, заместитель министра»

– Ты на меня, Костя, не обижайся, – сказал на прощание Кирилюк. – Я от этого разговора ничего не жду, но надо пройти все инстанции, раз уж приехал. Если хочешь – заезжай ко мне в гостиницу, вот координаты, – он быстро написал на визитке адрес и номер. – Угостим, чем

бог послал, поговорим еще. А комбинат поднимется – будешь у нас желанным гостем, это тоже немало, понял?

– Спасибо, Виталий Семенович, заеду, если будет возможность, а насчет обиды – пустяки. Мы все здесь знаем, как вам сейчас трудно на местах. Будем помогать, чем только можем.

– Спасибо и на этом. Думаю, сектор еще превратится в министерство, – пошутил Кирилюк.

– Вашими заботами, – улыбнулся Костя и пошел к себе.

«Костя – молодец, не успел еще заматереть и скурвиться. И все-таки обстановка стала лучше, – размышлял Кирилюк, прохаживаясь по коридору. – Раньше сидели в кабинетах, как бонзы – не подступись. Он – на троне, а ты внизу на коврик и кладешь поклон за поклоном. Теперь хоть поговорить по-человечески можно. Неизвестно, конечно, сколько это продлится. И жаль, что суеты стало больше, а порядка меньше. В коридоре ни одного стула или лавочки. А с другой стороны, возражал сам себе Виталий Семенович, – это же не присутственное место. Кабинет Министров как ни как! Какие здесь могут быть лавочки. Пришел в строго назначенное время, приняли тебя – и будь здоров, Иван Петров. Это сейчас бардак, но когда -то же он кончится».

Кирилюк попал к заместителю министра только к вечеру, перед самым окончанием работы, да и то случайно. Заместитель вышел кого-то проводить – видно, важную персону – он встретился глазами с Кирилюком, потом внимательно присмотрелся, неуверенно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.